

Джеймс
Оливер Кервуд

Джеймс Оливер Кервуд

Рассказы

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Кервуд Д.

Рассказы / Д. Кервуд — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Джеймс Кервуд (1878–1927) — выдающийся американский писатель, создатель множества блестящих приключенческих книг, повествующих о природе и жизни животного мира, а также о буднях бесстрашных жителей канадского севера. Данная книга включает четыре лучших произведения, вышедших из-под пера Кервуда: «Охотники на волков», «Казан», «Погоня» и «Золотая петля». «Охотники на волков» повествуют об рискованной охоте, затеянной индейцем Ваби и его бледнолицым другом в суровых канадских снегах. «Казан» рассказывает о судьбе удивительного существа — полусобаки-полуволка, умеющего быть как преданным другом, так и свирепым врагом. «Золотая петля» познакомит читателя с Брэмом Джонсоном, укротителем свирепых животных, ведущим странный полудикий образ жизни, а «Погоня» поведаст о необычной встрече и позволит пережить множество опасностей, щекочущих нервы и захватывающих дух.

© Кервуд Д.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Охотники на волков	5
Глава I. Бой в лиственницах	5
Глава II. Как Вабигун-сын получил вкус к цивилизации	10
Глава III. Родерик убивает своего первого медведя	14
Глава IV. Родерик отбивает Миннетаки от похитителей	17
Глава V. Перед лицом пустыни	21
Глава VI. Таинственные выстрелы в тишине	28
Глава VII. Танец оленей	33
Глава VIII. Мукоки тревожит покой старых скелетов	38
Глава IX. Что заключал в себе мешочек из оленьей кожи	42
Глава X. Почему Волк и Мукоки ненавидели волков	47
Глава XI. Как Волк послал на верную смерть своих братьев	54
Глава XII. Родерик исследует таинственную ложбину	59
Глава XIII. Сон Родерика	63
Глава XIV. Тайна скелета	67
Глава XV. В снегу	72
Глава XVI. Катастрофа	76
Глава XVII. Погоня	80
Глава XVIII. Возвращение в Вабинош-хоуз	83
Золотая петля	88
Глава I. Брэм и его волки	88
Глава II. Филипп Брант считается с очевидностью	90
Глава III. Брант принимает решение	93
Глава IV. Восьмая ночь	95
Глава V. Первая встреча	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Джеймс Оливер Кервуд

Рассказы

Охотники на волков

Глава I. Бой в лиственницах

Суровая зима раскинула свой первый покров над Великой Канадской Пустыней. Красный шар луны всходил, освещая слабым светом безмолвную белую ширь. Ни один звук не нарушил ее унылого покоя. Дневная жизнь замерла, и не настал еще час, когда пробуждаются голоса блуждающих во тьме жителей ночи.

На переднем плане при блеске луны и рассеянном свете миллионов звезд поднимались амфитеатром массивы скал, у подножья которых спало замерзшее озеро. На склоне горы высились сосновый лес, черный и зловещий.

Несколько ниже лиственницы, наполовину согнувшиеся под тяжестью придавившего их снега и льда, стеной окаймляли озеро, окутывая его непроницаемым мраком. Со стороны, противоположной горе, соснам и лиственницам, скалистый амфитеатр переходил в безбрежную белую равнину, совершенно открытую и лишенную деревьев.

Огромная белая сова вынырнула из темноты, широко взмахнув крыльями. Потом она испустила хриплый и заунывный крик, который, казалось, возвещал, что близится наступление таинственного часа властителей ночи.

Снег, в изобилии падавший в течение целого дня, теперь перестал. Ни малейшего дуновения ветерка не чувствовалось в воздухе, и хлопья снега, уцепившись за самые тоненькие веточки, так и остались висеть на деревьях. Хотя ветра и не было, но мороз был суровый. Человек, простоявший неподвижно в течение часа, должен был замерзнуть.

Вдруг молчание нарушилось. Раздался крик, громкий и печальный, как невыразимая жалоба, жалоба нечеловеческая. Если бы она донеслась до ушей человека, то заставила бы кровь быстрее биться в его жилах и пальцы судорожно сжать приклад ружья.

Крик исходил из белой равнины и отдавался в ночи. Наконец он замер, и молчание, следовавшее за ним, показалось еще более глубоким. Белая сова, как большой снежный ком, молча пронеслась, быстро взмахивая крыльями, над замерзшим озером.

Потом, спустя несколько минут, жалобный крик возобновился, но уже слабее.

Человек, привыкший к Великой Белой Пустыне, напрягая слух и всматриваясь в темноту, не колеблясь признал бы в нем дикий вопль боли и агонии раненого и наполовину сраженного зверя.

В самом деле, в лунном сиянии медленно приближался великолепный лось-самец с той осторожностью, которая свойственна животным, измученным долгими часами травли. Его гордая голова, склонявшаяся под тяжестью массивных рогов, оборачивалась в сторону лиственного леса, расположенного на другом берегу озера. Животное втягивало воздух, его ноздри расширялись. Оно оставляло за собой следы крови. Раненное насмерть, оно с трудом тащилось по мокрому снегу, который покрывал лед, по-видимому, надеясь найти под сенью деревьев свое последнее пристанище.

Когда лось уже почти достиг своей цели, он вдруг остановился, закинул голову назад и, подняв вверх морду, насторожил свои длинные уши. Это обычная поза лосей, когда они прислушиваются. А слух их так тонок, что они различают на расстоянии мили всплески воды, встревоженной игрой речных форелей.

Но, казалось, ни один звук не нарушал молчания, только время от времени доносились зловещие крики белой совы, которая была еще недалеко. Однако мощное животное продолжало стоять неподвижно, к чему-то прислушиваясь, в то время как лужица крови под его грудью расплывалась по снегу. Какие таинственные звуки, неуловимые для человеческого слуха, долетали до его тонких, заостренных ушей? О какой опасности, таившейся в засаде черного соснового леса, они вопрошали?

Фыркание животного возобновилось. Втягивая ноздрями ночной мрак, оно поводило мордой то на восток, то на запад, чаще всего поворачиваясь к северу.

Вскоре можно уже было различить звуки, которые до тех пор слышны были одному лосю. Отдаленный вой, заунывный и в то же время дикий, нарастал, потом замирал, становясь с минуты на минуту все более определенным. Это был вой волков.

Петля палача для убийцы, осужденного на смерть, ружье, взятое на прицел, для шпиона, попавшего в руки врагов, то же, что этот волчий вой для раненого зверя Великой Канадской Пустыни. Старый лось снова опустил свою голову и свои широкие рога и, собрав все силы, побежал мелкими шажками к сосновому лесу.

Он отстоял дальше, но был гуще, чем маленький лесок из лиственниц, и животное инстинктивно понимало, что если бы ему удалось добежать, оно нашло бы там более безопасное убежище.

Но вот... Да, вот оно прервало свой бег и снова остановилось. Так неожиданно, что передние ноги подогнулись, и оно рухнуло на снег. На этот раз прозвучал ружейный выстрел.

Выстрел мог быть дан по меньшей мере за милю, а может быть, и за две. Но его отдаленность несколько не ослабила страха, заставившего затрепетать издыхающего царя Севера. Утром того же дня он уже слышал этот звук, нанеся неведомую и глубокую рану самым жизненным частям его тела. Худо ли, хорошо ли, но он поднялся на ноги и скрылся в промерзшей массе лиственниц.

После ружейного выстрела снова воцарилось молчание. Оно длилось около десяти минут, когда внезапно вопль прорезал воздух. Но теперь он был уже значительно ближе. Другой ответил ему, потом третий, четвертый, и скоро это был уже целый хор дико ревущей волчьей стаи.

Почти тотчас же силуэт человека выплыл из лиственного леса. Лицо его было цвета меди, как у индейцев.

Он прошел несколько ярдов. Потом, обернувшись к темной стене, закричал:

– Идите, Род. Мы на верной дороге, и наша стоянка уже недалеко.

Голос ответил:

– Я здесь, Ваби.

Прошло несколько минут, и появился другой молодой человек, белолицый.

Ему было не больше восемнадцати лет. Левой рукой он опирался на толстую палку. Его правая рука, которая казалась серьезно раненной, была обернута большим платком, исполнявшим роль импровизированной повязки. Лицо было все исцарапано и кровоточило. Весь его вид свидетельствовал о том, что он дошел до последней степени изнеможения.

Он сделал еще несколько шагов, шатаясь и судорожно глотая воздух. Потом палка выскользнула из его пальцев, потерявших чувствительность, и он даже не попытался поднять ее. Сознавая свою слабость, он согнул колени и опустился на снег.

Ваби протянул ему руку, чтобы помочь подняться.

– Как вы думаете, Род, сможете вы идти дальше? Молодой человек встал на ноги.

– Очень боюсь, что нет, – пробормотал он. – Я дошел до предела. И он снова повалился на землю.

Ваби положил свое ружье и опустился на колени возле товарища.

– Мы вполне могли бы, – сказал он, – расположиться здесь до утра, если бы у нас осталось больше чем три заряда.

– Всего три? – спросил Род.

– Ни шути больше. Этого хватит, чтобы убить двух или трех волков. Я не думал, когда шел искать вас, что вы забрались так далеко.

Встав перед Родериком, он перегнулся пополам, как перочинный нож, наполовину закрытый.

– Обнимите меня за шею, – сказал он, – и держитесь крепко. Ваби поднялся со своим грузом, держа Рода на могучих плечах.

Он уже готов был пуститься в путь, когда раздался охотничий клич волков настолько близко, что он остановился в сомнении.

– Они вышли на наш след, – заявил он. – Нечего и думать, что мы сможем удрать. Раньше чем через пять минут они будут здесь.

Страшное виденье пронеслось в его мозгу: смерть другого юноши, на его глазах растерзанного на куски этими хищниками Севера. И он задрожал. Значит, такова же будет участь его товарища и его собственная... Если только... Сбросив раненого с плеч и оставив его, он еще мог убежать. При этой мысли по лицу его прошла судорога, и он сурово усмехнулся. Покинуть Родерика! Не в это ли самое утро, в первой стычке с индейцами, они бок о бок разряжали свои ружья? Не рядом ли с ним упал Родерик в этой битве с раздробленной рукой? Если им суждено через минуту встретиться лицом к лицу со смертью, то и здесь их будет двое. Они умрут вместе.

Решение Ваби было принято моментально. Он вернулся обратно в лиственный лес, неся Рода на плечах. Для них оставался еще единственный шанс на спасение: взобраться на одно из деревьев и ждать, пока волки не разбегутся с наступлением дня. Правда, они подвергались бы тогда риску умереть в течение этого времени от холода. Эта битва между ними и волками была бы испытанием на выносливость.

Ваби остановился у подножия большой лиственницы, ветви которой под тяжестью снега пригибались до самой земли, и положил Рода. При свете луны, которая теперь стояла в небе и ярко блестела, он взглянул на белого юношу, лежавшего почти без сознания с полуоткрытыми глазами и безжизненными членами. Лицо его было смертельно бледно, и при виде этого призрачного лица верное сердце Ваби сжалось от тоски.

Но еще прежде, чем он успел подумать, как поднять раненого в надземное убежище, его ухо, привычное к звукам пустыни, насторожилось. Волки приближались! Он скорее почуял их, чем услышал. Ибо, приближаясь, кровожадные охотники прекратили свой вой. Не дожидаясь их, бесстрашно, с громким криком он выскочил им навстречу.

Они были не больше чем в нескольких шагах от леса, когда он преградил им путь. Это была лишь небольшая шайка, без сомнения авангард. Не теряя ни минуты, Ваби прицелился и выстрелил. Крик боли дал ему понять, что выстрел не пропал даром. Он снова приложился и прицелился так метко, что второй волк подскочил в воздухе, как на пружине, и плашмя повалился на снег, не издав ни звука. Тогда остальные разбежались, не забыв, однако, захватить с собою труп товарища, чтобы растерзать его где-нибудь поблизости.

Вернувшись к Роду, Ваби с радостью увидел, что тот, преодолев свою страшную слабость, стал понемногу приходить в себя. Тогда он вскарабкался на дерево и втащил его за собой.

– Второй раз вы спасаете меня, – сказал Род. – Первый раз, когда я тонул. Теперь от волков. Я никогда не забуду этого!

Он нежно опустил руку на плечо своего друга.

– Вы вполне отплатили мне сегодня утром, – ответил Ваби. – Ведь если вы так искалечены, так только из-за меня. Кровавая рана предназначалась мне. Мы с вами квиты. – И взгляды обоих юношей встретились, полные дружеского доверия.

Волчий концерт начался снова. Ваби добрался до верхушки дерева, чтобы наблюдать за происходящим. Стая только что вышла из соснового леса, немного повыше, на горе, и теперь

спускалась во весь опор по ее склону, рассыпаясь среди снега множеством черных точек, похожих на муравьев.

Ответный рев неся со стороны озера, по которому бегом приближалась вторая стая. Оба отряда хищников имели, казалось, в виду одну цель: лиственницы, где они должны были соединиться. Всего их было около шестидесяти.

Ваби с трудом втащил Рода несколько выше. Оба они, с единственным зарядом, который у них оставался, молча ждали. В утренней схватке Род лишился своего ружья и боевых припасов.

Между тем Ваби снова взобрался на свой наблюдательный пункт. Вскоре он убедился, что обе волчьи стаи действительно соединились и окружили лес. Казалось, что звери охвачены страшным возбуждением. Они только что наткнулись по дороге на лужицу крови, оставленную издыхающим лосем, и напали на его след.

– Что там происходит? – спросил Род вполголоса.

Черные глаза Ваби расширились и загорелись жарким пламенем. Кровь билась в его жилах, и сердце колотилось до боли. – Это они не за нами, – ответил он после минутного молчания. – Нас они не выследили и не почуяли. Есть какая-то другая добыча. Наше счастье!

Не успел он договорить, как кусты и ветви затрещали в нескольких шагах от их дерева, и юноши увидели огромную тень, которая пронеслась галопом прямо под ними. Ваби успел распознать лося, но он не подозревал, что это тот самый, которому он послал днем пулю, не сразившую его на месте. Волки с хриплым воем и голодным рычанием, временами вырывавшимся из их огромных пастей, преследовали по кровавому следу несчастное животное, пригнувшее голову почти до земли.

Для Ваби это зрелище не было ново, но Род видел его впервые, и хотя все произошло с молниеносной быстротой, жуткая картина надолго запечатлелась в его памяти. Долго еще потом грезилось ему во сне огромное животное, которое, чувствуя себя осужденным на смерть, мчалось в снежной ночи, испуская жалобные вопли агонии, и настигающая его дьявольская стая хищников пустыни, мощных и быстрых, с худощавыми телами, опьяненных близостью добычи. Ведь он был уверен, что лось будет побежден в этом неравном поединке и что волки сожрут его до последнего клочка.

– А теперь, – спокойно сказал Ваби, – мы можем спуститься на землю и без страха продолжать наш путь. Они слишком заняты, чтобы интересоваться нами.

Он помог Роду сойти на землю, поддерживая его за ноги. Потом согнулся перед ним, как раньше, и взвалил его себе на спину.

Они вышли из леса лиственниц и прошли около мили до небольшого потока, поверхность которого была покрыта льдом.

– Ваби, – сказал Род, – отдохните, я пойду сам. Я чувствую, что силы мои возвращаются. Поддержите меня только немного.

Оба продолжали путь. Ваби обхватил раненого за талию. Так они прошли вторую милю.

На одном из поворотов долины они вдруг заметили огонь, который весело сверкал близ соснового леса. Костер был еще на расстоянии доброй мили, но им казалось, что до него рукой подать. Они приветствовали его радостным криком. Ваби, положив ружье и отпустив товарища, сложил обе руки около рта в виде рупора и кинул вдаль свой обычный сигнальный клич:

– Уа-у-у-у-у! Уа-у-у-у-у!

В тишине ночи призыв долетел до огня. Туманная фигура показалась при свете пламени и вернула клич.

– Это Мукоки, – сказал Ваби.

– Мукоки, – повторил Род со смехом, счастливый, что его тяжелые испытания приходят к концу.

Но почти тотчас же Ваби заметил, как он пошатнулся, близкий к обмороку. Ему пришлось снова поддержать товарища, чтобы тот не упал на снег.

Если бы в этот вечер взоры юных охотников, лежавших у огня стоянки на замерзшей Омбакики, могли прозреть тайну будущего и предвидеть все трагические переживания, которые оно им готовило, то, быть может, они отступили бы и вернулись назад к покинутой цивилизации. Но возможно также, что счастливый исход, который должен был увенчать их долгие злоключения, несмотря на все, повлек бы их вперед. Ибо любовь к сильным ощущениям живет в сердцах юношей, полных жизненных сил.

Но перед ними не стояло такой альтернативы, так как будущее было от них скрыто. Только много позднее, когда протекли уже долгие годы и они, сидя перед весело потрескивающими дровами домашнего очага, могли снова увидеть в целом всю захватывающую картину своих приключений и восстановить ее в своем воображении, они поняли, что ни за какое золото мира не расстались бы до конца дней с этими неизгладимыми и дорогими для них воспоминаниями.

Глава II. Как Вабигун-сын получил вкус к цивилизации

Почти за тридцать лет до времени нашего повествования молодой человек по имени Джон Ньюсом покинул большой город Лондон, чтобы отправиться в Новый Свет. Судьба была жестока к нему. После смерти отца и матери он увидел, что разорен и что ему не остается ни гроша из небольшого семейного наследства.

Он высадился в Монреале, и так как это был юноша хорошо образованный, деятельный и предприимчивый, то он быстро создал себе положение. Хозяин, у которого он служил, оказал ему доверие и послал его в качестве уполномоченного, или фактора, в свою факторию Вабинош-Хоуз, лежавшую очень далеко на севере, в пустынной области озера Нипигон, в направлении Гудзонова залива.

Директор фактории является фактически королем своих владений. На второй год управления Джона Ньюсома ему нанес визит вождь племени краснокожих Вабигун. Он приехал в сопровождении своей дочери Миннетаки, именем которой, в честь ее красоты и добродетели, впоследствии был назван город. Миннетаки была тогда во всем блеске своей расцветающей молодости и сияла красотой, редкой среди индейских молодых девушек.

Она поразила Ньюсома, как удар молнии, и он с первого взгляда влюбился в божественную принцессу. С тех пор он зачастил в индейскую деревушку, вождем которой был Вабигун и которая лежала в тридцати милях от Вабинош-Хоуза, в глубине Великой Белой Пустыни.

Миннетаки не осталась нечувствительной к любви молодого директора. Но их брак, быстро решенный с самого начала, натолкнулся на серьезное препятствие.

Молодой индейский вождь, по имени Вунга, также влюбился в Миннетаки. Она же в глубине души ненавидела его. Но Вунга был могущественный вождь, более могущественный, чем Вабигун, который находился от него в зависимости, так как обычно пользовался его территорией для охоты. Значит, надо было с ним ладить. Миннетаки не смела вступить в брак с тем, кого любила.

Неистовое соперничество возникло между обоими претендентами. Двукратное покушение на Ньюсома явилось его результатом, и Вунга отправил Вабигуну ультиматум, требуя, чтобы он отдал за него свою дочь. Миннетаки лично ответила решительным отказом на это требование, и пламя ненависти еще ярче разгорелось в груди Вунги.

В одну черную ночь, во главе отряда из мужчин своего племени, он напал неожиданно на лагерь Вабигуна. Старый вождь был убит и с ним десятка два из его людей, но главная цель нападения – похищение Миннетаки – не была достигнута. Вунга был отброшен, прежде чем успел завладеть молодой девушкой.

Гонец был спешно отправлен в Вабинош-Хоуз, чтобы сообщить Ньюсому о нападении и о смерти Вабигуна. Молодой директор с дюжиной смелых людей полетел на помощь своей невесте. Вторая атака Вунги окончилась для него полной неудачей, и он вынужден был позорно отступить в пустыню с тяжелыми потерями среди людей.

Три дня спустя Ньюсом женился на Миннетаки. Начиная с этого момента открылась кровавая эра, воспоминания о которой надолго сохранились в летописях фактории. Ненависть, рожденная из любви, превратилась в неискупимую и нескончаемую ненависть рас.

Вунга смело поставил себя и свое племя вне закона и начал истреблять до последнего всех, кто был прежде подвластен Вабигуну. Те, кому удалось спастись, покинули свою старую территорию и укрылись в окрестностях фактории. Тогда для индейских охотников, приглашенных на службу в факторию, наступила очередь жить под постоянной угрозой облавы или убийства из засады.

Ненависть за ненависть, угроза за угрозу воздавались Вунге и людям его племени. И скоро все индейцы, кто бы они ни были, стали рассматриваться в Вабинош-Хоузе как враги.

Всех их принимали за людей племени Вунга и в обыденном разговоре называли не иначе как «вунгами». Они были объявлены хорошей мишенью для любого ружейного выстрела.

Между тем двое детей осветили союз Ньюсома и его прелестной краснокожей. Старший был мальчик, которого в честь старого вождя, его деда, назвали Вабигуном, или короче, Ваби. Вторая была девочка, на четыре года моложе, которую Ньюсом по имени матери назвал Миннетаки.

Странная вещь: казалось, что почти чистая индейская кровь бежала в жилах Ваби. Ребенок по виду был настоящим индейцем с макушки головы до кончика своих мокасин. Он был медного цвета и мускулистый, тонкий и быстрый как рысь, хитрый как лиса, и все в нем говорило, что он рожден для жизни в пустыне. Но вместе с тем он был очень интеллигентен и часто изумлял даже своего отца.

Миннетаки, напротив, по мере того как росла, все меньше сохраняла от дикой красоты своей матери и все больше походила своими манерами и грацией на белую женщину. Если ее волосы были черны как смоль и столь же черны ее большие глаза, то по тонкости кожи она принадлежала к расе своего отца.

Одним из лучших удовольствий для Ньюсома было заниматься воспитанием своей дикой жены. Вместе с тем оба они стремились к одному: дать маленький Миннетаки и ее брату такое образование, какое получают современные белые дети. Мальчик и девочка начали с посещения в Вабинош-Хоузе школы фактории. Потом их отослали на две зимы в более современную и лучше поставленную школу Порт-Артура, самого близкого из культурных центров. Оба обнаружили блестящие способности.

Так вступил Ваби в свой шестнадцатый год, а Миннетаки – в двенадцатый. Ничто в их обыденной речи не выдавало их принадлежности к индейской расе. Но по желанию своих родителей они владели также и языком предков старого Вабигуна.

В эту пору их ранней юности вунги сделались еще более дерзки в своих набегах и преступлениях. Они совершенно отказались от всякой честной работы и жили только грабежами и воровством. Маленькие дети всасывали с молоком матери наследственную ненависть к хозяевам Вабинош-Хоуза, ненависть, о происхождении которой помнил сейчас разве только сам Вунга. Так что в конце концов канадское правительство вынуждено было назначить цену за головы вождя краснокожих и его главных сообщников. Была организована экспедиция, которая отбросила поставленных вне закона индейцев в более отдаленные области. Но сам Вунга не был захвачен в плен.

Когда Ваби исполнилось семнадцать лет, было решено, что он поедет на год в Соединенные Штаты, в какую-нибудь высшую школу. Молодой индеец (действительно, почти все считали его за такового, и он этим гордился) энергично боролся против этого проекта, выдвигая тысячу аргументов. У него была, говорил он, подлинная страсть к Великой Белой Пустыне, всосанная с молоком матери. Все его существо восставало против тюрьмы больших городов с их сутолокой, шумом и грязью. Нет, нет, никогда не смог бы он приспособиться к этой жизни.

Тогда вмешалась сестра его, Миннетаки. Она просила, умоляла его поехать всего на один год, не больше. Потом он вернется и расскажет ей все, что видел, научит и ее всему, чему сам учился. Ваби любил свою милую сестренку больше всего на свете. Чтобы убедить его, она сумела сделать больше, чем его родители, и он поехал.

Он отправился в Детруа, в штат Мичиган, и в течение трех месяцев отдавался работе вполне добросовестно. Но с каждой неделей росла в нем тоска одиночества, томительная печаль по покинутой сестре и по Великой Белой Пустыне, которая не расстилалась уже перед его глазами со своими широкими просторами и лесами. Каждый день ложился новой тяжестью на его душу, и единственным утешением были письма, которые он три раза в неделю писал своей любимой сестре. Миннетаки, в свою очередь, писала ему не менее длинные письма, в

которых поддерживала и одобряла его. Она делала это также три раза в неделю, хотя почтовый курьер отправлялся из Вабинош-Хоуза всего два раза в месяц.

Именно в это время своей одинокой школьной жизни молодой Вабигун и завязал знакомство с Родериком Дрюи.

Как и Ньюсом, Родерик был дитя горя. Когда его отец умер, он был еще так мал, что даже не сохранил о нем воспоминания. Мать воспитала его, но небольшой капитал, который у них был, мало-помалу растаял. До последней минуты боролась она с нуждой, чтобы держать сына в школе. Теперь все источники иссякли, и Родерик готовился бросить свои занятия к концу текущей недели. Нужда стала его неумолимым господином, и он должен был зарабатывать, чтобы жить.

Мальчик рассказывал о своем тяжелом положении молодому индейцу, который ухватился за него, как утопающий хватается за спасательный круг, и с тех пор они стали неразлучны. Когда Родерик вернулся домой, Ваби тотчас же навестил его.

Миссис Дрюи была женщина культурная. Она приняла Ваби дружески и скоро начала относиться к нему почти с материнской лаской. Под этим живительным влиянием он стал находить ненавистную цивилизацию не такой уж безобразной, и изгнание показалось ему менее горестным. Эта перемена в настроении отразилась в его письмах к Миннетаки, в которых он с восторгом описывал семью своего друга.

Миссис Дрюи получала строки, полные трогательной благодарности, от матери Ваби, и регулярная переписка завязалась между обеими семьями.

Как только Ваби, не знавший теперь одиночества, заканчивал свой школьный день, он шел к своему другу, который к этому времени также возвращался из торгового дома, где служил: Долгие зимние вечера мальчишки коротали вместе. Они усаживались рядом перед огнем камина, и молодой индеец начинал свои бесконечные рассказы о несравненной жизни, которой живут обитатели Великой Белой Пустыни. Род слушал обоими ушами, и мало-помалу в нем зарождалось и росло непреодолимое желание познакомиться с этой жизнью. Они строили планы, придумывали множество всяких походов. Миссис Дрюи слушала то с улыбкой, то со смехом, и не говорила «нет» на все эти сногшибательные проекты.

Но наступает день, когда всему приходит конец. Ваби вернулся в Великую Белую Пустыню к своей краснокожей матери и к своей сестре Миннетаки. Глаза юношей наполнились слезами, когда они прощались, и миссис Дрюи тоже заплакала, видя, как поезд уносит молодого индейца.

Время, за этим последовавшее, было крайне тяжелым для Родерика. Восемь месяцев дружбы с Ваби пробудили в нем как бы вторую натуру, и ему казалось, что товарищ, уезжая, увез с собой частицу его собственной души. Наступила весна, потом лето. Каждый почтовый курьер увозил из Вабинош-Хоуза пакет писем для Дрюи и привозил пакет из Детруа.

Пришла осень, и сентябрьские морозы начали окрашивать в золотые и красные тона листву северной земли, когда длинное письмо, полученное от Ваби, вызвало в маленькой квартирке Дрюи сильное волнение, смешанное с радостью и тревогой. Оно сопровождалось вторым письмом от самого директора, третьим – от краснокожей матери Ваби и, наконец, маленькой припиской от юной Миннетаки. Все четыре послания настойчиво требовали, чтобы Родерик и миссис Дрюи приехали провести зиму в Вабинош-Хоузе. «Не бойтесь, – писал Ваби, – что немедленное оставление места будет связано для вас с денежными потерями. Мы здесь в течение зимы заработаем больше долларов, чем вы сумеете получить их за три года службы. Мы будем охотиться за волками. Наша область изобилует ими, и правительство дает за каждый скальп премию в пятнадцать долларов. За зиму прошлого и позапрошлого года я убил их по сорок штук. Да я считаю еще, что охота была неважная. У меня есть прирученный волк, который служит мне сторожем и приманкой. Что касается ружья и прочей экипировки, то не беспокойтесь об этом. У нас здесь найдется все, что нужно».

Миссис Дрюи и ее сын обсуждали в течение нескольких дней это предложение, прежде чем послать ответ в Вабинош-Хоуз. Родерик умолял принять приглашение. Он рисовал яркими красками счастливую жизнь, которая им предстояла, говорил о чудесном здоровье, которого они там наберутся. Он приводил тысячу самых разнообразных доводов, чтобы добиться желательного ему решения. Мать его была настроена менее восторженно. При том неустойчивом материальном положении, в котором они сейчас находились, не было ли неосторожностью отказаться от скромного, но все же верного заработка, который обеспечивал им в общем приличную и спокойную жизнь? Жалованье Родерика должно было с течением времени возрастать, и даже этой зимой ему уже обещана была прибавка в десять долларов в неделю.

В конце концов миссис Дрюи уступила. Она согласилась на отъезд Рода, сама же, несколько опасаясь столь дальнего путешествия, решила остаться дома и беречь квартиру. Письмо соответствующего содержания было отправлено в Вабинош-Хоуз с просьбой дать точные указания о маршруте, которого следует держаться Роду.

Ответ пришел через три недели. Десятого октября Ваби встретится с Родом в Шпру-свуде, расположенном на реке Эстюржон, по которой они поднимутся в лодке до озера с тем же названием. Там они возьмут билеты на пароход, курсирующий по озеру Нипигон, и прибудут в Вабинош-Хоуз прежде, чем начинающиеся морозы успеют сковать воды озера.

Времени для необходимых приготовлений к поездке оставалось мало, и четыре дня спустя Род уже прощался с матерью, чтобы сесть на поезд, который должен был умчать его в Шпру-свуд. Там, выходя из вагона, он встретил Ваби, который ждал его в сопровождении одного из индейцев фактории. В тот же день после полудня они начали подниматься по реке Эстюржон.

Глава III. Родерик убивает своего первого медведя

В первый раз в жизни Родерик углублялся в самое сердце Великой Пустыни Севера.

Сидя на носу лодки из березовой коры рядом с Ваби, он жадно впивал в себя дикую красоту лесов с их разнохарактерной растительностью и блестящих, как зеркало, болот, мимо которых они скользили по воде, подобно теням, под приглушенные всплески весел. Его сердце трепетало от радостного волнения, и настороженные глаза готовились ежеминутно к встрече с крупной дичью, которой, по словам Ваби, изобиловали берега Эстюржона.

На коленях его лежало ружье Лебеля, привезенное Ваби. Воздух был холодный из-за мороза, ударившего ночью. Время от времени буковые леса, облаченные в пурпур и золото, смыкали над их головами свои густые вершины. За ними тянулись другие леса, из черных сосен, которые сбегали к самым берегам реки. Болотные воды просачивались сквозь землю, поросшую лиственницами.

Это безбрежное пустынное одиночество, полное какой-то тайны, успокаивающе действовало на душу. Молчание нарушалось только разрозненными звуками своеобразной жизни пустыни. Куропатки с кудахтаньем убегали в кусты. Почти на каждом повороте реки стаи уток поднимались от воды, громко хлопая крыльями.

Один раз Род подскочил, услышав среди прибрежного кустарника, на расстоянии брошенного камня, какой-то странный треск. Он увидел, как ветки раздвинулись и пригнулись к земле.

– Лось, – прошептал Ваби за его спиной.

При этом слове Рода охватил трепет, и дрожь пробежала по всему его телу от напряжения и волнения.

Он не обладал еще ни пресыщенным хладнокровием старых охотников, ни тем стоическим равнодушием, с каким жители Северной Земли воспринимают раздающиеся вокруг них многочисленные крики диких животных. Род был еще новичком в охоте на крупную дичь. Но скоро ему пришлось познакомиться с ней, и притом очень близко.

После полудня на одном из изгибов реки, по которому они плыли в своей лодке, легко скользя по воде, внезапно показалась целая масса палых деревьев, сперва отнесенных течением, а потом снова прибитых к берегу. Солнце заходило за лесом, заливая его горячим желтым светом. На плавающих деревьях, по которым скользили косые солнечные лучи, лежал зверь.

Пронзительный крик непроизвольно сорвался с губ Родерика. Это был медведь. Он грел свои бархатные члены при последних лучах дневного светила, как это любят делать все его сородичи с приближением долгих зимних ночей.

Животное было застигнуто врасплох и на очень близком расстоянии. С быстротой молнии, едва созная, что делает, Род приложил ружье к плечу, прицелился и выстрелил.

Медведь с не меньшей быстротой начал уже карабкаться на берег. Он остановился на мгновение, как будто собираясь упасть, потом продолжал свое отступление.

– Вы ранили его, – крикнул Ваби. – Скорей посылайте вдогонку вторую пулю.

Род дал второй выстрел, но он, казалось, не произвел на медведя никакого впечатления. Тогда, вне себя, забыв, что находится на утлой лодчонке, он резким движением вскочил на ноги и выпустил последний заряд в чернеющий силуэт зверя, который уже скрывался среди деревьев.

Ваби и индеец поспешили перейти на противоположный конец лодки, чтобы переместить центр тяжести. Но их старания были напрасны. Род уже потерял равновесие и, покачнувшись от отдачи ружья, полетел в реку.

Прежде, чем он успел скрыться под водой, Ваби схватил ружье, которое Род еще не успел выпустить из рук.

– Не делайте лишних движений и держитесь крепко за ваше ружье. А главное не старайтесь влезть в лодку, а то мы все вылетим за борт. Индеец по его приказанию медленно повел лодку к берегу. Пока это длилось, Ваби с трудом удерживался от смеха при виде торчавшей из воды мокрой головы своего друга и его растерянной физиономии.

– Черт побери! Это был изящный выстрел для начинающего. Вы уложили вашего медведя.

Несмотря на всю плачевность своего положения, Род пришел в хорошее настроение от этой приятной новости. Не успел он почувствовать под собой твердую почву, как стремглав понесся в лес за своим медведем, вырвавшись из объятий Ваби, который, под влиянием только что пережитого волнения, хотел прижать его к своей груди.

Он нашел медведя на вершине холма, уже издохшего от двух пуль, из которых одна ранила его в бок, а другая попала прямо в голову. Тогда, перед трупом этого первого крупного зверя, сраженного его выстрелом, мокрый с головы до ног и дрожа всеми членами, он бросил в сторону своих компаньонов, причаливавших лодку, торжествующий победный клич, разнесшийся на полмили в окружности.

Ваби прибежал.

– Чудесное место для стоянки на сегодняшнюю ночь, – сказал он. – Нам здорово повезло. Благодаря вам, у нас будет сегодня настоящий пир, а дров здесь хватит, чтобы разложить костер и изжарить мясо. Вот видите, как я был прав, когда говорил, что жизнь хороша у нас на Северной Земле.

Потом он позвал старого индейца:

– Олла, Муки!

Этот индеец был родственником старого Вабигуна. Его настоящее имя было Мукоки, но звали его сокращенно Муки. С раннего детства Ваби он был его верным товарищем и спутником.

– Муки, ты выпотрошишь нам по всем правилам искусства этого молодца. Ладно? А я займусь тем временем устройством стоянки.

– Можно будет сохранить шкуру? – спросил Род. – Это мой первый трофей, и, конечно...

– Ну разумеется, можно, – отвечал Ваби. – А пока помогите мне развести огонь. Иначе вы можете простудиться.

Действительно, Родерик, радуясь своей первой ночной стоянке, почти позабыл, что промок до костей и что уже наступила холодная ночь.

Скоро длинные языки пламени вырывались уже из потрескивавшего костра и разливали на тридцать футов вокруг свой свет и тепло. Ваби принес из лодки тюк с одеялами и, заставив Родерика раздеться, тепло закутал его, а снятое с него мокрое платье развесил близ огня, чтобы оно просохло.

После этого, к великому восхищению Рода, Ваби занялся устройством убежища на ночь, которая обещала быть холодной. Не переставая слегка насвистывать, юноша взял из лодки топор, направился к группе кедров и начал срезать сучья с их веток. Род не хотел оставаться без дела и присоединился к Ваби, подвязав вокруг себя одеяло, отчего он все время спотыкался и имел довольно забавный вид.

Две большие раздвоенные на концах ветки были вертикально вкопаны в землю на расстоянии восьми футов друг от друга. На их разветвлениях было положено горизонтально маленькое дерево, которое должно было послужить основой для крыши. По правую и левую стороны, наклонно к земле, поставили еще около полдюжины больших веток в виде остова, и на них набросали сучья кедра. После получаса работы хижина уже приняла определенную форму.

Постройка была почти готова, когда Муки кончал обдирать и разрезать на части медведя. На пол хижины были набросаны ветки, испускающие смолистый запах, которые должны были служить кроватями.

Скоро большие куски медвежьего мяса были положены на раскаленные уголья, а аромат кофе, кипящего в котелке, смешался с аппетитным запахом мучных лепешек, поджаривавшихся в шипящем жиру на маленькой печке, и тут Род понял, что самые прекрасные из его снов осуществились.

Последовавшие затем три дня пути Род продолжал набираться опыта.

В одно прекрасное морозное утро, прежде чем его спутники проснулись, он, ни слова не говоря, оставил стоянку, вскинув на плечо ружье Ваби. Он дал два выстрела по красной лани и оба раза промахнулся. Потом он запыхался, преследуя оленя, но с тем же результатом, так как олень спасся от него, бросившись вплавь по озеру Эстюржон, а он три раза безуспешно выстрелил в него с далекого расстояния.

Глава IV. Родерик отбивает Миннетаки от похитителей

Пароход, на котором они ехали, рассекал спокойные воды озера Нипигон. В один чудесный день Ваби первый заметил своим острым взглядом бревенчатые домики Вабинош-Хоуза, столпившиеся у опушки огромного леса, терявшегося вдаль.

В то время как они приближались к берегу, он с радостью показывал Роду магазины фактории, маленькую группу домиков, где жили служащие, и дом директора, который должен был открыть перед Родом свои двери и принять его под свой кров.

Когда берег был уже недалеко, от него отделилась лодка и поплыла навстречу пароходу. Юноши увидели, что кто-то машет им белым платком в знак приветствия. Ваби ответил радостным криком и дал выстрел в воздух.

– Это Миннетаки! – воскликнул он. – Она мне обещала, что будет сторожить наш приезд и сама выедет к нам навстречу.

Миннетаки! Легкая нервная дрожь пробежала по телу Рода. Тысячу раз в вечера, проведенные перед огнем в квартирке миссис Дрюи, Ваби описывал ему молодую девушку. Вечно он вплетал свою сестру в разговор, связывал ее со всеми проектами, которые они строили, и мало-помалу, сам этого не сознавая, Родерик воспылал мечтательной любовью к той, которую он не видел никогда в жизни.

Молодые люди и Мукоки тотчас же подъехали к ней в береговой лодке.

Вся сияющая, с радостным возгласом, Миннетаки наклонилась к брату, чтобы поцеловать его. В то же время ее черные глаза бросили любопытный взгляд на того, о ком она так много слышала.

Ей было в то время пятнадцать лет. Подобно всем индейским девушкам ее возраста, она была гибка и стройна и походила на вполне сформировавшуюся женщину, особенно своей бессознательной грацией и женственностью своих движений. Волна слегка завивавшихся черных волос обрамляла прелестное личико, как решил про себя Род, одно из самых привлекательных, какие ему когда-либо приходилось встречать. Тяжелая коса, переплетенная красными осенними листьями, падала на плечи Миннетаки.

Она выпрямилась в своей лодке и улыбнулась Роду. Он тоже встал, чтобы вежливо ответить на ее приветствие, сняв шляпу, как полагается среди цивилизованных людей. Но в этот самый момент порыв ветра унес его головной убор в озеро.

Последовал взрыв смеха со стороны юношей и молодой девушки, и старый индеец не замедлил к нему присоединиться.

С этого момента лед был сломан, и, хохоча Роду прямо в лицо, Миннетаки направила свою лодку к его плавающей шляпе. Она выудила ее и протянула молодому человеку на конце весла.

– К чему это, – сказала она, – кутать голову до наступления больших холодов? У Ваби тоже есть такая привычка. У меня нет.

– В таком случае и я не стану этого делать, – галантно ответил Род.

И оба, среди взрывов веселого смеха, почувствовали, что краснеют.

Полное охотничье снаряжение ждало белого юношу в приготовленной для него комнате Вабинош-Хоуза: ружье системы Ремингтон с пятью зарядами, весьма страшное на вид, совсем такое же, как у Ваби, револьвер большого калибра, лыжи и десяток других принадлежностей, необходимых всякому, кто собирается предпринять длительную экспедицию в Великую Белую Пустыню. Род в первый же вечер примерил свое снаряжение.

Ваби тем временем отметил на карте их предполагаемый маршрут и обвел границы территории их будущей охоты. Волки, постоянно преследуемые в ближайших окрестностях фактории, стали здесь очень редки и слишком осторожны. Но на расстоянии сотни миль к востоку,

на землях, почти еще девственных, они водились в изобилии, истребляя массу лосей, ланей и оленей.

Туда-то и предполагал направиться Ваби, там и собирался он зимовать. Надо было не откладывая двигаться в путь и, напав на звериные тропы, в их центре построить как можно скорее, прежде чем начнутся большие снегопады, бревенчатую хижину, в которой охотники смогли бы укрыться в период сильных морозов.

Поэтому было решено, что мальчики в сопровождении Мукоки уже через неделю отправятся в свою экспедицию.

Родерик употребил наилучшим образом те несколько дней, которые ему оставалось провести в Вабинош-Хоузе, и в то время как Ваби, по случаю краткого отсутствия своего отца, заменял его в торговых делах, он получал от хорошенькой маленькой Миннетаки свои первые уроки вольной жизни.

Плывя в лодке с ружьем в руке или же изучая с ее помощью таинственные сигналы лесной жизни, молодой человек не переставал смотреть на девушку с нескрываемым восхищением.

Когда он видел ее склонившейся к свежему следу, всю трепещущую, с внезапно загоревшимися и сверкающими, как раскаленные угли, глазами, с тяжелой копной пропитанных теплыми отсветами солнца волос, которые мели вокруг нее землю, она казалась ему очаровательной и живой картинкой и могла, конечно, тронуть сердце восемнадцатилетнего юнца. Сотни раз он призывал небеса в свидетели, что, начиная с кончиков ее хорошеньких ножек, обутых в мокасины, и кончая макушкой ее головы, не было в мире ей равной. Не один раз делился он своими чувствами с Ваби, который восторженно соглашался с ним. Поэтому-то неделя не успела еще окончиться, как Миннетаки и Род стали уже неразлучными товарищами. И не без некоторого сожаления встретил молодой охотник занимавшуюся в небе зарю того дня, когда они должны были углубиться в самое сердце Великой Белой Пустыни.

Миннетаки вставала обыкновенно одной из первых в Вабинош-Хоузе. Но Род большею частью поднимался еще раньше нее. В это утро, однако, он немного запоздал, и, в то время как он одевался и занимался своим туалетом, он слышал свист Миннетаки, доносившийся снаружи. Ибо молодая девушка умела свистеть с таким совершенством, которое возбуждало его зависть.

Когда он спустился из своей комнаты и вышел, Миннетаки уже не было. Он нашел только Ваби, который вместе с Мукоки собирался увязывать мешки с провизией и снаряжением.

Утро было чистое, ясное и холодное, и Род заметил, что тонкий слой льда за ночь покрыл озеро. Раз или два Ваби повернул голову к опушке и дал свой обычный сигнал Миннетаки. Никто не ответил. – Хотел бы я знать, – сказал он, продолжая затягивать ремни вокруг одного тюка, – почему это она не приходит? Скоро уже подадут завтрак. Род, пойдите-ка поищите ее. Хорошо?

Родерик не заставил себя просить вторично. Он быстро побежал по маленькой тропинке, по которой, он знал, всегда гуляла Миннетаки.

Прежде чем скрыться в лесу, эта тропинка тянулась по усеянному камнями песчаному берегу озера.

Так он дошел до того места, где Миннетаки привязывала свою лодку из березовой коры, и понял, что не так давно она должна была пройти здесь. Действительно, лед вокруг лодки был разбит, и молодая девушка очистила от него воду на протяжении нескольких футов.

С этого места тропинка, на которой запечатлелись следы маленьких ножек, поднималась по береговому склону и подходила к лесу. Род пошел по ней и, прежде чем вступить под деревья, он закричал в несколько приемов:

– Олла, о, Миннетаки, Миннетаки!

Он начал звать снова, на этот раз во весь голос. Никакого ответа.

Беспокойство, смутное предчувствие, которого он не мог осознать, заставили его продолжать свой путь через лес, куда вела та же узенькая тропинка.

Он шел пять, десять минут. Потом позвал снова. То же молчание. Тогда он подумал, что, быть может, молодая девушка пошла другой тропинкой и что сам он забрел слишком далеко в чащу леса. Но все-таки он продолжал идти еще несколько минут и вскоре добрался до места, где тропинку преграждал огромный ствол упавшего дерева, которое медленно гнило, оставляя на земле слой мягкого, густого, черноватого перегноя. Мокасины Миннетаки отпечатались на нем, как на воске.

Род остановился в недоумении. Он прислушивался, сам не производя ни малейшего шума; но ветер не доносил до него никаких особенных звуков. Одно было несомненно – это то, что он находился сейчас на расстоянии более чем мили от фактории и что ни он, ни Миннетаки не могли бы уже поспеть к обычному часу завтрака. Рассматривая в перегное отпечатки следов молодой девушки, он, несмотря на все свое беспокойство, не мог удержаться от восхищения ее маленькими ножками. Кроме того, он обнаружил, что мокасины Миннетаки, вопреки общепринятому обычаю, были снабжены каблучками.

Он дошел до этого пункта своих размышлений, как вдруг вздрогнул. Не отдаленный ли крик донесся до него? Сердце его перестало биться, кровь загорелась, и в ту же секунду он устремился вперед с быстротой оленя.

Очень скоро он добрался до прогалины, выжженной лесным пожаром.

И тут, посредине прогалины, глазам его представилось зрелище, от которого кровь застыла в его жилах. По тропинке шла Миннетаки. Ее длинные волосы распустились по плечам, глаза были завязаны, рот затянут платком, два индейца с обеих сторон стремительно тащили ее вперед.

Род застыл от ужаса. Но это продолжалось одно лишь короткое мгновение. Он быстро овладел собой, и каждый мускул его тела напрягся в ожидании борьбы.

В течение недели он упражнялся в стрельбе из своего револьвера, с которым теперь никогда не расставался. Он вынул его из кобуры. Но мог ли он выстрелить в этих двух негодяев, не рискуя попасть в Миннетаки? Осторожность не позволяла ему отважиться на такой риск. Огромная ветка валялась на земле тут же рядом. Он поднял ее, рассчитывая воспользоваться ею, как дубиной, и побежал вперед. Сырая почва заглушала шум его шагов.

Он был уже на расстоянии не более десяти футов от поразившей его ужасом группы, когда Миннетаки сделала отчаянное усилие, чтобы освободиться. Один из краснокожих, стараясь удержать ее, случайно обернулся назад и вдруг увидел разъяренного, как демон, юношу, который, размахнувшись, опустил на него дубину. Рычание Рода, предостерегающий крик индейца – и бой завязался.

Палка Рода опустилась с глухим ударом на плечо второго индейца, который повалился на землю. Но прежде чем молодой человек успел занять оборонительную позицию, второй противник схватил его сзади и стал душить смертельной хваткой. Неожиданная атака вернула свободу Миннетаки, и она поспешно сорвала повязку со рта и глаз. С быстротой молнии она сориентировалась в положении. Род и его противник катались по земле и боролись врукопашную не на живот, а на смерть. Первый индеец, выйдя из своего оцепенения, начал приподниматься и пополз к месту схватки, чтобы оказать помощь своему товарищу. Миннетаки поняла, что это была верная смерть для ее спасителя; лицо ее побледнело, а глаза страшно расширились. С судорожным рыданием она схватила палку, брошенную Родом, подняла ее и изо всех сил ударила ею по голове краснокожего, который боролся с Родом. Один раз, два раза, три раза поднималась и опускалась палка, и человек разжал свои объятия. Юноша, наполовину уже задушенный, начал дышать.

Однако сражение еще не окончилось. Второму индейцу удалось подняться на ноги, и, когда храбрая девушка в четвертый раз занесла свою палку, сильный толчок отбросил ее назад, и она почувствовала, что ее схватили за горло.

Передышка, которую она дала Роду, оказалась ненапрасной. Он мог теперь дотянуться до кобуры своего револьвера. Приставив револьвер к груди своего противника, он выстрелил в упор. Раздался глухой треск, крик боли, и индеец упал навзничь. Увидев это, краснокожий, оставшийся в живых, выпустил Миннетаки и со всех ног пустился бежать в лес.

Миннетаки, совершенно разбитая столько же страхом и тревогой, как и нечеловеческим напряжением воли, которое она только что проявила, как подкошенная упала на землю, заливаясь горячими слезами. Род, забыв о себе, подбежал к ней, гладил ее по растрепавшимся волосам и успокаивал, как только мог.

Ваби и Мукоки нашли их на том же месте. Они услышали крик Родерика, бросающегося в атаку, и стремглав кинулись на помощь. Крики Миннетаки во время схватки помогли им определить направление, какого следовало держаться. Еще двое служащих фактории, совершавшие обход, пришли к тому же месту.

Убитый индеец был признан одним из людей племени Вунга. Миннетаки рассказала, что она отошла еще недалеко от Вабинош-Хоуза и ее крики легко могли быть там услышаны, если бы два индейца, неожиданно на нее набросившиеся, не завязали ей тотчас же рот. С дьявольской хитростью они заставляли ее все время идти по узкой тропинке, а сами, держа ее с двух сторон за руки, шли сбоку по мху. Поэтому только ее следы отпечатались на тропинке там, где почва была помягче. Всякий, кто пошел бы, как это сделал Род, по следу молодой девушки, неизбежно должен был подумать, что она была одна и прогуливалась в полной безопасности.

Эта попытка похищения Миннетаки, героическое вмешательство Родерика, смерть одного из похитителей вызвали в фактории чрезвычайное волнение. Для всех было очевидно, что сам Вунга должен был блуждать где-то поблизости в окрестностях фактории. Несколько белых семейств, живших в Вабинош-Хоузе, решили организовать облавы на двадцать миль в округности. Этот район казался достаточным для обеспечения безопасности Миннетаки и других молодых девушек. Четверым из самых искусных следопытов колонии было дано специальное поручение разыскать следы поставленных вне закона индейцев. Ваби, Род и еще пара десятков мужчин проводили целые дни, рыская по лесам и болотам. Отъезд молодых охотников из-за этого был временно отложен.

Но вунги исчезли так же внезапно, как и появились. Снова стали говорить об отъезде. Не раньше, однако, чем Миннетаки обещала Роду и Ваби быть впредь более осторожной и прекратить свои одинокие прогулки по лесу.

Глава V. Перед лицом пустыни

Четвертого ноября, в понедельник, Род, Ваби и их старый проводник Мукоки оставили наконец факторию и вступили на стезю приключений, которые ждали их в Великой Белой Пустыне.

Мороз стал крепчать. Озера и реки уже глубоко промерзли, и снег разостлал по земле свой первый тонкий покров.

Молодые охотники, которые запоздали на две недели сравнительно со своим первоначальным планом, достигли форсированным маршем северной окраины озера Нипигон и через шесть дней добрались уже до реки Омбаики. Там они были задержаны сильной снежной метелью.

Была разбита временная стоянка. Во время работы Мукоки открыл первые волчьи следы. Тогда он решил, что они останутся здесь день-два, чтобы обследовать окрестности.

На второй день Род и Ваби, отделившись от Мукоки, решили до наступления ночи сделать большой обход и, воспользовавшись благоприятными условиями, еще до начала больших снегопадов обследовать более отдаленные места.

Старый индеец остался один на стоянке.

В течение шести дней, как мы уже сказали, маленький отряд шел безостановочно, и единственной его пищей было копченое сало и консервированная дичь. Мукоки, чудовищный аппетит которого мог сравниться разве только с тем искусством, которое он проявлял для его удовлетворения, решил, если удастся, пополнить съестные припасы за время отсутствия своих друзей.

Кроме ружья, он взвалил на плечи два капкана для волков и отправился на час, на два. Осторожно скользил он вдоль реки, зорко всматриваясь и чутко прислушиваясь в ожидании случайной дичи. Вдруг он наткнулся на замерзшее и наполовину объеденное туловище оленя. Ясно было, что животное убито волками в этот самый день или накануне. Следы от лап, оставшиеся на снегу, убедили индейца, что в убийстве и в пиршестве приняли участие четыре волка.

Он ни минуты не сомневался, на основании своего многолетнего охотничьего опыта, что волки должны вернуться на следующую ночь, чтобы закончить свой кутеж. Воспользовавшись этим, он расставил капканы и покрыл их сверху тремя или четырьмя дюймами снега.

Продолжая свой путь, Мукоки попал на свежий след карибу. Уверенный в том, что животное не могло убежать очень далеко по мягкому снегу, он пошел по его следу с быстротой, на какую только был способен. Пройдя с полмили, он вдруг остановился, охваченный бесконечным изумлением. Другой охотник также преследовал зверя по его следам.

С удвоенной осторожностью Мукоки продолжал подвигаться вперед. На двести футов дальше вторая пара мокасин присоединилась к первой, а немного подальше и третья.

Руководимый скорее любопытством, чем надеждой найти свою долю добычи, индеец молча шел вперед между деревьями. Когда он выходил из густой заросли молодых сосен, его ожидал новый сюрприз. Он чуть не полетел, наткнувшись на тушу карибу, которого выслеживал.

Краткий осмотр убедил его, что животное было убито не больше чем два часа тому назад. Трое охотников выпотрошили его, унеся сердце и печень. Кроме того, они отрезали и забрали с собой всю заднюю часть, бросив остатки мяса и шкуру. Почему они удовлетворились такой незначительной частью добычи? Мукоки снова начал рассматривать отпечатки мокасин. Он констатировал явную поспешность торопливых шагов. Неведомые охотники, забрав самые лакомые кусочки дичи, не хотели больше задерживаться и быстро удрали.

Это послужило новым поводом для изумления индейца. Ворча, вернулся он к мертвому карибу, быстро ободрал шкуру с его передней части, завернул в нее лучшие кусочки оставшегося мяса и, нагруженный своей добычей, вернулся на стоянку.

Род и Ваби еще не возвращались. Он развел на свободе большой костер, пристроил близ огня на вертеле кусок жаркого и стал ждать. Он ждал долго, и ночь давно уже спустилась, а мальчики все еще не показывались.

Беспокойство овладело Мукоки, и он начал опасаться, не случилось ли уже какое-нибудь непоправимое несчастье, когда услышал призыв Ваби. Он побежал и нашел его держащим на руках, как мы описывали выше, почти безжизненное тело Рода.

Раненый был тотчас же перенесен на стоянку. Как только он был уложен на свою постель в построенной из веток хижине, против веселого огня, который вливал в него жизнь, Ваби дал некоторые разъяснения старому индейцу.

– Я очень боюсь, – сказал он, – не сломана ли у него рука. Муки, есть у тебя теплая вода?

– Ранен выстрелом из ружья? – спросил Мукоки, не отвечая на поставленный ему вопрос.

И он опустился на колени рядом с Родом, протянув к нему свои длинные коричневые пальцы.

– Выстрел из ружья? – повторил он. Ваби покачал головой.

– Нет, палочный удар. Мы встретили трех индейцев, которые расположились на привал. Они пригласили нас закусить вместе с ними. В то время как мы ели, ничего не подозревая, они напали на нас сзади. Род получил этот удар и, кроме того, лишился своего ружья.

Мукоки уже раздел мальчика и осматривал его. Левая рука сильно распухла и почти совершенно потемнела. С той же стороны, несколько повыше пояса, виден был большой синяк. Старый проводник был случайным, но не лишенным ловкости хирургом, какие встречаются в Великой Белой Пустыне, где нет иных учителей, кроме наблюдения за природой и опыта. Он поставил свой диагноз, тиская и щипля мышцы, нажимая на кости так основательно, что Род стал в конце концов громко кричать. Но исследование оказалось благоприятным.

– Все кости целы, – с торжеством воскликнул наконец Мукоки. – Здесь, – и он показал на синяк, – самая большая рана. Почти сломанное ребро. Но не совсем. Этот удар мешать ему дышать и сделать его больным. Дать ему хороший ужин, горячий кофе, натереть медвежьим жиром. Тогда ему чувствовать себя лучше.

Род с полузакрытыми еще глазами слабо улыбнулся, Ваби облегченно вздохнул.

– Вот видите, Род, – сказал он, – дело не так уж плохо, как мы думали. Вы можете смело верить Муки. Если уж он утверждает, что рука не сломана, значит, она не сломана. Вот и все. Давайте-ка я подоткну под вас одеяло. А потом примемся за ужин. Это самое лучшее лекарство от всех ваших болезней. Я уже чувствую запах мяса. Да еще свежего мяса!

Мукоки вскочил на ноги с радостным кудахтаньем и поспешно вернулся к своему жаркому. Оно уже приняло чудесный золотистый оттенок, и сок, который оно пустило, раздражал ноздри своим аппетитным запахом.

Ваби, следуя указаниям старого индейца, занялся перевязкой ран своего друга. Не успел он справиться с этим делом, как все приготовления к пиру были закончены. Он принес Роду кусок жаркого весьма приличных размеров, а также лепешку из ржаной муки и чашку дымящегося кофе. Род весело расхохотался.

– Мне просто неловко, что вы за мной так ухаживаете, – сказал он. – Сколько хлопот я причиняю вам обоим, как будто я какой-то беспомощный ребенок. И подумать только, что я даже не могу сослаться в свое оправдание на сломанную руку. По правде сказать, я действительно голоден как волк. Вы не находите, Ваби, что я немножко струсил? И испугался так, как будто уже умираю! Я начинаю, в конце концов, жалеть, что у меня и в самом деле не сломана рука. Мукоки был занят в это время огромным куском жирного мяса, в который запустил свои зубы. Он перестал есть и, подняв свою лоснящуюся физиономию, сказал вполголоса:

– Да, надо ему много больной. Еще много больной, страшно больной. Ему больше больной, чем он думает...

– Правильно, – закричал Ваби. – Великолепная штука – болезнь. И общая веселость раскатилась по пустыне взрывами громкого хохота.

Но вдруг молодой человек стал серьезен. Он бросил подозрительный взгляд в темноту, за пределы освещенного костром круга.

– Вы предполагаете, – спросил Род, – что они способны преследовать нас и здесь?

Ваби вместо ответа приложил палец к губам, и все голоса невольно понизились.

Потом Ваби рассказал старому проводнику о событиях дня. Он снова повторил, как они с Родом, в глубине леса, на расстоянии нескольких миль от озера, приняли приглашение троих индейцев и как стали жертвой предательского нападения. Нападение было столь быстро и столь неожиданно, что один из индейцев имел полную возможность сразу же удрать с ружьем Рода, его патронташем и револьвером. В схватке, которая завязалась, Ваби был повержен наземь двумя остальными индейцами, и именно тогда-то, придя ему на помощь, Род получил два жестоких удара не то палкой, не то ружейным прикладом. Целью нападавших было завладеть ружьем Ваби, как они это сделали с ружьем Рода. Но мальчик вцепился в него крепко, и ничто не заставило бы его выпустить из рук свое оружие. Видя это, оба индейца после короткой борьбы быстро скрылись в зарослях, удовлетворившись своей первой добычей.

– Я думаю, – закончил Ваби, – что это люди племени Вунга. Но я спрашиваю себя, почему они с самого начала не убили нас, ведь это так легко было сделать. Казалось, что они это и имеют в виду. Может быть, они боялись мести наших...

Ваби умолк, и в глазах его отразилась внутренняя тревога.

Тогда наступила очередь Мукоки рассказать обо всем, что случилось с ним за день, и об оставленной неведомыми охотниками части убитого ими карибу.

– Любопытная история, – сказал Ваби. – Не думаю, чтобы это были те самые индейцы, которых встретили мы. Но ручаюсь головой, что они принадлежат к той же шайке. Надо полагать, что Вунга имеет в этих краях одно из своих обычных пристанищ. Мы попали в осиное гнездо. Самое лучшее, что мы теперь можем сделать, это как можно скорее выбраться из этой области.

– Мы послужили бы для них великолепной мишенью, – подтвердил Род.

В самом деле, устроившись вначале в конусе тени, отбрасываемой горой, они были теперь, когда луна поднялась выше, освещены яркими лучами ночного светила, тогда как другой берег реки, напротив, был погружен во мрак.

Тем временем послышался слабый звук, как будто кто-то задел снаружи ветки их хижины. За ним последовало странное фырканье, а потом глухой стон.

– Молчите и слушайте, – приказал Ваби приглушенным голосом. И он раздвинул сосновые ветки, проделал небольшое отверстие и просунул через него голову.

– Олла, Волк! – прошептал он чуть слышно. – Что там такое? В нескольких шагах от хижины к одному из кустов было привязано худощавое животное, которое смутно напоминало собаку. Оно вытянулось вперед, мускулы ног были напряжены, уши настороже.

Присмотревшись к нему ближе, можно было заметить, что это была не собака, а взрослый волк, самый настоящий волк. Взятый в плен еще детенышем, он получил воспитание подлинной собаки, но дикий инстинкт никогда не покидал его. Если бы оборвалась привязь, которая его удерживала, если бы его ошейник соскользнул с шеи, волк одним прыжком очутился бы в лесу и присоединился к стае своих собратьев.

Но пока что волк был здесь. Он дергал за веревку и с полуоткрытой пастью прислушивался к чему-то, поднимая кверху морду.

– Совершенно ясно, что-то происходит недалеко отсюда, – сказал Ваби, просовывая голову обратно в хижину. – Что ты об этом думаешь, Муки?

Протяжный и заунывный вой пленного волка прервал его слог.

Мукоки встал с быстротой кошки и, вскинув ружье на руку, выскользнул наружу. Родерик не испугался и продолжал лежать, а Ваби, взяв второе ружье, последовал за Мукоки.

– Оставайтесь здесь и лежите спокойно, – сказал он тихо. – Ваша постель в тени, и пуля не может попасть в вас. По всей вероятности, это просто какое-нибудь животное, напавшее случайно на нашу стоянку. Но все-таки осторожность требует, чтобы мы убедились в этом.

Десять минут спустя Ваби показался снова.

– Ложная тревога, – сказал он, весело смеясь. – Эта первая оленья туша, на которую вчера наткнулся Муки, привлекла, как он и предполагал, нескольких волков. Наш волк почуял своих сородичей и пришел в волнение. Капканы, расставленные Муки, без сомнения, снабдят нас первыми скальпами.

– А где Муки?

– Для большей безопасности он держит караул снаружи и останется там до полуночи. А потом я пойду сменить его. Надо остерегаться вунгов.

Род повернулся не без труда на своем ложе.

– А завтра? – спросил он.

– Завтра мы отправимся восвояси, дорогой дружище. Если только вы в состоянии будете передвигаться... Еще два-три дня мы будем подниматься по течению Омбаики и только тогда устроим более основательную стоянку. Завтра рано утром вы сможете отправиться в путь вместе с Муки, держась этого направления.

– А вы? – спросил Род опечаленным голосом.

– Я? О, я, прежде всего вернусь обратно, чтобы подобрать скальпы тех волков, которых мы с вами убили. Они стоят по меньшей мере вашего месячного жалованья. А теперь повернемся-ка на другой бок. Покойной ночи, Род, и спите крепко. Вам придется завтра подняться спозаранку.

Оба мальчика, истощенные событиями этого длинного и драматического дня, не замедлили погрузиться в глубокий сон. И, когда наступила полночь, верный Мукоки не пошел будить Ваби, чтобы он сменил его на карауле. Часы проходили за часами, а он и не думал отлучаться со своего поста. Потом, при первых проблесках дня, он стал раздувать пламя костра, пока оно не ожило, и, собрав горячие уголья, занялся приготовлением завтрака.

Когда Ваби проснулся, он застал его на корточках за этим занятием,

– Я никогда не думал, – сказал он, и его доброе лицо залилось легкой краской смущения, – что ты сыграешь со мной такую штуку, Муки. Конечно, ты очень добр ко мне, но когда же ты перестанешь смотреть на меня как на маленького мальчика, мой старый друг?

Его рука ласково легла на плечо Мукоки, и старый охотник, повернув голову, взглянул на него счастливым взглядом. Довольное выражение появилось на его суровом, морщинистом от долгих лет, проведенных в Великой Белой Пустыне, лице, изъеденном непогодами и бурями, как дубленая кожа. Ведь он первый на своих плечах таскал маленького Ваби по рощам и лесам. Он первый научил его играм и заботился о нем, когда тот был еще совсем крошкой, и он же приобщил его к нравам и обычаям Пустыни. Когда Ваби отослали в школу, никто не страдал от этой разлуки так, как старый индеец, если не считать маленькой Миннетаки. Для обоих детей он был вторым отцом, одновременно и сторожем и товарищем, внимательным и молчаливым. Прикосновение руки Ваби было для него вполне достаточным вознаграждением за долгие часы бодрствования, и он выразил свою радость двумя или тремя глухими ворчливыми звуками.

– Вы иметь худой день, – сказал он. – Много устать. Мне быть здоров. Не спать для меня лучше спать.

Он поднялся на ноги и протянул Ваби длинную вилку, с помощью которой переворачивал мясо на угольях.

– Вы делать это, – прибавил он. – Я пойти посмотреть капканы. Род также проснулся. Он слышал конец разговора и крикнул из хижины:

– Подожди меня минутку, Мукоки. Я пойду с тобой. Если ты поймал волка, я хочу посмотреть на него.

– Конечно же я поймать волка, – проворчал Мукоки. Родерик не замедлил явиться, совершенно одетый и с лицом гораздо более свежим, чем когда он лежал. Он потянулся перед огнем, вытянул одну руку, потом другую, поморщился от боли и сообщил своим компаньонам, что чувствует себя лучше, чем когда бы то ни было, если не считать довольно сильной боли в левой руке. Короче говоря, он опять стал самим собой, как выразился Ваби.

Итак, они отправились вместе с Мукоки вдоль реки, подвигаясь очень медленно и с предосторожностями. Утро было серое и хмурое, и время от времени начинали летать большие хлопья снега, верный признак того, что к концу дня должна была разыгаться новая снежная метель.

Капканы Мукоки были не очень далеко. Громкое ворчание, которое должно было означать удовольствие, вырвалось из груди индейца, и он ускорил шаги.

Род скоро догнал его. Черная масса лежала перед ним на снегу.

– Есть! – воскликнул индеец.

Увидев, что они подошли, черная масса ожила. Она стала биться, задыхаясь в судорогах агонии. Мукоки осмотрел свою добычу.

– Волчица! – воскликнул он.

Взяв в руки топор, который он захватил с собой, Мукоки приблизился к животному, распростертому перед ним.

Род мог теперь видеть, что один из больших стальных зажимов захватил переднюю лапу зверя, а второй погрузил свои зубья в его заднюю лапу. Захваченный таким образом пленник не мог ничего сделать для своей защиты и лежал молчаливый и испуганный, в мрачном спокойствии обнажив блестящую полосу своих белых зубов. Глаза его лихорадочно сверкали от боли и от бессильной ярости, и, когда индеец занес руку, чтобы нанести удар, дрожь ужаса сотрясла все его тело.

Это было страшное зрелище, и Род почувствовал, как в нем поднимается волна жалости, но в ту же минуту он вспомнил об опасности, которой избежал накануне, и о своем стремительном бегстве от волчьей стаи.

Двумя или тремя быстрыми ударами Мукоки прикончил животное. Потом, с ловкостью, характерной для его расы, он вытащил нож и решительным взмахом надрезал кожу вокруг головы волчицы, пройдя как раз под ушами. Легкое встряхивание сверху вниз, потом снизу вверх, потом вправо, влево – и скальп отделился.

Это было сделано так искусно, что Род, сам не сознавая, что говорит, не мог удержаться от восклицания:

– Ты так же скальпируешь и людей, Муки?

Старый индеец поднял глаза, посмотрел на него пристально одно мгновение и широко раздвинул свои челюсти. Раздался какой-то звук, который Роду уже приходилось слышать и который у Мукоки больше всего походил на смех, на тот смех, каким смеются обыкновенные люди. Действительно, обычно, когда Мукоки хотел смеяться, он издавал звук, которому не было названия, нечто вроде кудактанья; ни Род, ни Ваби никак не могли научиться подражать ему, хотя очень старались в течение целого месяца. Но на этот раз веселость его была беспредельна.

– Никогда не скальпировать белых. Мой отец делать это, когда был молодой. Никогда не делать потом. Я никогда.

И смех его, снова перешедший в гортань, превратился в обычное кудактанье, которое еще продолжалось, когда оба спутника подошли к стоянке.

Не больше десяти минут употребили они на сборы и на легкий завтрак. Начинался сильный снег. Отправившись немедленно в путь, они могли быть уверены, что следы их будут сейчас же замечены. А это было наилучшее, чего только можно желать, поскольку речь шла о возможном преследовании вунгами. С другой стороны, нечего было бояться, что Ваби не сумеет найти их, так как было решено, что они должны все время неуклонно следовать по течению замерзшей Омбакики. Ваби должен был нагнать их до наступления ночи.

Ваби тоже не терял времени. Вооружившись своими ружьями, револьвером и охотничьим ножом, с топором за поясом он дошел до окраины озера, до того места, где в лиственницах разыгрался неравный поединок между старым лосем и волками. Он увидел развязку его несколько дальше, на снегу, по которому рассеяны были остатки огромного скелета, а рядом с ними лежала пара колоссальных рогов.

Стоя на этом необычайном поле сражения, Ваби много дал бы, чтобы и Род мог увидеть его. Несколько костей – вот все, что осталось от старого героического лося. Но голова и поднимавшиеся на ней рога были нетронуты. Это были самые великолепные рога, какие молодому человеку когда-либо приходилось встречать в Великой Белой Пустыне. И ему пришлось в голову сохранить этот роскошный трофей и отвезти его позднее в цивилизованную страну, где за него можно будет получить сто долларов, если не больше.

Легко было видеть, что бой был горячий. Рядом со скелетом лося лежало два волчьих трупа, наполовину объединенных другими волками. Обе головы были целы, и Ваби оскальпировал их. Потом он продолжал свой путь.

Там, где, как он помнил, он израсходовал свои последние два заряда, лежали еще два убитых волка. На опушке леса из лиственниц он нашел третьего. Без сомнения, этот последний волк был ранен в течение того же дня им или Родом и пришел умирать в это место, после чего, по всей вероятности, был прикончен своими собратьями. На расстоянии полумили, там, где стрельба развернулась вовсю, шестой и седьмой волчьи трупы дополняли коллекцию. Ваби взял все эти скальпы и вернулся к останкам старого лося.

Голова животного была во многих местах прокушена зубами. Но так как на ней было мало мяса, то она не возбуждала в волках особой кровожадности, и они скоро перестали набрасываться на нее. В тех местах, где шкура была повреждена, ее легко можно было зашить и заштопать. Индейцы фактории были искусными мастерами в такого рода работе.

Но как сохранить эту голову до возвращения, то есть в течение нескольких месяцев? Если подвесить ее к ветке дерева, то есть опасение, что она испортится при наступлении первых же теплых дней будущей весны. Была и другая опасность – ее мог украсть какой-нибудь охотник, случайно проходящий мимо.

Ваби знал, что индейцы имеют обыкновение сохранять замороженные головы лосей и оленей иногда в течение очень долгою времени в так называемых «ледяных ямах». Самое лучшее было последовать их примеру. Потому он не без труда поволок огромную голову с рогами в самую гущу лиственниц, куда редко проникали солнечные лучи, и, взяв топор, принялся за работу.

Полтора часа без передышки копал он промерзшую землю и вырыл наконец достаточно большую яму, чтобы поместить в ней свой драгоценный трофей. На дно он насыпал толстый слой снега, который утоптал ногами и прикладом ружья. Потом, положив на него огромную голову, наполнил яму землей, которую разбил на возможно более мелкие комья. Он закончил тем, что скрыл засыпанную яму под новым толстым слоем снега. Затем сделал топором нарезки на двух соседних деревьях и двинулся в обратный путь к своей стоянке.

«Эта земля, – рассуждал он сам с собой, не переставая идти, – не оттает раньше июня. Семь волчьих скальпов по пятнадцати долларов – это составит сто пять долларов. И сто долларов за голову – вместе будет двести пять. Другими словами, семьдесят долларов в среднем на брата. Хе, хе, дружище Род, весьма приличный заработок за двадцать четыре часа работы».

Экскурсия Ваби продолжалась три часа. Шел густой снег, когда он добрался до опустевшей стоянки и разыскал уже наполовину заметенные следы Родерика и Мукоки, а также маленьких санок, нагруженных их общим багажом, которые тащил старый индеец.

Склоняя голову под белыми, неслышно падающими хлопьями, мальчик решил как можно скорее нагнать своих спутников. Снег падал такой густой, что он видел перед собой не дальше чем на десять шагов. Противоположный берег реки совершенно исчез. Погода, какой только можно было желать, чтобы избежать преследования вунгов.

Два часа подряд он шел так без усталости. Следы тех, кто двигался впереди него и чьи шаги были более медленны, становились все более и более свежими. Явное доказательство, что он нагонял их. Но, по правде сказать, ему не слишком легко было распознать, что это были следы человеческих ног. Ибо снег настолько изменял их, что всякий другой с одинаковым успехом мог принять их за следы лося или оленя.

После третьего часа ходьбы, полагая, что он сделал по меньшей мере десять миль, Ваби присел, чтобы немного отдохнуть и восстановить свои силы теми запасами, которые захватил с собою.

Выносливость Рода поражала его. Он считал, что еще три или четыре мили отделяли его от Мукоки и белого юноши, если только они, в свою очередь, не сделали привала, чтобы поесть. Такое предположение было вполне вероятно.

Бесконечный покой Пустыни окружал его. Ничто не нарушало молчания. Не слышно было даже щебета снежной птицы.

Довольно долго оставался он в полной неподвижности, как тот пень, на котором сидел, желая дать отдых своим ногам и прислушиваясь к окружающей тишине. Она охватывала его душу каким-то странным очарованием. Казалось, будто весь мир погрузился в небытие и даже дикие властители лесов не осмеливались выползти из своих берлог в этот час, когда небо щедрой рукой кидало нескончаемые белые хлопья, которые, без сомнения, набросили уже пушистый покров на все пространство вплоть до Гудзонова залива.

Глава VI. Таинственные выстрелы в тишине

Ваби сидел, чутко прислушиваясь к этому бездонному молчанию, как вдруг в воздухе что-то щелкнуло. С губ Ваби сорвался тревожный крик. Это был отчетливый, гулкий треск ружейного выстрела. За ним последовал другой, потом третий, четвертый.

Он насчитал пять. Они следовали один за другим без перерыва.

Чтобы это могло значить? Он вскочил на ноги с сильно бьющимся сердцем. Этот треск напоминал выстрел из ружья Мукоки. А между тем старый индеец не должен был стрелять дичь. Это было вполне определенно между ними условлено.

Значит, кто-то напал на Рода и Мукоки? Но момент был неподходящим для бесплодных размышлений, и Ваби пустился бежать со всей быстротой, на какую был способен.

Он понимал, что не должен терять ни минуты, если его спутники находятся в опасности. Но, конечно, он придет слишком поздно. За пятью выстрелами последовало снова абсолютное молчание, и оно только увеличивало его тревогу. Если там произошла схватка, то теперь уже все кончено. И, пока он бежал, с глазами, ослепленными снегом, нажимая пальцем на курок ружья и готовясь к выстрелу, он не переставал прислушиваться, не донесутся ли до него новые звуки битвы, ружейные или револьверные выстрелы или торжествующая песнь победителей.

Он дошел до места, где долина до того суживалась, что замерзшая Омбакика, превратившись в небольшой поток, совершенно исчезала под высокими и густыми кедрами, сплетавшими над ней свои ветви.

Кедры, теснившиеся в узком скалистом проходе, придавали ему еще более мрачный, зловещий вид, заслоняя и без того сумрачное бледно-серое небо, в котором уже угасал короткий ноябрьский день.

Прежде чем углубиться в лесную чащу, Ваби инстинктивно остановился, чтобы прислушаться. Но он не слышал ничего, кроме ударов собственного сердца, которое, как молот, колотилось в его груди. Не страх удерживал его, ибо он не видел перед собой никакой опасности, но самая неопределенность этой опасности, неведомой, но возможной.

Бессознательно он сделал то, что на его месте сделало бы любое животное: бросился на землю и тесно прижался к ней, стараясь стать невидимым. Дуло его ружья было направлено в сторону таинственного темного ущелья. Быть может, к нему подкрадывалась опасность точно так же медленно, волчьим шагом? И он еще глубже вдавился в снег.

Минуты шли за минутами. Он по-прежнему ничего не слышал. Потом вдруг раздался тревожный щебет птицы. Он прозвучал как предостерегающий сигнал. Возможно, конечно, что птицу испугнула какая-нибудь рыскающая за добычей лисица и заставила ее вылететь из убежища, либо ее напугал олень или лось. Но ведь нежные и тревожные звуки песни могли возвещать и другое, – а Ваби не сомневался, что так и было, – они могли возвещать и присутствие человека.

Между тем Ваби овладел собой, поднялся на ноги и вступил под кедры, по-прежнему держась течения замерзшего потока. Продвигаясь с тысячью предосторожностей, он беспрепятственно пробрался в их тени и, притаившись за стволом дерева, стал всматриваться в открытое пространство, которое расстиралось перед ним. Снег падал теперь не так густо, и его глаз различал предметы, находившиеся на довольно далеком расстоянии.

Волнение его дошло до предела. Чмокание рыжей белки, раздавшееся неожиданно над самым его ухом, заставило его вздрогнуть. Потом ему показалось, что он слышит немного поодаль, в темноте, какой-то шорох, как будто кто-то зацепился нечаянно ружьем за ветку дерева.

Вдруг ему померещилось, что из темноты выплывают две едва различимые тени. Он протер рукавицей глаза, мокрые от снега, который таял у него на лице, и стал пристально, со страшным напряжением всматриваться вдаль.

Теперь уже не было никакого сомнения. Две тени, заставившие только что вспорхнуть птицу, молча приближались.

Их силуэты скоро стали вырисовываться более четко. Он уже видел, что это были двое мужчин. Они подвигались с крайней осторожностью, метр за метром, почти что крадучись по земле, как он сам за минуту перед тем, и, казалось, также готовились к встрече с врагом. Ваби приложил ружье к плечу. Он был невидим, и положение складывалось в его пользу. Он держал обе тени на прицеле. Жизнь или смерть зависела от нажима его пальца на курок ружья.

Его обезумевшее воображение рисовало Рода и Мукоки, сраженных в схватке и убитых двумя вунгами (потому что он не сомневался уже в тождественности с ними этих двух теней), которые возвращались теперь обратно по следам, чтобы убить и его. Да, да это так... И его палец начинал незаметно нажимать курок.

Он готов был уже выстрелить, когда две тени, находившиеся от него теперь не больше чем в двадцати ярдах остановились и, приблизившись одна к другой, стали, по-видимому, совещаться. Ваби опустил свое ружье и напряг слух, стараясь уловить, что они говорили.

Тени разговаривали приглушенными голосами. Но тишина была так велика, что их бормотанье долетело до него. На момент один из собеседников слегка повысил голос, и он услышал:

– All right!

Ну конечно же не Вунга стал бы так выражаться. И интонация была слишком чиста.

Тогда, в свою очередь, он позвал едва слышно:

– Род, это вы? Эй, Муки... Род... Муки!

Через секунду трое друзей были уже вместе, молча сжимая друг другу руки, так что кости трещали. Смертельная бледность Рода, сверхъестественное напряжение в бронзовых чертах Ваби и Мукоки свидетельствовали достаточно о той тревоге друг за друга, которую они только что пережили.

– Это вы стрелять? – прошептал Мукоки.

– Нет, я не стрелял, – ответил Ваби, и глаза его расширились от удивления. – А вы?

– Нет.

Одно слово сорвалось с уст старого индейца. Но оно заключало в себе целый сонм вопросов и новых тревог. Пять ружейных выстрелов. Кто же в таком случае стрелял?

Род и Мукоки предполагали, что это Ваби, как он сам думал, что это они, и они вернулись обратно, чтобы оказать ему помощь, если бы он в ней нуждался.

– Я думать, – сказал Мукоки, – враги засесть здесь.

И он показал пальцем на кедровый лес. Ваби ограничился тем, что отрицательно покачал головой.

Не зная, что предположить, они продолжали все трое стоять на том же месте. Одинокий вой волка донесся до них на расстоянии около полумили.

– Зверь, должно быть, напал на человеческий след, – сказал Ваби. – Не думаю, чтобы это был мой, судя по направлению звука.

Ни один звук не нарушал больше спокойствия надвигающейся ночи. Мукоки двинулся в путь, и оба мальчика последовали за ним.

Они прошли так около четверти мили. Долина все больше и больше суживалась, и русло замерзшего потока терялось среди огромных массивов скал, которые, теснясь и налезая друг на друга, образовывали дикие нагромождения крутых утесов. Несколько дальше оно совершенно исчезало между этими циклопическими скалами, и поток уходил под землю. Не было никакой возможности пройти дальше.

Покинув долину, путники стали карабкаться вверх среди наносных каменных глыб. Скоро они добрались до гребня, где под навесом большой скалы, которая служила прекрасной защитой от снега и от ветра, дувшего с противоположной стороны, еще тлели остатки костра.

Это было то место, где Род и Мукоки сделали привал и откуда они вернулись обратно к Ваби, услышав треск пяти таинственных ружейных выстрелов.

Место было на редкость удобное, и трудно было найти что-нибудь более подходящее для стоянки после целого дня утомительной ходьбы по мягкому снегу. Мукоки уже разложил костер из благоухающих сосновых веток и пристроил на вертеле возле огня большой кусок консервированной дичи, но в тревожной спешке ухода старый индеец так и оставил его лежать у огня.

Оба мальчика, казалось, были в восторге и обменивались счастливыми взглядами, несмотря на внутреннюю тревогу, которая их угнетала. Они готовились устроиться на ночь в этом уютном убежище и начали уже раздувать огонь. Но, случайно подняв глаза на Мукоки, остановились, удивленные его поведением.

Старый проводник стоял совершенно неподвижно, опираясь на свое ружье, и вся его фигура выражала явное, хотя и безмолвное, неодобрение работы, которой они занялись.

Ваби, одним коленом опираясь на землю, посмотрел на него вопрошающим взглядом.

– Не делать огонь, – пробормотал старый индеец, качая головой. – Идти дальше, вверх по горе. – И он протянул по направлению к северу свою длинную руку. – Река, – сказал он, – обходить горы через скалы, потом образовать водопады и после больших болот хорошее место для лосей. Потом снова стать широкая и ровная. Мы пройти по верху горы, снег падать всю ночь. Утро наступить и никакого следа для вунгов. Если остаться здесь, сделать хороший след утром. Вунги гнаться, как дьяволы. Очень легко видеть.

Ваби выпрямился, и горькое разочарование отразилось на его лице. С самого раннего утра он безостановочно шел, а несколько раз ему даже приходилось бежать. Он чувствовал усталость, совершенно достаточную для того, чтобы, во имя возможности поужинать и выспаться, подвергнуть себя без колебаний небольшой опасности.

Положение Рода было еще хуже, хотя он прошел меньший путь. В течение нескольких минут огорченные мальчики молча смотрели друг на друга, всеми силами старались скрыть свою досаду, вызванную требованием Мукоки. Но Ваби был слишком рассудителен, чтобы решительно воспротивиться желанию старого индейца. Если тот утверждал, что было опасно провести ночь на этом привале, – ну что ж! – приходилось верить ему и сказать «нет» было бы безумием.

Тогда, скрывая под улыбкой свое огорчение и стараясь изо всех сил подбодрить Рода, который в этом очень нуждался, Ваби стал снова прилаживать на плечи свой мешок, уже сброшенный на землю. Мукоки в свою очередь подбадривал бедного мальчика:

– Взобраться на гору. Не очень далеко идти. Две или три мили. Идти медленно. Тогда привал и хороший ужин.

Кое-какой разгруженный уже багаж был запакован и привязан к санкам, путники двинулись в дорогу, оставляя новый след вдоль причудливого и дикого гребня горы.

Ваби шел впереди, неся свой мешок на спине, чтобы несколько облегчить сани, и выбирал самые удобные места, где они могли бы проехать. Лезвием своего топора он обрубал кусты и ветки, преграждавшие путь. Шагов на десять сзади шел Мукоки, таща сани, к которым крепкой веревкой привязан был Волк. Родерик, нагруженный легким тюком, заключал шествие.

Он дошел до предела усталости и совершенно утратил бодрость духа. С большим трудом различал он смутно вырисовывавшийся иногда в темноте силуэт Ваби. Мукоки, перегнувшийся пополам под тяжестью своей упряжки, был совсем неуловим. Один только Волк был от него настолько близко, что мог составить ему компанию.

Первоначальное восхищение Рода дикой красотой окружающей природы, прелестью вольной жизни было настолько велико, что не могло быстро исчезнуть. Однако сейчас, в эту печальную ночь, мысль Рода невольно переносилась в Вабинош-Хоуз, где он хотел бы теперь сидеть рядом с Миннетаки, которая рассказывала бы ему какую-нибудь прелестную легенду о звере или птице, встреченной ими днем. Насколько этот разговор был бы приятнее, чем теперешнее положение! Но его грезы, в которых царил призрак маленькой очаровательницы, были прерваны самым неожиданным и притом весьма неприятным образом.

Мукоки остановился на минутку, чтобы передохнуть, Родерик же не обратил на это внимания и продолжал шагать вперед, притом так усердно, что в конце концов наткнулся на сани и растянулся на них во всю длину. Пытаясь подняться, он ухватился за упряжку индейца, который от неожиданного толчка потерял равновесие, в свою очередь перевернулся и повалился на него.

Услышав шум, Ваби пошел посмотреть, что случилось, и застал их обоих в весьма комичном положении. Это происшествие оказалось очень кстати, потому что мальчик хохотал от души, помогая Мукоки выпутаться из упряжки. Потом поднялся Род и, отряхиваясь от снега, залепившего ему глаза, уши и даже шею, присоединился к смеху Ваби, и его мрачные мысли бесследно рассеялись.

Гребень становился все более и более узким; непрерывно подвигаясь вперед, охотники слышали, как по левую руку от них, внизу, бурно ревел поток, быстрое течение которого еще не было сковано льдом. Там находилась пропасть, которую они чувствовали, не видя. Наносные камни и целые глыбы скал, разбросанные или нагроможденные друг на друга доисторическими катаклизмами, заграждали теперь их путь, и они могли подвигаться вперед только с большой осторожностью, следя за каждым своим шагом.

По мере того как они шли, рев потока становился все громче, и наконец перед глазами Рода с правой стороны выросла огромная неясная тень, высоко поднимавшаяся к небу. Наступил момент, когда Мукоки и Ваби поменялись местами.

– Муки уже проходил здесь, – крикнул Ваби в ухо Роду. – Я предоставляю ему вести нас потому, что переход небезопасен. Под нами поток устремляется в пропасть с головокружительной высоты. Слушайте!

Шум воды стал действительно так силен, что он почти заглушал голос Ваби. Волнение Рода дошло до апогея, и он забывал из-за него о своей усталости. Никогда в своих мечтах о самых безумных приключениях он не предвидел такого часа. Он широко открывал глаза и уши и старался уловить взором пейзаж, которого не видел, но слышал и чувствовал вокруг себя.

Вдруг, в минутном проблеске снежного затишья, он увидел, как огромная тень, поднимавшаяся в темноте справа от него, приняла четкие очертания, и уяснил себе впервые положение свое и своих товарищей. Эта тень оказалась гигантской горой, но они шли вовсе не по ее кряжу, а по скалистой горной цепи, которая тянулась по склону. Слева открытая пропасть отвесно низвергалась в бурлящий мрак. Наткнувшись случайно ногой на кусок дерева, Род поднял его и бросил в пустоту. Потом он прислушивался в течение одной или двух минут, но не услышал ничего, кроме того же оглушительного грохота, который не прекращался ни на секунду. Дрожь пробежала у него по спине. Да, это были ощущения, которых он никогда прежде не испытывал, да и не мог испытать на улицах большого города.

Скалистая горная цепь продолжала подниматься все круче и круче. Ноги наливались свинцовой тяжестью. Из-за окутавшего все мрака в двух шагах ничего не было видно. Особенно трудно приходилось Ваби, который тащил сани. Несмотря на свою рану и утомление, Род стал помогать ему, подталкивая их сзади.

Восхождение продолжалось в течение получаса, и шум водопада стал постепенно затихать, а потом и совсем заглох. В то же время казалось, что стена тени опустилась. Наконец она вовсе исчезла.

– Стоп! – закричал Мукоки.

Караван дошел до вершины горы, которая была хоть и достаточно внушительной высоты, но далеко не столь огромна, как сперва показалось Роду.

Ваби со вздохом облегчения сбросил свою упряжь, Родерик испустил радостный возглас. Что касается Мукоки, то он со своей обычной неумимостью тотчас же отправился на поиски места, удобного для стоянки.

На этот раз снова громадная скала приняла их под свою сень. Род и Ваби помогли индейцу срезать сосновые ветки для устройства хижины и постелей, после того как с земли был тщательно сметен снег. Часом позже все было кончено и уже потрескивало веселое пламя костра. Мертвые тополя, валявшиеся на земле, – наилучшее топливо, какого только можно было желать, – в изобилии снабдили их дровами. Только тогда товарищи заметили, что они голодны, и Мукоки было поручено позаботиться об ужине. Кофе и консервы скоро были готовы.

Стена скалы выполняла роль рефлектора, отражая с удесятенной силой благотворную теплоту огня и его раскаленный свет. В этом жарком блеске Род, окончив еду, почувствовал, что его непреодолимо клонит ко сну. Не в силах больше бороться, он дотащился, уже почти спящий, до хижины и закутался в одеяло на своей пахучей сосновой постели. Через несколько минут никто уже не существовал для него.

Последним образом, который сознательно восприняли его глаза, был Мукоки, громоздящий на костре одно полено за другим, и пламя, которое взвилось почти на четыре метра в высоту и осветило во мраке сказочный пейзаж горного хаоса.

Глава VII. Танец оленей

Только когда Родерик лег спать и его нервное напряжение ослабело, сказались последствия чрезмерных усилий, проявленных им, несмотря на свою рану, в течение истекшего дня.

Тревожные, мучительные кошмары прерывали его лихорадочный сон. В то время как Ваби и старый индеец, лучше его вооруженные против усталости и волнующих впечатлений Пустыни, мирно отдыхали, вкушая сладкий сон, наш горожанин неоднократно просыпался, как от толчка, с глухим стоном или резким криком, думая, что спасается от какой-то страшной опасности. И, только проведя рукой по глазам и наполовину приподнявшись на локте, он отдавал себе отчет, что все пережитые им страхи были простым кошмаром.

Во время одного из этих пробуждений, когда он в десятый раз приподнялся на своем ложе, ему показалось, что он слышит шаги. Он расправил свои члены, протер глаза, посмотрел на темные и неподвижные фигуры спящих товарищей и, убежденный, что это опять был сон, снова опустил на сосновые ветки.

Ему показалось, что снова послышался едва уловимый шум, и, подскочив как на пружине, он в один миг выпрямился на своем ложе. Больше не могло быть сомнений. Он дал бы голову на отсечение, что ясно слышал совсем близко от хижины скрип снега под чьими-то осторожными, мягкими шагами. Он затаил дыхание и стал напряженно слушать. Ни один звук не нарушал тишины, только головешки слегка потрескивали в костре. Конечно, ему опять приснилось, и он натянул на себя одеяло, как вдруг...

Сердце его перестало биться. Кто там был?

Теперь уже совершенно проснувшись, с широко раскрытыми глазами, чувствуя, как все его мускулы напрягаются в ожидании возможной борьбы, он медленно и осторожно поднялся на ноги. Шаги и скрип снега стали теперь совершенно отчетливы. Кто-то ходил позади хижины. Удалялся. Потом останавливался. Колеблющееся пламя полуугасшего костра продолжало отбрасывать красноватые блики на высокую стену скалы.

При этом неверном свете Род увидел что-то движущееся. Неясная фигура ползком подбиралась к уснувшей хижине.

Сделав это открытие, мальчик в первый момент замер на месте, как прикованный. Но тотчас же у него мелькнула мысль, что вунги выследили их и теперь собираются сделать неожиданное нападение на спящих. Почти одновременно рука его наткнулась на дуло ружья Ваби. Холод стали заставил его вздрогнуть.

Уже поздно было будить товарищей. В тот самый момент, когда он тащил к себе ружье, фигура выросла близ скалы и пригнулась, чтобы сделать прыжок. Прерывистое дыхание Рода, треск выстрела, прозвучавшим как раскат грома, крик боли – и вся хижина была на ногах.

– Нападение! – кричал Род. – Скорей! Ваби! Мукоки!

Белый юноша стоял на одном колене с дымящимся ружьем у щеки, направленным на скалу. Там, в темноте, несколько поодаль от огня, судорожно корчилось в предсмертных муках какое-то тело.

Худошавая фигура старого индейца с ружьем у плеча опустилась на колени рядом с Родом, а над их головами Ваби, вытянув руку, направлял свой огромный револьвер, дуло которого блесло при свете костра.

После минуты напряженного ожидания Ваби прошептал:

– Они ушли.

Род ответил дрожащим от волнения голосом:

– Одного я уложил.

Мукоки, раздвинув ветви, из которых была построена хижина, рискнул выйти наружу, все время оставаясь начеку. Мальчики увидели, как он обошел скалу, прячась в ее тени, и

приблизился к жертве Рода. Подойдя к телу, теперь уже неподвижному, он наклонился над ним, потом выпрямился и с ворчанием швырнул останки их врага в пространство, освещенное костром.

– Вунги! А! А! Род убить красивую жирную рысь, – крикнул он.

Род отшатнулся, немного сконфуженный, и вернулся в хижину, тогда как Ваби, испустив веселый крик, раскатившийся в темноте, присоединился к Мукоки.

– Вунги! А! А! – кудахтал старый индеец. – Рысь красивая и жирная, пуля попасть прямо в морду.

Род вышел из своего убежища и присоединился к товарищам, сделав при этом мину, которая напомнила Ваби блеющего барашка.

– Да, хорошо вам теперь смеяться надо мной, – протестовал он. – А что было бы, если бы это и в самом деле оказались вунги? Пожалуйста! Если когда-нибудь на нас опять нападут, я не двинусь с места. Предоставлю вам прогонять их.

Хотя друзья и подшучивали над ним, но Род в глубине души страшно гордился своей рысью. Это было крупное животное, вероятно голодное и привлеченное остатками еды. Оно осторожно изучало местность, в то время как мальчик сделал выстрел. Что же касается Волка, то он благоразумно молчал, видя, что речь идет не о человеке, а всего лишь о рыси, которая к тому же является его прирожденным врагом.

Мукоки поспешил выпотрошить животное, пока оно было еще теплым.

– Вы идти спать, – заявил он обоим юношам. – Я разжечь огонь, потом тоже спать.

Это трагикомическое происшествие освободило Рода от его кошмаров, и он заснул теперь более спокойно.

На другое утро он проснулся поздно. Снег за ночь перестал, и солнце сияло на небе. Ваби и старый индеец возились уже снаружи, занятые приготовлением завтрака, и веселое насвистывание товарища напомнило Роду, что опасность нападения вунгов миновала. Не теряя времени, он живо поднялся с постели.

Вокруг стоянки, которая была на самой вершине горы, открывалась широкая и чудесная панорама. Деревья, скалы, сама гора – все было покрыто толстым слоем снега, ослепительно белого и сверкающего под солнечными лучами.

Тайга предстала перед ним во всем своем величии. Насколько далеко мог видеть глаз, безбрежная белая ширь развertyвалась миля за милей к северу вплоть до Гудзонова залива. В блаженном упоении Род охватывал взглядом тянувшуюся под ним черную линию лесов, потом долины и холмы, которые без конца чередовались друг с другом, местами прорезанные сверкающими среди рамок из темных сосен озерами и широкой лентой замерзшей реки. То не была мрачная и зловещая пустыня, рисовавшаяся его воображению на основании прочтенных книг. Нет, то была чудесная и разнообразная картина среди пейзажа незапятнанной чистоты. Он блуждал взглядом по этим необозримым просторам, и сердце его трепетало от наслаждения, а кровь прилиwała к щекам.

Мукоки подошел к нему и, видя его погруженным в созерцание, сказал своим гортанным голосом:

– Много есть оленей там, внизу! Много есть оленей! Людей больше нет! Домов больше нет! На двадцать тысяч миль!

Родерик перевел свои глаза на старого индейца, который, по-видимому, был также взволнован. Казалось, он старался пронизать своим горячим взором эту бесконечность, заглянуть далеко, еще дальше, до самых крайних пределов обширного Гудзонова залива.

Ваби приблизился к ним и положил руку на плечо Рода.

– Муки, – сказал он, – родился там, далеко, за пределами нашего зрения. Там, когда он был еще совсем мальчиком, он получил свою охотничью выучку.

Потом он обратил внимание друга на необычайную прозрачность атмосферы и связанное с ней кажущееся уменьшение расстояний между предметами.

– Видите эту гору, похожую на большое облако, до которой, кажется, рукой подать? Она в тридцати милях отсюда. А это озеро, с той стороны, которое вам кажется, конечно, не дальше ружейного выстрела? Пять миль отделяют нас от него. А между тем, если бы лось, олень или волк переходили его, мы бы увидели их совершенно отчетливо.

Еще несколько минут охотники простояли так в молчаливом созерцании. Потом Ваби и старый индеец вернулись к огню и занялись приготовлением завтрака, предоставив Роду восторгаться.

«Какие тайны, еще не разгаданные, – думал он, – какие трагедии, еще не написанные, какие романы, еще не задуманные, какие сокровища долларов и золота еще скрывает в себе этот огромный Север. Тысячу, миллион веков, быть может, он оставался нетронутым, в диких объятиях природы. Очень немногие из белых людей проникали в его уединение, а туземные племена, которые местами проходили здесь, вели такое же существование, как и доисторический человек».

Почти с сожалением услышал Род, что его зовут завтракать. Но он не мог пожаловаться на свой аппетит, и романтические мечтания нисколько не помешали ему воздать должное трапезе.

Он спросил, скоро ли они двинутся в путь. Но Ваби и Мукоки уже решили не выслеживать сегодня зверей и остаться на стоянке до завтрашней утра по нескольким соображениям.

– Так как выпал снег, – объяснил ему Ваби, – то мы сможем ходить теперь только на лыжах. Вам очень пригодится сегодняшний день, чтобы научиться пользоваться ими. Кроме того, снег занес все звериные тропы, какие только были. А лоси, олени и, в особенности, волки и пушные звери выходят из своих убежищ не раньше, чем после полудня или даже вечером. Выслеживание в этот час не дало бы никаких результатов. Завтра же, напротив, мы легко сумеем различить все следы, которые нам встретятся, и распознать, какого рода дичь они нам сулят. Если местность покажется нам удобной для той цели, которую мы преследуем, то мы здесь осядем и устроим нашу зимнюю стоянку.

– А вунги? – спросил Род. – Вы полагаете, что мы достаточно далеко ушли от них?

В ответ раздалось ворчанье Мукоки:

– Вунга не подниматься на гору. Там позади много хороших мест, много дичи. Оставаться там.

Сотню других вопросов задал еще Род, пока они завтракали, а под ногами их расстилось безграничное белое пространство, которое должно было их поглотить. Каждый ответ еще больше разжигал восторг юноши. Как только завтрак кончился, он выразил желание немедленно же приступить к обучению лыжному спорту.

В течение часа Ваби и Мукоки водили его на лыжах туда и обратно вдоль гребня горы, останавливаясь на мельчайших деталях, хлопая в ладоши, когда ему удавался исключительно хороший прыжок, и весело потешаясь над ним, когда он кувыркался в снег. В полдень Род, весьма довольный собой, находил, что все идет как нельзя лучше.

День протекал великолепно. Однако от Родерика не ускользнуло, что Ваби моментами находится под гнетом какой-то непонятной ему тревоги. Пару раз он застал его одного сидящим внутри хижины в какой-то молчаливой задумчивости. В конце концов он забеспокоился.

– Могу я узнать причину вашего настроения? – спросил он. – Чем вы недовольны?

Ваби выпрямился и слегка усмехнулся.

– Случалось ли вам когда-нибудь, Род, видеть сон, который переживает ночь и продолжает тяготить вас после пробуждения? Мне приснился такой сон, и он держится упорнее, чем все ваши ночные кошмары, ибо с тех пор я не могу заставить себя не беспокоиться о дорогих мне людях, которых мы оставили дома. И больше всего о Миннетаки. Ничего, кроме этого.

Вы скажете, что это значит мучить себя понапрасну? Я с вами согласен. Послушайте! Это не Мукоки свистит?

Действительно, старый индеец бегом приближался к ним.

– Идти смотреть красивую вещь! – кричал он. – Скоро. Идти смотреть скоро!

Он казался очень возбужденным и поспешно повел мальчиков на самый крутой выступ горы.

– Карибу! – сказал он. – Карибу сейчас играть! – И его палец выпрямился по направлению к снежному склону, сбегавшему вниз под их ногами.

На расстоянии около мили от них, а Роду казалось гораздо ближе, на маленькой площадке, расположенной на половине горы и летом представлявшей собой луг, они увидели около полудюжины крупных млекопитающих, которые держали себя весьма странным образом.

Это были карибу, канадские северные олени, чудесные животные Северной Земли, столь же часто встречающиеся за 60° широты, как и обыкновенные олени, и о которых Роду приходилось читать в книгах столько изумительных рассказов. Но он впервые видел их в действительной жизни, и притом в их привычной обстановке.

И как раз в этот момент животные приступили к своей любимой, весьма любопытной игре, известной в землях Гудзонова залива под названием «танца северных оленей».

– Черт возьми, что это они там делают? – спросил Род с изумлением. – Что с ними стряслось?

– Они бешено веселятся, – прокудахтал Мукоки.

И он потащил Рода немного вперед, за скалу, которая их скрывала.

Ваби смочил во рту палец и поднял его в воздух над головой. Это обычный способ для определения точного направления ветра. Та сторона пальца, которая противоположна ветру, остается влажной, а другая моментально высыхает.

– Ветер для нас благоприятен, Муки, – сообщил он, – и они не могут нас почуять. Удобный случай для выстрела. Иди стреляй, а мы с Родом останемся здесь и будем смотреть на вас.

В то время как Мукоки ползком пробирался к хижине, чтобы взять свое ружье, Родерик продолжал любоваться интересным зрелищем, происходившим внизу.

Еще два оленя присоединились к прежним на маленькой площадке. Солнце освещало их большие ветвистые рога, когда они трясли головами, выкидывая свои забавные антраша. Трое или четверо из них отделились от остального стада и начали удирать прочь с быстротой вихря, как будто за ними гнался по пятам смертельный враг. Пробежав две или три сотни метров, они внезапно останавливались и, выстроившись полукругом, делали полный оборот, как будто непреодолимое препятствие пресекло их бег. Потом они рассыпались и с такой же неистовой быстротой присоединялись к своим товарищам.

Еще одна игра привлекла внимание Рода, такая своеобразная и удивительная, что он был совершенно озадачен, и в то же время такая забавная, что Ваби, стоявший сзади него, все время давился от сдержанного смеха. Одно из этих быстроногих созданий, отделившись от стада, начинало прыгать и брыкаться, взметая все вокруг себя, и, сделав последний скачок, опускалось прямо на ноги и застывало неподвижно, совсем как балетная танцовщица, закончившая свою фигуру. После чего оно симулировало новое бегство, и все стадо бежало по его пятам.

– Это самые продувные бестии Севера, – сказал Ваби, – притом самые проворные и самые забавные. Если ветер для них благоприятен, то они, находясь внизу, чувствуют вас на самой вершине горы и способны услышать ваш голос и ваши шаги на расстоянии мили... Но взгляните сюда!

Он дотронулся до плеча Рода и указал на Мукоки, который был уже довольно далеко и, крадучись, пробирался к оленям между скал и кустарников. Каждая минута приближала его к дичи, и Родерик трепетал, восхищенный чудесным ансамблем всей картины. Безмолвные и

веселые забавы детей Пустыни, осторожное приближение старого индейца, каждое дерево и каждая скала пейзажа играли свою роль в маленькой драме, ни одна фаза которой не ускользнула от его внимания.

Прошло пять, десять, пятнадцать минут. Мальчики увидели, что Мукоки остановился и поднял палец в воздух, чтобы определить направление ветра.

Потом он распластался на снегу и медленно пополз, опираясь на руки и на колени.

– Милый, старый Муки! – пробормотал Ваби, тогда как Род, охваченный нетерпением, судорожно сжимая руки, спрашивал себя, когда же наконец Мукоки решится стрелять. Потому что теперь, казалось, он был от стада уже не дальше чем на расстоянии брошенного камня.

– На каком он расстоянии? – спросил Род.

– Трехсот или четырехсот ярдов, – сказал Ваби. – Это слишком далеко, чтобы стрелять. Мукоки в конце концов превратился в маленькую черную точку на белом снегу.

В этот момент веселые животные почуяли грозящую им опасность. Они вдруг прекратили свои забавы и в течение нескольких минут оставались на месте, как парализованные. Треск ружейного выстрела донесся до ушей мальчиков.

– Осечка! – крикнул Ваби.

Восемь оленей уже бежали, низко пригибаясь к земле.

Последовал второй выстрел, за ним сейчас же третий, четвертый. Один из беглецов упал на колени, потом поднялся и снова побежал. Еще один выстрел, последний заряд Мукоки, и раненое животное опять упало, еще раз попыталось встать на ноги, потом грохнулось на землю.

– Ловкий выстрел! – воскликнул Ваби. – Сегодня за обедом поедим свежего мяса.

Мукоки, разрядив ружье, пошел по лужайке, теперь уже опустевшей и покрасневшей от крови, где всего несколько минут тому назад веселились олени.

Вытащив нож, он опустил на колени близ шеи упавшего животного.

– Я сойду вниз, чтобы немного помочь ему, – сказал Ваби, – а вы, Род, оставайтесь здесь. У вас ноги еще слишком слабы, и вам трудно будет подниматься обратно. Подкиньте лучше веток в костер. Мы с Мукоки принесем мяса.

Родерик, оставшись один, занялся собиранием дров на ночь и упражнялся в хождении на лыжах. Он сам удивлялся своим успехам, недоумевая, как это он наловчился ходить с такой непринужденностью в этой непривычной и стеснительной обуви.

Глава VIII. Мукоки тревожит покой старых скелетов

Уже начинало темнеть, когда Ваби и Мукоки вернулись, нагруженные оленьим мясом. Они занялись приготовлением к обеду в спешном порядке, так как на следующий день и вообще в ближайшие дни предполагалось выступить в поход до зари и делать привал лишь с наступлением ночи. Поэтому было очень важно хорошо выспаться.

Все трое товарищей одинаково горели нетерпением поскорее начать свои охотничьи подвиги. Даже Волк, потягиваясь худощавым туловищем, вбирал в себя воздух широко открытой пастью, как будто бы он заранее устал от тех драматических событий, в которых ему суждено было сыграть свою роль.

– Если у вас хватит силы, – сказал Ваби Роду, поглядывая на него из-за своего куска оленьины, – так мы с завтрашнего дня будем проходить по двадцати пяти, тридцати миль, в случае необходимости конечно. Ведь возможно, что уже завтра днем мы натолкнемся на хорошее место для охоты, но не менее возможно и то, что мы проищем его двое-трое суток. Так или иначе, больше мы не станем терять времени понапрасну. Ура! Близится час крупной игры.

Роду казалось, что он только что заснул, когда он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо. Открыв глаза, он увидел перед собой улыбающееся лицо Ваби, освещенное отблесками яркого пламени.

– Ну, Род! Пора! – сказал ему товарищ. – Утренний завтрак согрет, весь багаж уже уложен на сани. А вы все еще предаетесь своим грезам. О чем или о ком?

– О Миннетаки, – ответил Род с откровенностью, в которой не было ничего искусственного.

Он встал, привел в порядок свое платье и пригладил растрепанные волосы. Ночь была еще совсем черная, и, взглянув на часы, он убедился, что было всего четыре часа утра. Мукоки уже сервировал завтрак на плоском камне вблизи огня.

Завтрак был быстро окончен, и маленький караван тотчас же двинулся в путь. Род был в отчаянии от потери своего ружья. Охотничий рай разверзал перед ним свои ворота, а он был безоружен.

Так как он жаловался на свою несчастную участь, то Ваби предложил ему попеременно пользоваться его собственным ружьем. Большой револьвер также будет переходить из рук в руки, и каждый из них, в случае надобности, использует его наилучшим образом. Родерик был счастлив таким разрешением вопроса, и Ваби настоял, чтобы именно он в первую очередь получил в свое распоряжение столь желанное оружие.

Когда они перебрались через камни, усеивавшие вершину горы, и вышли на ровный склон, мальчики впряглись вместе в сани, тогда как Мукоки шел впереди и прокладывал тропу.

Родерик впервые видел процесс проложения тропы и любовался при бледном свете зарождающейся зари искусством старого индейца. Мукоки, который слыл самым искусным «прокладывателем троп», делал на своих лыжах огромные шаги, и при каждом шаге из-под его ног взлетал в воздух настоящий снежный фейерверк. На земле, освобожденной таким образом от мягкого снега, образовывалась широкая тропинка с твердой поверхностью, по которой Роду и Ваби было очень легко за ним следовать.

Когда они были у подножья горы и прошли около полумили по ложбине, Мукоки остановился. Указывая пальцем на любопытный отпечаток на снегу, индеец сказал:

– Лось!

Род наклонился, чтобы посмотреть.

– След не старый, – сказал Ваби. – Он еще не замерз, и снег едва успел прийти в равновесие. Маленькие комочки еще скользят друг по другу, посмотрите, Род! Это большой самец, здоровый малый, и не больше часа, как он прошел здесь.

По мере того как охотники подвигались вперед, следы животных становились все чаще и чаще, разоблачая их беготню взад и вперед и дикое ночное возбуждение. Прежде всего они наткнулись на след лисы, который пересекли несколько раз. Они установили, что эта маленькая ночная злодейка в конце концов загрызла крупного зайца. Снег был покрыт кровью и шерстью, и часть маленького тела еще не была съедена.

Ваби остановился в раздумье и стал пристально разглядывать лисий след.

– Самое главное было бы знать, какая это лисица, – произнес он. – Но это нам неизвестно. Это лисица, и все тут! Все следы этих животных сходны между собой, независимо от их породы. А между тем с денежной точки зрения вопрос имеет принципиальное значение. Лиса, которая прошла здесь, быть может, представляет собой целое состояние...

Мукоки закудаhtал, как будто эта счастливая перспектива уже заранее наполнила его радостью.

– Объясните, в чем дело, Ваби? – спросил Род.

– Вот! – пояснил Ваби. – Возможно, конечно, что это обыкновенная красная лисица, и тогда цена ей не больше десяти – пятнадцати долларов. Если это черно-бурая лиса, она стоит от пятидесяти до шестидесяти и от семидесяти пяти до ста, если это то, что мы называем «крестовкой», то есть помесь черной с серебристой. А если это...

– ...огромная серо-серебристая... – прокудаhtал Мукоки.

– ...тогда, – продолжал Ваби, – ее шкура стоит двести долларов, если она обыкновенная, и от пятисот до тысячи, если это редкий экземпляр. Теперь вы понимаете, Род, почему нам желательно было бы удостоверить ее личность? Серебристая, черно-бурая или «крестовка» стоила бы того, чтобы за ней гнаться. Но весьма возможно, что это всего лишь красная, и тогда мы только даром потратили бы время.

Образование Рода продолжало пополняться. Он видел следы волков, которые можно было принять за следы больших собак. Потом легкие следы от оленьих копыт и очень широкие, с растопыренными когтями, следы бродячей рыси. Но ничто не произвело на него большего впечатления, чем огромные, величиною с его голову, дыры, оставленные в снегу лосем. Какое это, верно, было огромное животное! Он научился также отличать следы оленя от следов маленького лоса, хотя с первого взгляда они были очень схожи.

Пять-шесть раз в течение утра спутники останавливались, чтобы передохнуть. В полдень Ваби подсчитал, что они сделали около двадцати миль. Хотя Род начинал чувствовать усталость, он объявил, что способен пройти сегодня еще с десяток миль. Они пообедали.

Дальше вид местности изменился, поверхность почвы стала неровной. Маленькая речка, по течению которой они подвигались, превратилась в поток, шумно несущийся между замерзшими берегами. Снова появились наносные валуны и скалистые пласты, обрамленные лесистыми холмами. Новая цепь скалистых крутых гор показалась на востоке. Стали более многочисленны также и маленькие озера в своих замерзших бухточках.

Но что в особенности радовало сердца наших охотников, так это изобилие следов, свидетельствовавшее о наличии дичи и пушных зверей. Здесь было достаточно мест, точно нарочно созданных для зимней стоянки. Но трудно было решить, на каком из них остановить свой выбор. Спутники замедлили шаги.

Наконец, взобравшись под предводительством Мукоки на последний, довольно высокий холм, который преграждал им путь, они остановились и не могли удержаться от радостного возгласа.

Место было идеальное, и его дикая красота поразила их своей неожиданностью. В глубине скалистой чаши, окруженной величественным амфитеатром из кедровых, сосновых и буковых лесов, спало маленькое очаровательное озеро; с одной стороны к нему примыкала небольшая плоская поверхность, которая летом, по всей вероятности, представляла собой луг.

Мукоки, ни слова не говоря, сбросил на землю тяжелы и тюк, которым был нагружен. Род сделал то же со своим, а Ваби выпрягся из ремней, с помощью которых тащил сани. Даже Волк, натянув веревку, погрузил свои жадные глаза в котловину, как будто понимал, глядя на своих хозяев, что зимняя стоянка найдена.

Ваби первый прервал молчание.

– Как находишь ты это место, Мукоки? – спросил он. Мукоки закудаhtал с нескрываемой и безграничной радостью:

– Очень красивое и хорошее! Мы иметь тут чудесную зиму! Много дров для огня! Никого кругом!

Оставив багаж и Волка, привязанного к саням, трое мужчин спустились к озеру.

Но едва успели они подойти к берегу, как Ваби остановился и вздрогнул. Указывая товарищам на лес, расположенный на противоположном берегу озера, он воскликнул:

– Смотрите!

Там, наполовину скрытая среди сосен, стояла хижина. Даже на расстоянии можно было догадаться, что она покинута людьми. Масса снега навалилась вокруг нее. Дым не поднимался над крышей. Никаких признаков, свидетельствовавших о жизни.

Обойдя озеро, охотники направились к хижине.

Осторожно приблизившись к ней, они убедились, что хижина была старая. Бревна, из которых она была построена, начинали уже гнить. На крыше пустили корни кусты, семена которых занес сюда ветер. Без сомнения, постройка насчитывала уже несколько лет. Дверь, сделанная из расколотых бревен и обращенная в сторону озера, была герметически закрыта. Так же закрыто было и единственное окно, обращенное в ту же сторону и заставленное снаружи ставнями, сделанными из молодых деревьев.

Мукоки попытался открыть дверь, навалившись на нее. Но она устояла против его напора. Было ясно, что внутри она прочно закрыта на задвижку.

Тут было чему удивляться. Каким образом дверь могла быть заперта изнутри, если в хижине никого не было?

В течение нескольких минут друзья стояли в полном недоумении, напрасно напрягая свой слух.

– Вот так странная история! Не правда ли, Муки? – тихо сказал Ваби.

Мукоки, опустившись на колени перед дверью, продолжал прислушиваться, прижав ухо к щели. Так как он по-прежнему ничего не слышал, то он встал и, отвязав свои лыжи, двумя ловкими движениями отбросил их в сторону.

Потом, вынув топор из-за пояса, направился к окну.

После десятка ударов ему удалось прорубить в ставне небольшое отверстие. И снова, полный недоверия, старый индеец стал прислушиваться, приложив к нему ухо. По-прежнему ни одного звука! Он втянул в себя воздух. Разреженная и в то же время затхлая, почти удушливая атмосфера достигла его ноздрей. Он чихнул. Потом начал кусок за куском отбивать ставню от окна. Когда отверстие было достаточно велико, он просунул в него голову и плечи и посмотрел. Но в первый момент не мог ничего разглядеть в темноте хижины.

– Ну, Муки? – с нетерпением спрашивал Ваби, стоя за его спиной.

Мукоки все еще оставался безмолвным. Его глаза начинали привыкать к темноте, он издавал не больше звуков, чем камень; он был нем как мертвец.

Наконец, очень медленно, с тысячью предосторожностей, как будто боясь разбудить кого-то, кто спал, он вылез назад и спустился на землю. Когда он обернулся к двум своим спутникам, у него было такое выражение лица, какого им еще не случалось видеть.

– В чем дело, Мукоки? – спросили они.

Старый индеец глубоко вдохнул струю свежего воздуха.

– Хижина... – пробормотал он. – Хижина... В ней целая армия мертвецов!

Глава IX. Что заключал в себе мешочек из оленьей кожи

Ваби и Род удивленно переглядывались, не зная, как им понять это странное заявление. Между тем с дрожащего лица индейца не ходило выражение мало свойственного ему волнения.

– Армия мертвецов, да! – повторял старый охотник.

И, когда он поднял руку, частью чтобы придать больше веса своим словам, частью чтобы снять паутину, которая облепила все его лицо, юноши заметили, что эта рука дрожала.

Через несколько минут Ваби в свою очередь просунул голову и плечи через ставню и посмотрел внутрь, как сделал раньше Мукоки. Когда он вытянул голову обратно и повернул к Роду свое лицо, искаженное странной усмешкой, видно было, что он потрясен. Но его волнение было меньше, чем волнение старого индейца, который получил первое впечатление от ужасного зрелища, впечатление, подобное неожиданному выстрелу из ружья, поражающему человека прямо в грудь.

– Посмотрите и вы тоже, Род! – сказал он.

Затаив дыхание, Родерик приблизился к темному отверстию. Сердце его трепетало, но не от страха, а от какого-то таинственного, неосознанного волнения. Жуткое чувство, владевшее им, было так сильно, что он невольно отшатнулся, прежде чем просунуть голову через ставню.

Когда это было сделано, он тоже вначале ничего не мог разглядеть. Хижина была погружена в абсолютную темноту. Потом ему показалось, что мрак рассеивается, и он начал различать противоположную стену. Потом посреди хижины выступил плохо обтесанный стол. А возле стола лежало кучей что-то неопределенное. Поверх же этой кучи находился перевернутый стул, наполовину покрытый каким-то тряпьем. Глаза Рода продолжали блуждать по хижине.

Вдруг Ваби и Мукоки услышали вырвавшийся у него и быстро подавленный крик ужаса. Они увидели, как он уцепился руками за край отверстия, сделанного в ставне. Он смотрел как зачарованный.

У внутренней стены, так близко, что он мог достать рукой, стояло то, что пятьдесят лет тому назад, казалось, было живым человеком. Сейчас это было не больше чем скелет, страшный и в то же время смешной. Пустые орбиты слабо освещались тонким лучом света, просачивавшимся в хижину, рот корчил гримасы и зиял прямо против Рода сквозь окутывавший его мрак.

Родерик почти свалился на землю. Он был бледен и дрожал.

– Я видел только одного... – прошептал он, намекая на восклицание Мукоки.

Ваби, который уже вполне овладел собой, дал Роду, смеясь, два или три шлепка по спине, чтобы вывести его в чувство, в то время как Мукоки удовлетворялся своим ворчанием.

– Вы плохо видели, Род, – сказал Ваби насмешливым тоном. – Ваши нервы помешали вам посмотреть подольше. Впрочем, черт побери, кто не придет в содрогание от такого зрелища. Идем, я открою дверь!

Молодой индеец пролез через ставню, и Родерик, к которому уже вернулось самообладание, поспешил вслед за ним. Мукоки снаружи налег на дверь всей своей тяжестью, а Ваби одновременно колотил по ней изнутри топором. Дверь поддалась сразу и так неожиданно, что старый индеец полетел вслед за ней и растянулся на полу.

Волна света проникла в хижину. Инстинктивно глаза Рода обратились на скелет, который он заметил снаружи. Он был прислонен к стене в позе человека, который дремал. Рядом с этим первым мрачным обитателем хижины находился второй скелет, вытянувшийся на полу во всю длину.

Близ стола и перевернутого стула лежала кучка костей, по-видимому принадлежавших какому-то животному.

Род и Ваби подошли несколько ближе к скелету, который опирался о стену, и стали рассматривать его, в то время как Мукоки, опустившись на колени, склонился над вторым скелетом.

Вдруг старый охотник испустил возглас изумления, и молодые люди, обернувшись к нему, увидели, что он указывает им пальцем на какой-то предмет, валяющийся на земле среди костей.

– Нож! – сказал он. – Борьба! Его убить!

Рукоятка ножа сгнила от времени, а лезвие было изъедено ржавчиной, но оно все еще торчало в том месте, куда всадил его, между живыми мышцами и костями своей жертвы, его обладатель. Длинный нож с крепким лезвием был погружен до дерева в грудь того, кто некогда был человеком.

Род стал на колени рядом с Мукоки, и лицо его сделалось иссиня-бледным. Он с трудом разжал зубы, чтобы спросить:

– Кто... сделал это?

Мукоки издал свое напоминающее смех кудахтанье и указал кивком головы на мрачный предмет, прислоненный к стене.

– Он!

Как по команде, все трое вернулись к первому скелету. Одна из его длинных рук опиралась на предмет, когда-то бывший ведром, и проходила через железные обручи, которые одни только и уцелели. Кисть этой самой руки сжимала костями своих пальцев кусок свернутой в трубку коры, напоминавшей кору старой березы. Вторая рука оторвалась и упала рядом со скелетом, который Мукоки тщательно осмотрел с этой стороны.

Любопытство его было немедленно удовлетворено открытием короткого пореза, который шел наискось по ребрам.

– Этот умер здесь, – пояснил он. – Удар ножом в ребра. Плохая смерть. Много страдать и умирать медленно. Плохой удар.

– Брр... – произнес Род с дрожью. – Выйдем отсюда. Тут можно задохнуться. Можно подумать, что воздух в этой хижине не проветривался по крайней мере столетие.

Мукоки, уходя, поднял череп из груды костей, валявшейся около перевернутого стула.

– Собака, – проворчал он. – Дверь на задвижке, окно закрыто. Люди драться. Оба убиты. Собака умереть с голоду.

Пока охотники поднимались обратно к тому месту, где Волк охранял их сани, Род, дав волю своему воображению, старался восстановить ужасную трагедию, разыгравшуюся в хижине много лет тому назад. Он мысленно видел этих двух мужчин в их смертный час, вступающих между собой в дикую схватку. Ему казалось, что он видит их борьбу, слышит, как они подстрекают друг друга и снова сцепляются. Ему казалось, что он присутствует при двойном ударе, который одновременно убивает первого наповал, а второго, победителя, оставляет в муках агонии пригвожденным к стене. А собака? Какова была ее роль в битве? И что было с ней потом, когда она, одинокая и обезумевшая, страдая от голода и жажды, кидалась на стены своей наглухо замурованной могилы, пока не скорчилась на полу и в свою очередь не издохла. Эта жуткая картина жгла мозг Родерика. Воспитанный в городских условиях, он никогда не представлял себе даже возможности чего-либо подобного. Это было самое сильное переживание за всю его жизнь, если не считать нападения на Миннетаки в Вабинош-Хоузе.

Для Мукоки же и Ваби, напротив, битва скелетов, в первый момент сильно их взволновавшая, была уже сейчас не больше чем одним из многочисленных инцидентов их богатой приключениями жизни.

Но что в особенности не давало покоя Роду, так это желание узнать причину трагедии. В самом деле, почему эти два существа лишили друг друга жизни в запертой хижине? Где был ключ от этой загадки? Он дорого дал бы, чтобы найти его.

Когда восхождение кончилось, Род пробудился от своих грез к более реальной жизни. Ваби уже впрягался в сани. Настроение у него было великолепное.

– Эта хижина, – воскликнул он, когда Род подошел ближе, – в буквальном смысле свалилась с неба! Нам пришлось бы поработать над ее постройкой по меньшей мере недель пять... Вот это удача!

– Как? – спросил Род. – Мы будем в ней жить?

– Жить в ней? Я думаю! Хижина раза в три больше, чем мы бы себе построили. Я даже не понимаю, зачем это им понадобилась такая большая хижина? Как ты думаешь, Мукоки?

Мукоки покачал головой. Все обстоятельства этого дела явно превосходили пределы его понимания.

Снаряжение и провизия вскоре были подвезены к двери хижины.

– Прежде всего займемся чисткой, – весело заявил Ваби. – Помоги мне, Мукоки, собрать все эти кости. Ладно? А Род тем временем развлечется и пороется по углам, может быть, и найдет что-нибудь занятное.

Родерик охотно согласился на отведенную ему роль, так как его неутомимое любопытство все больше возрастало.

– Из-за чего? Да, из-за чего они убили друг друга? – цедил он сквозь зубы.

И он приступил к обыску. Под перевернутым стулом, сделанным из сколоченных вместе молодых сосен, находилась бесформенная пыльная груда, рассыпавшаяся под его пальцами. Но несколько дальше он обнаружил два ружья. Оба были очень старого образца, длиною чуть ли не с самого Рода.

– Это ружья с Гудзонова залива, – сказал Ваби. – Такие ружья были в употреблении еще до рождения моего отца.

Родерик с бьющимся сердцем продолжал свое обследование. Он нашел на одной из стен висящие ключья того, что было когда-то одеждой: остатки шляпы, распавшиеся на куски, как только он поднес к ним руку, пыльные и бесформенные лохмотья, настоящее рубище. На столе лежали заржавленные кастрюли, белое железное ведро, жестяной котел и части бывших ножей, вилок и ложек. Потом на одном конце стола он нашел еще какой-то предмет, который взял в руки, причем предмет этот оказался достаточно устойчивым и сохранился в целости, не рассыпавшись в прах от его прикосновения.

Род обнаружил, что это был небольшой мешочек из оленьей кожи, затянутый с одного конца и очень тяжелый. Дрожащими от волнения пальцами он развязал наполовину сгнившую веревочку, и горсть каких-то предметов, похожих на черноватые камешки, со звоном ударились о стол. Он испустил крик, призывая своих товарищей.

Ваби и Мукоки собирались как раз выбросить наружу найденные кости. Они подошли к нему.

– Смотрите! – сказал Род.

– Похоже на свинец, – высказался Ваби.

– Свинец... Если только это не золото! Сердца забились сильнее.

Ваби взял один из камней, поднес его к порогу двери и выставил на яркий дневной свет. Потом, открыв свой перочинный нож, он провел лезвием по загадочному предмету. И прежде еще, чем Род успел склониться над нарезкой, голос молодого индейца трубным звуком огласил хижину.

– Это золотой самородок, – воскликнул он.

– И из-за него у них произошла схватка! – закричал Род, радуясь своему открытию.

Чувство удовлетворения от того, что он проник наконец в тайну, которая не переставала его мучить, в первый момент заслонило в нем интерес к находке самой по себе.

Но Ваби и Мукоки пришли в состояние ни с чем не сравнимого возбуждения. Можно было подумать, что они сошли с ума. Маленький мешочек был вывернут до дна. Потом со

стола, был убран весь хлам, который его загромождал. Все углы и закоулки хижины были снова обысканы с лихорадочным рвением. Род, возбужденный примером товарищей, присоединился к ним. Не произнося ни слова, все трое, то стоя, то ползая на коленях, то распластавшись на полу, искали, искали и снова искали. Такова уж притягательная сила девственного золота. Таковы искры, которыми оно заставляет вспыхивать глубоко скрытое лихорадочное пламя, горящее для него и тайниках человеческих душ. Всякая рвань, всякая кучка пыли, всякие бесформенные обломки были рассмотрены, рассортированы, перетряхнуты, переброшены. Они прекратили свои поиски только через час, ничего не найдя и сильно разочарованные.

– Это все, что имеется, – сказал наконец Ваби, решившись первым раскрыть рот.

После краткого молчания он начал снова:

– Мы очистили хижину до основания, а завтра сорвем пол! Неизвестно еще, что там может оказаться. Так или иначе нам все равно придется делать новый пол. Но уже темнеет, и нужно пошевеливаться, если мы хотим иметь сегодня приличный ночлег.

Не теряя ни минуты, они вымели и вытащили весь мусор. Когда наступила ночь, постели были уже разложены, различные свертки и провизия сложены в одном из углов хижины в столь же идеальном порядке, как на пароходе. Именно такое выражение употребил Род.

Огромный костер был разложен снаружи перед дверью, которая оставалась открытой, и, когда он запылал, тепло и свет наполнили внутренность «квартиры», ставшей теперь совсем уютной. Пара свечей дополнила праздник и еще усилила это впечатление идеального домашнего уюта. Ужин, поданный Мукоки, приобрел характер пиршества. Меню состояло из жареной оленины, холодной фасоли, которую старый индеец сварил на последней стоянке, мучных лепешек и горячего кофе. Наши охотники облизывались так, будто не ели по крайней мере неделю.

День был слишком богат впечатлениями, чтобы, окончив еду, они тотчас же попрятались под свои одеяла, как делали обыкновенно. И к тому же, разве они не добрались до конечного пункта своего длинного пути? Самое утомительное было уже позади.

Начиная с завтрашнего дня они уже не должны были совершать этих тяжелых переходов. Их экспедиция начиналась при счастливых предзнаменованиях, и они могли теперь мирно предаваться наслаждению зимним спортом. А по вечерам могли коротать время у себя «дома» в приятной беседе.

Род, Ваби и Мукоки не замедлили воспользоваться этой возможной в ту же ночь. Они болтали еще мною часов подряд, сидя на пороге хижины перед потрескивающим костром, в который подкидывали новые ветки. Двадцать раз разговор возвращался к трагедии старой хижины. Двадцать раз трое друзей взвешивали на ладони руки маленькие кусочки золота, составлявшие в общей сложности около полуфунта. Теперь уже легко было восстановить картину происшествия. Двое людей-скелетов были когда-то искателями золота, отважившимися углубиться в эту холодную пустыню, когда туда еще воспрещен был доступ белым. Они нашли самородки, которые заботливо уложили в мешочек из оленьей кожи. Потом, когда наступил час дележа, оба стали, быть может, предъявлять исключительные притязания на эту общую собственность; тут завязался спор, а за ним последовали горячие препирательства, которые кончились поножовщиной. Но где и как нашли они это золото? Вопрос, на который не так легко было ответить. В хижине не было никаких рудопромышленных орудий, ни кирки, ни лопаты, ни плавильного тигля. Друзья обсуждали этот вопрос до полуночи. В конце концов они пришли к общему заключению, что строители хижины не были профессиональными искателями золота и что они совершенно случайно нашли маленькое сокровище, из-за обладания которым убили друг друга.

Еще не успела занять заря, как трое мужчин, наскоро проглотив легкий завтрак, начали срывать старый пол хижины. Один за другим отдирались сосновые брусья и складывались в кучу как материал для костра. Когда почва обнажилась, они перерыли ее на всем пространстве

при помощи небольшой лопаты, взятой из багажа. Весь мох был вырван. Так что к полудню не оставалось ни пяди земли, которая не была бы исследована. Теперь можно было сказать определенно: золота больше не было.

Когда они пришли к этому убеждению, душевное напряжение ослабело. Мысль о том, что они могут найти скрытые сокровища, была окончательно оставлена. И свалившиеся с неба двести долларов, представлявшие собою стоимость слитков, стали теперь казаться очень приятным приращением к остальным доходам.

Род и Ваби не думали теперь ни о чем другом, кроме как о здоровых и разнообразных радостях, которые сулила им охота, и о трофеях, которые они вскоре присоединят к восьми волчьим скальпам. Мукоки начал рубить кедровые деревья и срезать с них сучья, приготовляя балки для кладки пола.

Разложив их рядом на земле, сколачивая гвоздями и затыкая мхом все промежутки между ними, Род весело насвистывал и свистел так усердно, что в конце концов у него заболело горло. Ваби напевал обрывки дикой песни краснокожих. Мукоки бурчал что-то себе под нос, временами повышая голос. Пол был закончен уже при свечах, и железная печка, принесенная из саней, была немедленно водворена в хижине на месте прежнего, полуразрушенного очага из плоских камней, оставленного людьми-скелетами.

В этот вечер ужин был приготовлен на ней, а по окончании еды Мукоки поставил на огонь большой горшок, наполненный жиром и костями оленя.

Род спросил его, что это за суп он варит. Вместо ответа индеец взял стальные капканы и опустил штук пять-шесть в горшок.

– Надо, – сказал он, – капканы пахнуть хорошо для лисы, волка, куниц и... Все прийти, когда капкан пахнет хорошо.

– Если вы не смочите капкана, – пояснил Ваби, – то девять животных из десяти, а волк в первую голову, не поверят приманке, отнесутся к ней подозрительно. Запах, который остается на стали от человека, державшего ее в руках, отталкивает животных. После же смачивания, напротив, они чувствуют один только запах жира, который их привлекает.

«Квартира» троих охотников с этой второй ночи приняла очень комфортабельный вид. Оставалось только устроить с помощью перегородок три отдельные комнаты для каждого из них. Это была работа, которую можно было отложить на свободное время. Было решено, что завтра с раннего утра, захватив с собою капканы, они двинутся на поиски звериных троп, причем главное внимание будут обращать на волчьи следы.

Глава X. Почему Волк и Мукоки ненавидели волков

Два раза в течение ночи Родерик просыпался от легкого шума. Это Мукоки открывал двери хижины.

Во второй раз он приподнялся в своих одеялах и, опершись на локти, стал наблюдать за старым индейцем.

Ночь была великолепная, и волны лунного света заливали стоянку. Роду было слышно, как Мукоки кудахчет и ворчит, как бы разговаривая сам с собою. В конце концов любопытство одолело Рода, и, завернувшись в одеяло, чтобы не чувствовать холода, он присоединился к индейцу на пороге хижины.

Устремленный кверху взгляд Мукоки, казалось, терялся в пространстве. Шар луны находился в зените, как раз над хижиной, на небе не было ни единого облачка, и поэтому кругом было так светло, что можно было отчетливо различить все предметы на противоположном берегу озера.

Холод был все так же резок, и Род уже чувствовал его укусы на своем лице. Но что могло приковать к себе взгляд Мукоки там, в небесной вышине? Не красота же ночи? Род недоумевал.

– Что случилось, Мукоки? – спросил он наконец.

Старый индеец оторвал свой взгляд от неба, поглядел на него и с минуту молчал. Какая-то непонятная радость волновала все его существо. Сияла радостью каждая черточка его лица.

– Волчья ночь! – прошептал Мукоки.

И посмотрел в сторону Ваби, который по-прежнему спал.

Как тень скользнул индеец к юному охотнику. Род следил за его движениями, и удивление его росло и росло.

Вот он наклоняется над Ваби, трясет его за плечо, старается разбудить и все шепчет и шепчет:

– Волчья ночь, волчья ночь!

Ваби проснулся, присел на койку, а Мукоки уже снова на пороге хижины. Он уже одет, в полном охотничьем снаряжении, ружье в руках.

Вот он вышел и скользнул в ночь.

Ваби подошел к Родерику, и оба они смотрели ему вслед; быстро-быстро темным пятном скользил по льду озера Мукоки, потом поднялся на холм и, наконец, затерялся в снежной пустыне.

Род время от времени поглядывал на Ваби... Странно, глаза его товарища были так же широко раскрыты и так же напряженно смотрели в одну точку, как только что у старого индейца. В них отражалась какая-то затаенная тревога.

Молча Ваби подошел к столу, зажег свечу и стал одеваться.

Потом снова вернулся к выходу, не поборов своей тревоги, и пронзительно свистнул. На свист ответил унылым воем Волк из своей берлоги.

Десять, двадцать раз повторил свой свист Ваби, но в ответ не неся свист Мукоки.

Убедившись, что все ожидания напрасны, Ваби бросился к озеру, пересек его с быстротой, не уступавшей старому индейцу, взобрался на холм, на другой берег, и вопросительным взглядом окинул белую, сверкающую безбрежность снежной пустыни, раскинувшейся у его ног.

Мукоки исчез.

Ваби вернулся в хижину. Печь, затопленная Родом, шипела. Он подсел к своему другу и протянул к огню уже посиневшие от холода руки.

– Бррр... Вряд ли кто помянет добром такую ночь, – сказал он, постукивая зубами.

И вдруг, взглянув на Родерика, захохотал, а тот не знал, как ему быть, на лице его отражалась не то растерянность, не то тревога. Он недоумевал, что такое происходит перед ним.

– Скажите, Род, – спросил наконец Ваби. – Миннетаки никогда не рассказывала вам об одном исключительном событии из жизни нашего старика?

– Нет, ничего особенного. Не больше того, что я знал от вас.

– Ну, так слушайте. Однажды, это было, правда, давно, Мукоки охватил приступ, не скажу, безумия, но чего-то в этом роде. Решить определенно, что с ним было, я никогда не мог. Быть может, это было безумие, быть может... нет... не знаю. До сих пор с уверенностью сказать не могу. Но индейцы с нашей фактории утверждают, что это было именно так. Как только дело коснется волков, Мукоки, по их словам, теряет рассудок...

– Когда дело коснется волков?

– Да. И на это у него имеются весьма серьезные основания. Случилось это еще в то время, когда мы с вами только что появились на свет божий. Тогда и у Мукоки была жена и ребенок. Моя мать и люди с фактории рассказывают, что ребенка своего он любил какой-то страстной любовью. Ради него он забросил охоту, чаще уступал ее другим индейцам, а сам целые дни проводил в своей хижине, играя со своим «попузом», обучая его всяким забавным штукам. Если Мукоки случалось отправиться на охоту, он взваливал к себе на спину карапуза, который уже подрос и умел орать во всю глотку, и тогда Мукоки был счастливейшим из индейцев, хотя слыл среди них страшным бедняком.

Вот однажды он явился к нам с небольшим свертком мехов, и все свое богатство выменял на вещи, предназначенные исключительно для детворы – так рассказывала мне мать. Было уже поздно, когда он собрался в обратный путь, а потому Мукоки решил заночевать у нас. Не знаю, что задержало его и на следующий день, только возвращение его домой отсрочилось на целые сутки. Жена Мукоки, прождав его напрасно так долго, стала беспокоиться. Она вскинула на плечи своего «попуза» и отправилась мужу навстречу...

Жуткий вой пленного волка прервал на этом месте рассказ Ваби.

– Она шла, шла долго, но мужа не повстречала. Что произошло дальше? Никто так и не узнал. Но люди с фактории говорят, что она, вероятнее всего, поскользнулась, упала и, падая, поранила себя. Известно только одно: когда Мукоки на следующий день тронулся в обратный путь, он нашел на звериной тропе ее труп и труп ребенка, наполовину обглоданный волками. С этого трагического момента Мукоки изменился до неузнаваемости: он забыл свою прежнюю лень, стал самым ярым и искусным охотником на волков в нашем округе. Он оставил свое племя, Поселился у нас в фактории и с тех пор уже не покидал нас – ни Миннетаки, ни меня.

Иногда, но с большими перерывами, когда луна светит, как сейчас, когда ночь такая нежная, а мороз трещит, его рассудок как будто меркнет... «Это волчья ночь», – говорит он. И тогда никто не может ни удержать его, ни вырвать из него хоть слово. Когда Мукоки охватывает такое настроение, никто не смеет следовать за ним. Сегодня ночью он проделает много-много миль. Он будет идти и идти все прямо и прямо, не разбирая дороги, пока его безумию не наступит никому не ведомый срок. А потом, когда Мукоки вернется, он снова будет в полном уме, как вы и я.

Если вы спросите его, откуда он явился, старик ответит вам весьма туманно, что вышел, мол, посмотреть, нельзя ли где-нибудь пострелять.

Род слушал с глубоким вниманием. По мере того как Ваби развертывал перед ним ленту трагической жизни Мукоки, он чувствовал, что им овладевает безграничная жалость к старому индейцу. Теперь Мукоки не был для него полудикарем, едва прикрытым налетом цивилизации. Это был родной ему брат, равный ему человек в полном смысле этого слова.

Рыдания душили его. Пламя свечи колебалось и временами освещало слезинки, которые, сверкая, набегали на глаза.

– Ловкость, с которой Мукоки охотится на волков, – продолжал между тем Ваби, – кажется сверхъестественной. В течение двадцати лет он каждый день своей жизни только и делал, что думал о волках.

Он изучил их в мельчайших подробностях и теперь знает этого зверя лучше, чем все охотники Снежной Пустыни, вместе взятые. В каждый капкан, поставленный Мукоки, попадает волк. В этом никто, никто не может поспорить с ним. Только по следу, оставленному животным, он расскажет вам о всех его повадках, и, будьте уверены, он не ошибется. Какой-то, пожалуй, сверхчеловеческий инстинкт подсказывает ему, что наступающая ночь будет «волчьей ночью». Дуновение ли вечернего воздуха, небо ли, луна ли, вид ли Снежной Пустыни, вся атмосфера, что ли – не знаю, одним словом, что, но что-то, неуловимое для нас, указывает ему, что в эту именно ночь рассеянные по горам и долинам волки соединяются в целые стаи и что восход застанет их на скатах гор, где они будут греться в ярких лучах солнца.

Если Муки вернется сегодня, завтра вы будете свидетелем редкой охоты... пожалуй, и на долю нашего Волка придется немало работы.

Несколько минут прошло в молчании, огонь шипел в печке, раскаленной докрасна. Мальчики сидели рядом, смотрели в огонь, прислушиваясь к его шипению. Род взглянул на часы. Было уже около полуночи. Но никто из них не хотел возобновить прерванный сон.

– Наш Волк – зверь, чрезвычайно любопытный, – сказал Ваби. – Конечно, Род, вы можете считать его выродком, раболепной тварью, предателем, достойным всяческого презрения. Ведь он идет против своих же собственных братьев, заманивает их на верную смерть. Но Волк, по правде сказать, не заслуживает таких оскорблений. Как и у Мукоки, у него имеются свои причины поступать таким образом. Звери, как и люди, умеют затаивать в себе обиды и мстить за них. Вы заметили, что у него нет половины уха? А если вы запрокинете его голову и проведете рукой по его горлу, вы почувствуете след глубокой раны. Погладьте его сзади, ощупайте его кожу под шерстью с левой стороны, вы найдете дырку величиной с кулак. Мукоки и я, мы извлекли нашего Волка из рысего капкана. В это время это был еще слабенький волчонок, месяцев шести от роду, как полагал Мукоки. Бедняга был в весьма плачевном состоянии. Он попал в капкан, бился в нем, был беспомощен и беззащитен, и вот тут на него напали его милые сородичи, три или четыре волка, и надежде устроить себе лакомый ленч.

Мы пришли как раз вовремя и обратили в бегство этих братоубийц. Вытащили волчонка из капкана и оставили у себя. Зашили ему горло и зад и постепенно приручили к себе. Завтра вечером вы увидите, чему научил его Мукоки и чем он платит людям свой долг.

Проболтав еще часа два, Род и Ваби затушили свечу и забились под одеяло. Род заснул не раньше чем через час: все спрашивал себя, где же теперь Мукоки, что он делает, найдет ли в припадке помутнения рассудка обратный путь среди поглотившей его Великой Бетой Пустыни.

Потом какой-то страшный сон мучил его всю ночь. Он видел, как волк пожирал жену Мукоки и его ребенка. Вдруг вместо них появлялась Миннетаки, а волки превращались в вунгов, и вунги бросались на молодую девушку.

Род освободился от своего кошмара только благодаря пинкам, которыми награждал его Ваби. Он открыл глаза, посмотрел на своего приятеля, укутанного в одеяло, тот показал ему что-то пальцем, и тут он увидел Мукоки. Он спокойно принимался за чистку картофеля.

– Алло, Муки! – крикнул Род.

Старый индеец поднял глаза и посмотрел на Рода; на лице он скорчил свою обычную добродушную гримасу. Не было и следа безумных ночных блужданий.

Весело потряхивая головой и бодро, как будто он встал после доброго, освежающего сна, старик готовил утренний завтрак.

– Сегодня большой день, добрая охота. Много солнца сегодня. Мы найдем в горах много волки!

Мальчики сбросили с себя одеяла и стали одеваться.

– Когда ты вернулся, Муки? – спросил Ваби.

– Сейчас, – ответил старик, показывая на печь и очищенную картошку, – вот растопить печь.

Ваби переглянулся с Родом, моргнул ему глазом и, когда Мукоки наклонился над рагу, спросил его:

– А что ты делал, Муки, сегодня ночью? Мукоки отвечал:

– Большая луна, светлая ночь, можно стрелять, смотреть капканы, рысь на горах. Много волчьих следов. Но я не стрелять.

Вот и все объяснения относительно ночного времяпрепровождения, каких мальчики могли добиться от индейца.

Сели к столу, и, когда Мукоки поднялся, чтобы прикрыть печку, откуда шел нестерпимый жар, Ваби, толкнув Рода локтем, сказал ему вполголоса:

– Вот видите, я был прав. Он, конечно, носился по волчьим тропам.

Потом он сказал Мукоки:

– Как ты думаешь, Муки, надо бы нам распределить между собой сегодняшнюю работу. Мне кажется, что мы могли бы расставить наши капканы в двух направлениях, если с вашей стороны нет возражений. Одни в восточном, вдоль этой скалистой цепи гор, образующих бухту. Остальные в северном, вдоль волнистой линии долины. Какого ты мнения на этот счет?

– Хорошо! – одобрил старый следопыт. – Вы два пойти на север. Я один пойти на горы.

Но Родерик порывисто вскричал:

– Нет, нет, Муки! Я пойду в горы с тобой, а Ваби спустится в долину. Я хочу сопровождать тебя.

Польщенный предпочтением, оказанным ему белолицым мальчиком, Мукоки соорудил милую гримасу, закудаhtал и стал с большим воодушевлением излагать различные планы, созревшие в его голове.

В конце концов было решено, что в хижину они вернутся вскоре после полудня, так как надо было хорошенько отдохнуть до наступления ночи, когда, по уверениям индейца, начнется славная охота на волков.

Род обратил внимание на то, что пленный волк не получил в это утро никакой пищи. О причине он сейчас же догадался.

Охотники распределили между собой капканы. Они были трех различных размеров. Пятьдесят штук было маленьких для норок, куниц и другого пушного зверя. Пятнадцать несколько более прочных для лисиц и столько же больших – для рыси и волка.

Ваби нагрузил на себя двадцать штук маленьких, четыре штуки под лисицу и столько же больших. Род и Мукоки взвалили на себя остальные.

Остатки оленины, приманку для зверей, охотники точно так же поделили между собой.

Все эти приготовления были закончены еще до зари, и едва стало всходить солнце на горизонте и подыматься над тайгой, как они пустились в путь.

День выдался, как предвидел Мукоки, солнечный, яркий, один из тех прозрачных и безоблачных дней при злом морозе, когда, по верованию индейцев, великий творец мира лишает солнца всю остальную часть вселенной, чтобы озарить всем блеском солнечного света их суровую землю.

Когда они оказались на вершине холма, расположенного против их хижины, все трое приостановились, а Род в немом восторге созерцал сверкающую ширь безграничного простора.

Род и Мукоки не шли и пяти минут, как индеец остановился и указал своему спутнику на ствол мертвого дерева, упавшего поперек маленького потока. На этом случайном мосту снег был утоптан чьими-то лапками.

Мукоки внимательно осмотрел их отпечатки и сейчас же скинул свой мешок.

– Норка, – сказал он.

Он проследил тропку, проложенную зверьком; она терялась под сучьями других деревьев, поваленных ветром.

– Здесь жить целая семья. Три, может быть, четыре, может быть, пять. Построить здесь «охотничий домик».

Род еще ни разу не видел, как индеец расставляет свои капканы. На звериной тропке, несколько в стороне от потока, он построил из веток норку, похожую на домик. Потом положил туда кусочек мяса карибу, а перед домиком поставил свой капкан, тщательно прикрыв его снежком и тонкими ветвями. В какие-нибудь двадцать минут Мукоки устроил две подобные норки и расставил перед ними два капкана.

Когда они снова пустились в путь, Род спросил Мукоки:

– Зачем ты строишь эти маленькие домики?

Индеец объяснил:

– Много снега падать в это время года. Строить домики, защитить капканы от снега. Не делать так, надо всегда следить за капканами и разгребать снег. Когда норка нюхает мясо, тогда входит в домик и попасть в западню. Хорошо для маленьких зверей. Нехорошо для рыси. Когда рысь видит дом, все кружится вокруг, кружится и кружится, а потом уйти. Рысь умный и хитрый мошенник. Волк и лисица тоже.

– Сколько стоит рысь? – спросил Род.

– Пять долларов, не больше. Семь, восемь долларов, если очень прекрасный.

На протяжении следующей мили было расставлено еще шесть таких же капканов. Скалистый хребет, по которому шли охотники, подымался все выше и выше, и в глазах Мукоки вспыхнул огонек и выдавал иные заботы, чем травля мелких пушистых зверьков. Но шаги становились все медленнее, осторожнее, и, когда он обращался к Роду, только шепот просачивался из его губ. Род отвечал ему тем же тоном.

Оба время от времени останавливались, взглядом сверлили широкую даль и старались найти признаки хоть какой-нибудь жизни. По дороге они поставили два капкана для лисиц на тропках, которые надавали норы этих зверей.

Немного дальше в заглохшем ручье, окруженном сбитыми ветром деревьями и скалистыми глыбами, они открыли следы рыси и расставили два капкана, один у входа в русло, другой у выхода. Но и сейчас мысль Мукоки была далеко от этих операций.

Они продвигались вперед, между ними было расстояние ярдов в пятьдесят. Род старался держаться следов Мукоки и подражать его осторожным движениям. Вдруг юноша услышал заглушенный зов своего спутника, он подзывал его, размахивая руками в каком-то диком восторге. Род поспешил присоединиться к нему.

– Волк! – прошептал Мукоки.

Род заметил в снегу отпечатки чьих-то лап, похожие на след собаки.

– Три волка! – продолжал объяснять индеец; ликованию его не было границ. – Выйти сегодня рано из берлоги. Уйти греться куда-нибудь на солнце, на горы.

Теперь они шли волчьей тропой. Вскоре они наткнулись на кости кролика. К волчьим следам примешивались следы лисицы. Мукоки поставил еще одну западню. Затем пошли следы кошки-рыболова, и индеец снова устроил капкан.

Следы оленей и карибу перекрещивались в различных направлениях, но Мукоки не обращал на них никакого внимания.

Вскоре присоединились к прежним следам и следы четвертого полка, потом пятого, образовалась целая шайка. Через полчаса новая волчья тропа пересекала под прямым углом ту, по которой шли наши охотники. Обе тропы слипались вместе и спускались в долину и ее леса. Мукоки трясся от радости.

– Множество волков! – воскликнул он. – Здесь, там, всюду. Хорошее место для ночной охоты.

Скалистый хребет стал снижаться, опускаться в долину, где змейкой извивался замерзший ручей.

Признаков зверя становилось все больше и больше, от этого сильнее билось сердце Рода и волновалась кровь. Местами снег был буквально сметен копытами оленей.

Звериные тропы разбегались во все стороны, и клочья шерсти висели на маленьких соснах, о которые терлись животные.

Мукоки скользил по снегу как-то странно, точно не касаясь земли. Даже ветви кустарника бесшумно склонились при его приходе, а когда Род случайно наступил своей лыжей на сухую ветку, старый индеец поднял руку к небу в знак своего возмущения и ужаса.

Внезапная остановка Мукоки и знак по адресу Рода, последовавший за ней, известили юношу, что дичь на примете. Индеец насторожился, весь пригнулся и, когда Род подошел к нему, передал ему свое ружье. Потом губы его почти беззвучно выдавили только одно слово:

– Стрелять!

Род нервной рукой схватил ружье. Задрожал от волнения. На расстоянии какой-нибудь сотни ярдов он увидел великолепную лань-самца. Лань щипала ветки орешника, на которых висели полусохшие листья, пощажённые зимой. Несколько дальше виднелись две самки.

Юноша собрался с силами. Лань стояла к нему боком, вытянув шею, закинув голову, в прекрасной позе для меткого выстрела. Род прицелился и выстрелил. Животное судорожно подпрыгнуло и рухнуло на снег.

Пока Род восхищался меткостью своего выстрела, Мукоки быстро подобрался к убитой дичи.

Когда мальчик подошел, он застал индейца склоненным над еще трепещущим животным. В руках он держал бидон из-под виски. Старый индеец без долгих объяснений вонзил нож в горло лани и наполнил бидон ее дымящейся кровью.

Покончив с этим делом, Мукоки поднял бидон с чувством величайшего удовлетворения и сказал:

– Кровь для волков. Волки любить кровь. Большая охота сегодня ночью. Нет крови, нет настоящей приманки. И нет убитых волков. Казалось, что теперь Мукоки вышел из своей тяжелой задумчивости: очевидно, он считал свои утренние обязанности законченными. Он вспорол лань, вынул сердце и печень, отрезал четверть мяса. Потом вынул из своего мешка длинную веревку, привязал один конец к шее животного, перебросил другой через ветку дерева и при помощи своего спутника поднял тушу оленя на несколько футов от земли.

– Если нам помешать прийти вечером, он подманит волков! – пояснил Мукоки.

Осмотрев в последний раз долину, охотники заметили, что в одном месте почва поднималась и вела к скалистому скату из тяжелых горных глыб, осененных высокими соснами и березами. Таким образом, они оказались перед скалой, которая сейчас же привлекла к себе внимание Мукоки. Подняться на нее не было никакой возможности. Разве только при помощи ветвей ближайших сосен. Скала заканчивалась, насколько можно было судить снизу, небольшой площадкой. Мукоки захлебнулся от счастья.

– Хорошее место положить приманку. Сегодня ночью сюда заманить волков.

Часы Рода показывали уже около двенадцати. Охотники присели, чтобы позавтракать взятыми с собой сандвичами, а затем двинуться в обратный путь.

Из долины они пошли напрямик, срезав часть прежнего пути. Дорога была рискованной, представляла собой какой-то хаос. Местами они натыкались на отвесные скалы, похожие на крепостные стены. Они круто вздымались над головокружительными безднами.

И вот, когда они проходили над ложбиной глубиной футов в пятьсот, где летом пробивался небольшой горный поток, над мрачной и жуткой бездной, куда не проникали лучи солнца, Мукоки несколько раз приостанавливался.

Ухватившись, из предосторожности, за дерево, он наклонился над этой апокалипсической ложбиной, всмотрелся в нее и, когда поднялся, сказал:

– Весной здесь множество медведей.

Но Род не думал сейчас о медведях. Мысль о золоте снова возникла в его голове. Вот эта таинственная ложбина, не разрешит ли она тайну, которую пятьдесят лет тому назад унесли с собой в могилу скелеты из старой лачуги?

Глава XI. Как Волк послал на верную смерть своих братьев

С этого момента в груди Рода Дрюи зародилось непреодолимое желание. Отныне он охотно отказался бы от всех радостей и прибылей зимней охоты, лишь бы пуститься в погоню за тем «роковым огоньком», который сжигал всех людей во все века их жизни. Его сжигала жажда золота. Скелеты, найденные в хижине, когда были живыми людьми, открыли золотую жилу, и жила эта где-то тут близко. Из-за первой добычи, горсточка золота, найденного в первые же дни, они вступили в драку между собой и перебили друг друга. Вот что не переставал повторять себе Родерик Дрюи.

Мукоки сделал многозначительную гримасу и пожал своими могучими плечами, когда Род высказал мысль, что золотая жила находится на дне дьявольской ложбины. Свои соображения на этот счет он сохранил при себе, и потому возвращение их сопровождалось молчанием.

Молчаливый, как все люди его племени, Мукоки вступал в разговор только тогда, когда другие его начинали. Род же все время старался решить вопрос, как спуститься в эту мрачную пропасть, чтобы исследовать ее со всех сторон. Он не сомневался, что Ваби примет участие в этой аванюре, а в крайнем случае он один попытает счастья. Какая-нибудь щель должна же существовать в этой обрывистой стене.

Когда охотники вернулись в свою хижину, они уже застали там Ваби. Он расставил восемнадцать капканов и убил двух куропаток. Дичь ощипали к обеду, причем к ней присоединили добрый кусок лани.

Во время приготовлений к обеду Род рассказал об открытой им таинственной ложбине, а также о возникшем у него проекте, но Ваби слушал его рассеянно. Его мысли были где-то в другом месте. Временами он вдруг застывал в неподвижной позе, засунув руки в карманы. Он что-то тщательно и тревожно обдумывал.

Род и Мукоки убирали со стола, растопляли печь. Наконец Ваби, как будто оторвавшись от каких-то затаенных мыслей, вынул из кармана гильзу из желтой меди и протянул ее старому индейцу.

– Посмотри-ка, Мукоки. Я не хочу сеять среди нас напрасную панику, даже ничего похожего на нее, но вот что я нашел сегодня на своем пути.

Мукоки схватил патрон так же порывисто, как если бы это был такой же самородок золота, какой они недавно нашли. Патрон был пустой. Но на медном ободке была отчетливо видна надпись, которую Мукоки вслух прочитал:

– Тридцать пять Rm... Значит, это есть...

– ...патрон от ружья Рода! – заключил его мысль Ваби. Мукоки нахмурил брови.

– Нет никаких сомнений, – заявил Ваби. – Это патрон от ружья системы Ремингтон тридцать пятого калибра с автоматическим зарядом. Таких ружей во всем нашем округе только три: одно у меня, другое у Муки. Третье потеряли вы, Род, во время вашей схватки с вунгами.

Но, пока между ними шел этот разговор, стали подгорать яства Мукоки, поэтому он поспешил снять их с огня и подать на стол.

– Следовательно, – сказал Род после некоторого молчания, – это означает, что вунги напали на наш след?

– Этот же вопрос интересовал и меня целый день! – ответил Ваби. – Во всяком случае ясно, что, вопреки предположениям Мукоки, они прошли с этой стороны гор. Но все-таки я не думаю, что они знают, где мы находимся. Их след начинается за пять миль от нашей хижины, и, вероятно, был проложен по меньшей мере дня два тому назад тремя индейцами на лыжах; след отходил к северу. Отсюда я заключаю, что они вышли просто на охоту и, описав круг в южном направлении, вернулись в свой обычный лагерь. Не думаю, чтобы они пошли дальше.

Ваби объяснил, каким образом он определил, что в известный момент след делает поворот, возвращается к исходному пункту. Этот факт успокоил Мукоки. Кивнув головой в знак одобрения, он точно так же пришел к заключению, что враг дальше не пойдет.

Тем не менее настроение трех приятелей не улучшилось и веселье их спало. И все-таки возможность новой опасности казалась им прямой приправой к переживаниям их мирной охотничьей экспедиции.

Когда охотники покончили с обедом, они приступили к разработке целого плана военной кампании. Решили не держаться оборонительной тактики, так как подобная тактика всегда невыгодна. Если сегодня или завтра обнаружатся свежие следы вунгов, они бросятся в погоню за ними и сами начнут настоящую охоту на людей.

Солнце готовилось уже опуститься за далекий горизонт, когда оба мальчика и Муки покинули свою хижину.

Волк ничего не ел с прошлой ночи. Голод его увеличивался, возбуждал его кровожадность; глаза горели все злее. Ярость росла. Мукоки не преминул обратить на это внимание Рода и Ваби. Казалось, что он хотел прочесть, что таилось в душе этого зверя.

Быстро спускавшаяся ночь уже обволакивала своей темнотой тайгу, когда они достигли долины, где на дереве по-прежнему висела лань.

Роду было поручено стеречь оружие и багаж, а Ваби и старый индеец приступили к переброске лани на площадку утеса. Эта операция удалась им не без труда. Юный горожанин только теперь стал понимать, что задумал Мукоки.

Длинная веревка, привязанная к туше, была перекинута с утеса к кедром, расположенным против него. На двух деревьях были устроены три площадки для трех охотников. Таким образом, получалось удобное место для засады; здесь, скрытые ветвями, они могли даже присесть, не подвергаясь никакой опасности.

Когда было закончено это дело, последовали новые подготовительные действия, за которыми Род наблюдал с большим интересом.

Мукоки вынул из-за пазухи наполненный кровью бидон, который старался согреть своим телом. Почти треть содержимого он вылил на снег у подошвы утеса и частично обрызгал кровью даже утес. Остальное он капля за каплей вылил на волчьи тропы, которые, как лучи, расходились во все стороны.

Волк во время всех этих операций следовал за своими хозяевами.

Так как луна должна была взойти не раньше трех часов, охотники под прикрытием утеса развели костер. Они поджарили мясо на огне и стали болтать, чтобы убить время.

Было девять часов, когда светило почти взошло над Великой Белой Пустыней. Грандиозная заря северной ночи всякий раз производила на Рода чарующее впечатление.

Казалось, что пурпурный шар подымался на вершины деревьев и холмов и зажигал свой трепетный свет над пустынной землей, бросая на нее бледные лучи с девственно-чистого неба, не знающего ни тумана, ни туч. Он катился так быстро, что можно было простым глазом проследить его бег. По мере того, как он подымался все выше, бледнел его кровавый цвет. Его сменяли нежные оттенки, которые переливались то золотом, то серебром. И только в этот момент ночное солнце начинало освещать вселенную.

Когда этот миг наступил, Мукоки молча подал мальчикам знак следовать за ним, и они вместе с Волком направились к деревьям, в свою засаду.

Крепкой веревкой привязали они пленного волка к низкой сосне у подошвы скалы, на вершине которой лежала убитая лань. Волк носом потянул воздух, вдохнул запах дичи. Под лапами он почувствовал сгустки крови, пролитой Мукоки на снег. Его челюсти раскрывались и смыкались. Он начинал завывать.

Род и Ваби, притаившись за стволом, наблюдали за ним. Он волновался все больше и больше. Сев на задние лапы, раздув ноздри он как будто старался впитать в себя ветер, доно-

сивший запах дичи. Шерсть на его спине ошетижилась, ноздри раздулись. Кровь на снегу, туша кровавого мяса на скале – ведь это не та пища, которой кормили его люди. У Волка пробуждались его дикие инстинкты, и он всем существом своим, как и его предки, рвался на охоту за зверем. Иногда он как будто приходил в себя: припоминал своих хозяев, свой домашний уют, и тогда он оглядывался назад, в сторону кедров. Но хозяева его исчезли куда-то. Он их не видел, он их не слышал. Он обнюхивал воздух и, втягивая в себя запах убитой лани, в яростном порыве снова бросался на кровь.

Он метался из стороны в сторону на своей привязи и на снегу, хрустевшем под его лапами, снова видел пятна крови. Он старался вырваться на след, окрашенный кровью. В бешенстве рвал ремень, державший его в плену, тщетно грыз его, забывая, что он достаточно крепок и выдержит хватку его зубов. Охотники слышали жалобный вой Волка, который временами обрывался коротким и заунывным ревом.

Волк все бегал и бегал вокруг своей низкой сосны, все больше и больше разъярялся, глотал комки кровавого снега, который, как слюна, стекал с его пасти. Потом снова бросался в сторону, на скалу, к дичи, не зная, мертвая она или живая; он всем существом жаждал крови, хотел удовлетворить свою исконную потребность хватать, убивать, рвать на части.

В безумном прыжке он сделал последнее усилие, чтобы освободиться от привязи, разорвать свою цепь, вырваться на веселый и дикий простор. А затем, убедившись в своем бессилии, в отчаянии упал на снег, задыхаясь и плача. Потом сел на задние лапы, натянув изо всех сил привязь, и поднял вверх свою морду, освещенную луной. Он покачивал своей мордой, откинув ее далеко назад, ошетирил шерсть и затянул, как эскимосский пес, свою «заунывную песню смерти». Глухие и жалобные стоны росли, становились протяжнее, ширились, крепились, наконец, разрешились долгим и жутким призывом, который разнесся по долинам и горам и улетел вдаль за ответом. Теперь это был клич к волчьему сбору, великий призыв к охоте, который, подобно боевому рожку, сзывал на добычу тощих и серых бандитов тайги, вечно ненасытных хищников Великой Белой Пустыни. Три раза этот клич вырвался из пасти пленного волка. Тогда охотники поспешили взобраться на кедр.

Род от волнения не замечал даже укусов мороза, который становился все злее. Нервы его напряглись. Он вопросительным взглядом окидывал белый простор, таинственный и прекрасный, расстилавшийся под небом и залитый лунным светом. Более спокойно держал себя Ваби, он знал лучше его, что предстоит им этой ночью.

Жуткий призыв был действительно услышан всем таежным миром. Вот тут, на берегу озера, скованного зимним ледяным покровом, задрожала от страха трепетная лань. Там, за горами, грозный олень, гордо закинув голову с ветвистыми рогами, метнул из глаз боевые стрелы. А несколько дальше лисица, погнавшись за зайцем, сейчас же прервала свою погоню. И на всех волчьих тропах остановилась волчья братия, повернула головы и повела ушами, вслушиваясь в знакомый сигнал, долетевший до нее.

Первый ответ прорезал тишину. Она наступила сразу, как только затих Волк, жуткая и тревожная. Вой послышался на расстоянии какой-нибудь мили. Привязанное животное снова уселось на задние лапы, и снова раздался его призыв. Это был странный клич, который как будто говорил: здесь на снегу кровь, недалеко раненый зверь, спешите его прикончить!

Охотники не шевелились, молчали. Мукоки приставил ружье к плечу и, казалось, застыл в этой позе. Ваби крепко уперся ногой в ствол дерева, положил ружье на колени, готовый в любой момент к прицелу. Род вооружился большим револьвером и, чтобы лучше целиться, вложил дуло между вилками раздвоенной ветки.

Другой голос, шедший с востока, поспешил ответить на вой, который донесся с севера. Род и Ваби слышали, как радостно закудахтал Мукоки на своем дереве. Волк, перестав рассчитывать силы в тщетных попытках к освобождению, вкладывал всю свою ненависть и ярость в

свои призывы, бросая их во все концы горизонта. И все больше и больше доносилось ответов, и они раздавались все ближе и ближе.

Вдруг послышался визг так близко, что Ваби схватил Рода за руку.

– Теперь недолго ждать... – прошептал он.

Не успел Ваби произнести эти слова, как показалась какая-то тощая тварь; обнюхивая кровавый след, она устремилась к Волку.

Встрепенувшись, оба зверя мгновение молчали. Новый пришелец почувствовал запах лани и стал коситься на скалу. Он присоединил свой вой к вою Волка, точно призывая на помощь всю свору своих братьев.

И волки понеслись отовсюду: и с вершин холмов и из лесов долины. Целая свора обезумевших от голода волков, голов в двадцать, лязгала зубами, окружив скалу, где за пределами досягаемости находилась желанная добыча.

Волки, толкая друг друга, подпрыгивали, ловили воздух, падали на землю, тщетно стараясь добраться до заманчивой дичи, такой близкой и вместе с тем недоступной.

А между тем Волк постепенно менял свое поведение. Он вдруг как-то странно лег на брюхо, тяжело задышал, как будто готовясь одним прыжком настичь стаю своих братьев, и вдруг стал успокаиваться, примиряться с очевидной бесполезностью всех своих усилий. Человек снова приобретал над ним власть. Волк как будто припоминал, что пришлось ему перенести когда-то при таких же обстоятельствах. Им снова овладела ненависть к своему племени, и он спокойно стал ожидать начала драмы, которая неизбежно должна была развернуться перед его глазами.

Мукоки первый подал сигнал: он тихо свистнул, и Ваби поспешил приставить ружье к плечу.

Медленно, не оставляя ружья, старый индеец потянул ремень, конец которого был привязан к лани; таким образом он подтянул тушу на край скалы. Еще одно движение, и лань полетела в середину волчьей стаи.

Точно мухи, налетающие на кусок сахара, бросились голодные звери на добычу, давили друг друга, вступали между собой в бой, старались отхватить кусок получше. Тогда Мукоки пронзительным свистом подал знак стрелять в волчью стаю.

В течение нескольких секунд ветви кедров освещались молниями, которые сеяли смерть среди волков. Оглушительные выстрелы ружей и колыта заглушали их крики.

За каких-нибудь пять секунд было сделано свыше пятнадцати выстрелов, а затем над Снежной Пустыней вновь воцарилось глубокое молчание бескрайнего белого простора.

Уцелевшие волки разбежались, молчание смерти распростерлось у подножья скалы, изредка прерываемое слабым хрипом раненых, извивавшихся на снегу животных. В гуще кедров раздался металлический лязг заряжаемого снова оружия. Затем Ваби сказал:

– Мне кажется, Мукоки, мы здорово сегодня заработали.

Мукоки в ответ стал слезать с дерева. Мальчики последовали за ним.

Под скалой лежало пять безжизненных тел. Несколько дальше шестой волк делал еще какие-то движения. Мукоки убил его ударом топора. Седьмой забежал дальше, оставив после себя кровавый след. Ваби нагнал его, животное было при последнем издыхании.

– Семь штук! – воскликнул Ваби. – Лучшей охоты я еще не видел. Сто пять долларов за одну ночь. Как будто неплохо, Род?

Они вернулись, волоча волка за собой.

Перед ними стоял, вытянувшись во весь рост, Мукоки; его освещала луна, взгляд был прикован к северу, он застыл в этой позе, как статуя.

Заметив мальчиков, индеец показал рукой на горизонт и, не поворачивая головы, сказал:

– Смотрите!

В указанном направлении мальчики заметили черный дым и красноватое пламя; на бледном фоне лунного света оно стелилось мрачной тенью по Снежной Пустыне. Пламя поднималось и росло, дым становился все гуще, казалось, что грозный пожар залил потоками огня и лес и равнину.

– Это горит сосна! – сказал Ваби.

– Да, горит сосна! – подтвердил старый следопыт и при этом добавил: – Огненный сигнал племени Вунга!

Глава XII. Родерик исследует таинственную ложбину

Ваби и Мукоки молча смотрели на охваченную пламенем сосну. Роду казалось, что до нее не более одной мили. Молчание своих спутников молодой человек считал дурным признаком.

В глазах Мукоки сверкал какой-то странный огонек, подобный тому, который вспыхивает у дикого зверя, когда тот, разъяренный, готовится к прыжку. В лицо Ваби ударила кровь и залила его яркой краской. Род видел, как он трижды поглядел на Мукоки, и глаза его тоже не предвещали ничего хорошего.

Точно так же, как в голове хищного Волка вспыхнули заглушенные было охотничьи инстинкты и разгорелась жажда дикой воли, так и в душе старого индейца и более юного Ваби, лишь наполовину принадлежавшего к белой расе, медленно подымались исконные инстинкты индейского племени.

Сквозь медную кожу, покрывавшую их тела, Род читал в тайниках их душ. Он понимал, что ненависть к старому врагу, к племени Вунга, долго сдерживаемая, снова вспыхнула в них. Представлялся случай насытить жажду мести, и они этого случая не упустят.

В течение еще пяти минут высокая сосна метала снопы огненных искр. Потом пламя стало стихать, и ствол дерева превратился в груды угля. Мукоки все еще свирепо вглядывался в даль и молчал. Наконец Ваби прервал молчание.

– На каком расстоянии они от нас, Муки?

– На расстоянии трех миль, – ответил, не задумываясь, старый индеец.

– В сорок минут мы сможем покрыть это расстояние?

– Да.

Тогда Ваби обратился к Роду:

– Вы сможете сами найти путь в нашу хижину?

– Не решусь сказать «нет». Но если вы пойдете туда, я последую за вами.

Мукоки хрипло рассмеялся и принял разочарованный вид.

– Нет, – сказал он важно и покачал головой. – Не идти туда! Пять минут сосна потухнуть. Мы не найдем лагерь Вунга. Надо пойти отсюда, утром найти хороший след. Лучше подождать. Мы найдем днем их след и тогда стрелять.

Решение Мукоки не пускаться в дальнейшие авантюры сегодня ночью было чрезвычайно большим утешением для Рода. Не потому, что он боялся боя, наоборот, он охотно пострелял бы в этих бродяг, объявленных вне закона, похитивших его ружье. Но холодный рассудок людей его племени подсказывал ему также, что сейчас благоразумнее избегать встречи с вунгами, двинуться на север и спокойно продолжать расстановку капканов. Сейчас лучше было пожертвовать своим ружьем. А кроме того, это превращение охоты на зверя в охоту на человека расстраивало те планы, которые он не переставал вынашивать в себе. Он хотел найти золото!

«Золотые копи скелетов», как он их окрестил сам, всецело завладели его мыслями. Битва с вунгами означала, быть может, ход в другие районы. Ваби сам допускал это, ведь враг мог оказаться многочисленнее. А уйти отсюда Род не хотел ни за что.

Ваби и Мукоки приступили к скальпированию волков, а остаток убитой лани они отдали Волку, чтобы он насытился до отвала.

Было уже часа два ночи, когда охотники вернулись в свою хижину. Растопили печку и по обыкновению стали беседовать о событиях дня, а также о тех, которые, быть может, сулит им завтрашний день.

Род не мог не оглянуться мысленно назад, не вспомнить, с какой радостью он устраивался здесь всего несколько дней тому назад. Место было идеальное, он был твердо убежден, что никакая опасность со стороны вунгов ему не грозит. Теперь же, напротив, они знали, что в

любую минуту на них могут напасть, что им придется биться насмерть, что они должны будут покинуть этот мирный приют.

Их беседа превратилась в своего рода военный совет. Было постановлено с завтрашнего же дня приспособить старую хижину к длительной осаде, со всех сторон пробить бойницы, заменить засовы и ставни более крепкими, чтобы они могли служить солидными баррикадами в случае нападения. Кроме того, охотники решили, что один из них будет всегда находиться в хижине настороже, а двое других расставлять и снимать капканы.

На следующий день сторожить хижину остался Род. Яркий, залитый солнцем день несколько рассеял тревоги ночи. Мальчику посчастливилось убить великолепного оленя, когда тот взбирался на снежный холм, расположенный на противоположном берегу озера. Затем, поджидая возвращения товарищей, он стал обдумывать свои личные планы.

Громадные снежные глыбы зимней поры не затопили еще мрачной бездны, которую он собирался исследовать. Было бы благоразумно не дожидаться снежных бурь, которые скоро покроют своими белыми хлопьями ложбину и сделают ее неприступной. Он извлек из тайника, сделанного в деревянной кладке, мешочек из оленьей кожи и вынул оттуда золотые самородки.

Он заметил, что какое-то трение великолепно отполировало их, смягчило и округлило все острые углы. Когда Род был в колледже, он питал некоторую слабость к занятиям минералогией и геологией. Он знал хорошо, что только проточная вода могла так хорошо отполировать самородки, и отсюда он заключил, что их нашли либо в русле реки, либо на ее берегах. Этой рекой был вероятнее всего поток таинственной ложбины. В этом Род был твердо убежден.

Когда Мукоки и Ваби вернулись вечером домой, они принесли с собой добычу: первый поймал красную лисицу и норку, второй – кошку-рыболова, вид которой напоминал Роду щенка. К несчастью, новые подозрительные следы были замечены Мукоки. Старый индеец нашел остатки сгоревшей сосны и вокруг нее открыл свежие слепы трех пар лыж. Очевидно, огненный сигнал привлек сюда трех индейцев. Проложенные ими тропы, переплетаясь и извиваясь, терялись в неизвестном направлении, но в одном месте пересекали линию расставленных капканов.

Поэтому охотники пришли к заключению, что отныне при снятии капканов им не следует отдаляться друг от друга, а, наоборот, быть всегда вместе.

Следующая неделя оказалась более спокойной и очень богатой добычей. След вунгов исчез. Собранные меха и скальпы волков представляли уже маленькое состояние. Если ничего не случится, с первыми весенними днями оно будет доставлено в Вабинош-Хоуз.

Так продолжалось еще недели две, и Род с блаженством помышлял уже о своем домике, расположенном в нескольких сотнях миль отсюда, о матери, которая его ждала. Он мечтал также о Миннетаки и днем и ночью, высчитывая, сколько времени еще им осталось до возвращения в факторию.

Наступил между тем час, когда Род смог осуществить план, который он взлелеял в своей душе, – обследовать ложбину. Мукоки и Ваби не приняли участия в этой экспедиции, считая все это предприятие химерой. Родерик решил действовать на свой страх и риск.

Стоял конец декабря. Был день дежурства Ваби, и Мукоки, как будто совсем забывший о существовании вунгов, отправился снимать капканы. Род, захватив продовольствие, вооружился ружьем Ваби и двойным запасом патронов, засунул за пояс топор и ко всему этому грузу прибавил еще хорошее, теплое одеяло.

Снарядившись таким образом, он двинулся в путь, а Ваби, стоя на пороге, смеялся ему вслед.

– Желаю вам удачи, Род! – крикнул он насмешливо, посылая ему рукой прощальный привет.

– Если не вернусь сегодня вечером, – ответил Родерик, – не портите себе кровь из-за меня! Если дело примет удачный оборот, разобью там свой лагерь, чтобы с утра вновь приступить за поиски.

Когда Род добрался до места, он, не теряя времени, перешел на другую сторону холма, расположенного против ложбины. Он еще раньше пришел к заключению, что со стороны дороги, по которой он шел, спуск невозможен. Следуя этими холмами, хотя еще и необследованными, он тем не менее не подвергался опасности сбиться с дороги. Ложбина все время указывала ему путь.

К великому своему разочарованию, он вынужден был признать, что и южные стены этой бездны так же отвесны, как и северные: два часа подряд он тщетно искал какой-нибудь щели, куда бы мог пролезть и начать спуск.

Горный хребет стал покрываться лесом, почти на каждом шагу виднелись следы лесной дичи. Но Род не обращал на них внимания. Его интересовало другое обстоятельство: деревья все ниже спускались к пропасти и в конце концов покрывали ее. Юноша понял, что, привязав себя длинным ремнем от своих лыж к дереву, он сможет при помощи рук приступить к спуску.

На этот раз Род не обманулся в своих надеждах, и через пятнадцать томительных минут, в полном изнеможении, но торжествуя победу, он оказался на дне ложбины.

Над ним с одной стороны высился лес, с другой – черные скалистые стены. У его ног ревился тот самый маленький поток, которому он в мечтах своих приписывал первостепенную важность. В одних местах поток был скован льдом, в других быстрота его течения сломала ледяной покров.

Родерик, продвигаясь вперед, приближался к самой узкой части ложбины, к той, на которую он бросал сверху такие жадные взгляды. Там царил мрак, жуткий и безмолвный, как в могиле. Мальчику казалось, что души мертвецов стоят на пороге этого волшебного мира и стерегут его сокровища, но тем не менее глаза его весело блеснули.

И он продолжал идти все дальше и дальше. Коридор, которым он шел, становился все уже. Высокие стены сдвигались над его головой, и темнота становилась все гуще. Никаких звуков, только монотонный шум потока, обдававшего своей пеной скалистые стены. Ни шепота деревьев или кустарников, ни пения птиц, ни чмокания белок. Все спало здесь мертвым сном. Только временами Род слышал, как проносился там, в вышине, порыв ветра, но дуновение его не долетало сюда, в бездну. Снег заглушал шум даже его собственных шагов. Лыжи он прицепил на спину.

Вдруг он вздрогнул. Град мелких камней посыпался к его ногам с таким шумом, что среди этой тишины казался грохотом падающей лавины, и порыв ветра ударил ему в лицо. Он остановился, повел плечами. Но то была только большая сова, которую Род потревожил в ее дыре.

Родерик продолжал свой путь по течению потока. На каждом шагу он останавливался, поднимал целыми пригоршнями камни и гальки, беря их из русла потока или с его берега. Сильно бьющимся сердцем он рассматривал их, когда позволял ему луч света, пробивавшийся сверху. Иногда ему казалось, что камень играет и другим светом, и тогда трепет охватывал его... Но Род ничего не находил. И тем не менее ничто не могло омрачить его веры. Наоборот, его уверенность росла и крепла. Золото таилось где-то здесь, непременно здесь!

Что-то неуловимое, неведомое, таинственное, носившееся в воздухе, влекло его за собой. Его поступь стала легкой, воздушной, как будто он опасался шумом шагов разбудить своего заклятого врага, и вдруг он увидел его перед собой: это было живое существо; оно не слышало его шагов и потому казалось бесстрашным зверем. Но это была только лисица. Не успело животное заметить его присутствие, как он прицелился и выстрелил.

Эхо повторило выстрел много раз, и он, как гром, пронесся над бездной. Раскаты его грохотали в жутком мраке, отскакивали от одной стены, ударялись в другую и вновь повторя-

лись, все более и более затихая. Это было так страшно, что Род два раза вздрогнул и стоял, как прикованный к месту, пока не заглох вдали последний отзвук раскатов. Только тогда он подошел к лисице, замертво упавшей на снег.

И вдруг глухая бездна огласилась человеческим криком радости:

– Серебристая лисица!

В течение нескольких минут Род любовался своей добычей. Судя по тому, что рассказывали ему Ваби и Мукоки, шелковистый мех одного этого зверька стоил больше, чем все шкуры, собранные уже в их хижине.

Очарованный несомненным величием этого места, Род забыл бег часов. Он отмахивал милою за милей. Только раз остановился, чтобы утолить свою жажду. И, когда посмотрел на часы, с удивлением заметил, что было уже три часа дня.

Сейчас нельзя было и помышлять о возвращении домой. Через час спустится ночь и соединит свою темноту с мраком ложбины. На ближайшем удобном месте Род сделал привал, сбросил на землю мешок и расположился под защитой нависшего над ним утеса.

Глава XIII. Сон Родерика

А пока наш юный авантюрист подкреплял свои силы, расположившись под небом, усеянным звездами, узенькая полоска которого едва виднелась над тесной ложбиной, безмолвный холод все крепче и крепче окутывал его.

Шорох дикого ночного бродяги, скользившего по краю пропасти, дрожью отозвался на его нервах. Не потому, что Родерику было страшно. Он гнал от себя страх. Но в этих местах, где не ступала до него нога человека – разве только полвека тому назад, – не у него одного содрогнулось бы сердце.

Чтобы прогнать от себя все мрачные мысли, он стал смеяться нарочно громко. Но эхо точно зло издевалось над ним, отбрасывая смех обратно, и он дробью рассыпался, ударяясь о скалы. Это был не смех, а какой-то жуткий призрак смеха, и Род перестал смеяться и ближе подсел к огню.

Юноша не питал преувеличенной веры в сверхъестественные силы. Но разве здесь не казалось все чудесным? Несмотря на усталость, он не мог заснуть. Он тщетно старался отогнать от себя видение двух скелетов, тех самых, что нашел в старой лачуге. Он думал, что эти скелеты еще в то время, когда они были живыми людьми, за много лет до его рождения, вот так же, как и он, топтали дно этой ложбины, пили из этого же потока, взбирались на эти же скалы, быть может, на этом же самом месте устроили привал. Подобно ему, они прислушивались к жуткой тишине, грелись у колыхающегося пламени своего костра, тени которого играли на этих же самых стенах. И то, чего он еще не нашел, они нашли: золото здесь!

Тоска, душившая Рода, стала до такой степени мучительной, что если бы взмахом волшебной палочки можно было перенестись здоровым и невредимым обратно к своим спутникам, у него не хватило бы мужества сказать сейчас: «Нет, я остаюсь».

Он продолжал прислушиваться, и вдруг далеко позади себя услышал крик, жалобный, как призыв о помощи:

– Алло... алло... алло!

Точно перекликались человеческие голоса. Но Род знал, что так кричит, пробуждаясь от сна, «филин-человек», как его назвал Ваби. Эхо посылало ему этот призыв, повторяя и множа его, точно хор призрачных голосов шептал ему на ухо, прорезая ночную тьму: – Алло... алло... алло!

Мальчик в смущении взялся за ружье, положил его на колени. Лучшего подкрепления и не надо было. Он гладил ружье рукой, ему страшно хотелось побеседовать с его стальным дулом. Только те, кто углубляется в чащу тайги, могут понять, что значит там доброе ружье для человека. Это верный друг во всякое время дня и ночи, всегда послушный тому, кто им владеет, доставляющий ему пищу и посылающий смерть его врагам. Это верный сторожевой пес, который никогда не предаст. Это верный хранитель спящего. Таким было ружье и для Рода. Он ласкал его своей рукавицей, как друга, от дула до приклада, и хотя решил провести всю ночь без сна, но под конец все-таки заснул, прижимая его к своей груди.

Для сна он устроился очень плохо: он не то сидел, не то лежал, скорчившись, ноги были протянуты к огню, голова упиралась в грудь подбородком. Сон Рода был чрезвычайно тревожен, его страхи воплощались в сновидениях. Временами он говорил во сне, и тогда с его уст срывались непонятные речи. Он то вскакивал, точно просыпаясь, то вновь успокаивался, но все время судорожно сжимал ружье.

Его видения, казалось, принимали все более и более определенные формы. Он видел себя идущим обратно по проложенным следам и возвращающимся в старую лачугу. Он был один. Окно было широко раскрыто, но дверь была наглухо забита, как в тот день, когда оба его товарища и он сам впервые открыли ее.

Он приближался к ней осторожно. Когда подходил к окошку, слышал шум внутри лачуги... странный шум, как будто лязг костей.

Шаг за шагом он продвигался ближе и вот заглянул. Ужасное зрелище, которое представилось ему, приковало его к месту! Два громадных скелета бились в смертной схватке. Он слышал лязг ударявшихся друг о друга костей: «клик, клик, клик». Видел, как между костями их пальцев сверкали лезвия их ножей, и понял, что они бились за обладание предметом, который лежал на столе. Они уже почти настигали его, то один, то другой, попеременно, и все-таки ни один, ни другой не мог овладеть им.

Лязг костей становился все сильнее, бой ожесточеннее. Ножи поднимались и опускались, не зная отдыха. И вдруг наступил момент, когда один из скелетов откинулся назад и тяжело рухнул на пол.

Скелет-победитель зашатался на своих берцовых костях и, с трудом удерживая равновесие, качаясь из стороны в сторону, добрался до стола и схватил своими костями таинственный предмет.

Спотыкаясь, он сделал несколько шагов, прислонился к стене лачуги, победным жестом высоко подняв в воздух этот предмет, и тут Род увидел, что то был свиток из березовой коры.

В этот момент в костре потухла головешка с таким треском, что он казался выстрелом из небольшого револьвера. Род вскочил, точно вскинутый пружиной, широко раскрыв глаза и дрожа всем телом.

Какой страшный сон! Он подобрал под себя затекшие ноги, поправил огонь, не выпуская из рук ружья. Да, действительно, страшный сон! Он оглянулся вокруг себя: ночь и утесы – его тюрьма, но воспоминание о жутком сне не оставляло его. И он не переставал повторять:

– Какой страшный сон! Страшный... да, страшный.

Когда успокоился его взволнованный мозг, он опять остановился у костра и смотрел в пламя, которое снова весело разгоралось. Тепло и свет огня приободрили его. Он заметил, что весь был покрыт потом. Снял свою каскетку, провел рукою по волосам, погладил лоб – все было влажно.

Затем, уже более хладнокровно, стал восстанавливать в памяти отдельные моменты своих сновидений.

Они появлялись перед ним не один за другим, как это бывает обыкновенно. Нет, тут сразу, с внезапностью ружейного выстрела, встал перед его глазами свиток из березовой коры, который один из скелетов держал в своей костлявой руке. И почти в тот же миг появилось другое воспоминание. Когда его спутники и он зарывали оба скелета, один из них действительно держал в руке кусок березовой коры.

Так не хранит ли этот берестяной свиток тайну потерянного рудника? Не бились ли эти люди и не нашли ли они свою смерть, стараясь завладеть именно этим свитком, а не мешочком из оленьей кожи?

Родерик в одно мгновение забыл и свое одиночество и свой нервный страх. Он думал только о «ключе» к этой тайне, который так неожиданно вручил ему сон. Ваби и Мукоки видели, как и он, березовую кору в руках скелета. Но и они точно так же не обратили на нее внимания. Все думали, что это просто какая-нибудь стружка, которую во время схватки судорожно сжала рука одного из бойцов, когда они, вцепившись друг в друга, катались по земле.

Род вспомнил теперь, что в лачуге не было больше коры. Между тем, если бы эти люди запаслись березовыми дровами для топки своей печи, кора валялась бы по полу. Сон, по-видимому, не обманывал его.

Он продолжал поддерживать огонь, с нетерпением ожидая наступления дня. В четыре часа утра, еще темной ночью, он сварил себе завтрак и упаковал свой мешок, готовясь в обратный путь. Потом выждал, когда над ложбиной появилась узкая полоса света, бледным лучом пробилась вниз и едва-едва обозначила очертания окутанных темной тенью предметов.

Род больше не медлил, он пошел вчерашней тропой в обратную сторону. Он следовал по ней с той же осторожностью, как и раньше, всматриваясь в скалы и снег. Когда Род шел сюда, он встретил признаки зверя. Сейчас он мог бы открыть их столько же, если не больше.

День быстро нарастал, просачиваясь смутным полусветом в мрак ложбины. Род ускорял свой шаг. Он рассчитал, что достигнет стоянки к двенадцати часам, если не задержат его какие-либо новые открытия. Он и его товарищи могли бы сегодня же приступить к откапыванию скелетов. Если березовый свиток действительно хранит тайну утерянного золота, было бы целесообразно вернуться в ложбину прежде, чем сильный снегопад заполнит ее снегом и сделает неприступной.

В том месте, где Род убил серебристую лисицу, он приостановился на мгновение. Он старался припомнить, как выходят из своих нор лисицы, парами или в одиночку, и пожалел, что не осведомился на этот счет у Ваби и Мукоки. Он видел отчетливо на некотором расстоянии от себя лисью нору в скале, откуда показалась голова лисы, и любопытство толкнуло его сделать крюк и подойти к этому месту.

Каково же было его удивление, когда рядом с лисьим следом он обнаружил отпечаток пары лыж!

Кто-то был здесь после его прохода и лисьего бега. Следы лыж действительно замечали следы лисьих лапок. Кто же этот неизвестный? Ваби и Мукоки, пустившиеся в путь за ним? Но в таком случае как же они не встретились? Он тщательнее осмотрел след. Он отличался и длиной своей и шириной как от следа лыж Ваби и Мукоки, так и от его собственных. Этот след мог принадлежать только чужому человеку.

А этот чужой человек застал его здесь или нет? Мальчик не сводил глаз с дороги и держал ружье на изготовку. Он продолжал идти по этой новой тропе, сделав так ярдов сто. Здесь незнакомец остановился, как заключил Род по утоптанному снегу. Несомненно, чтобы прислушаться и его выследить.

Во всяком случае, отсюда путь незнакомца сворачивал в сторону тропы, проложенной белым юношей, соединялся с ним и окончательно с ним сливался.

Род не сомневался уже более, что один из этих злополучных вунгов прошел здесь. Быть может, индеец находится в засаде, за скалой, готовый подстрелить его. Но выход оставался только один – продолжать свой путь. И Род принял именно это решение.

Следы лыж снова раздваивались. Лыжи незнакомца взяли курс налево, в сторону узкой щели, зиявшей в скалистой стене. С ружьем на изготовку, Род последовал туда же. Велико же было его удивление, когда он понял, что щель эта продолжалась и в скале, превращалась там как бы в настоящую расщелину, шириной около четырех футов, и круто поднималась до самой вершины горного хребта, окаймлявшего ложбину. Незнакомец прошел здесь и взобрался по расщелине, сняв предварительно лыжи.

Это обстоятельство было некоторым утешением для Рода. Через эту почти невидимую расщелину неведомый враг удалился, не думая уже о нем.

Но все эти таинственные появления и исчезновения объявленных вне закона индейцев в такой близости от их стоянки внушали в конце концов тревогу. Вопреки оптимизму Ваби и Мукоки, Род не мог не признать, что внезапные и странные передвижения индейцев не поддавались объяснению. У Рода был проницательный ум, весьма интуитивный, умевший строить логические выводы на основании даже таких фактов, которые не приобрели еще полной очевидности.

Для него не было сомнений. Краснокожие знали об их присутствии в старой лачуге. И если они ни разу не показались, если они ни разу не испортили и не унесли их капканов, то тем больше оснований их опасаться.

Тем не менее Род, может быть ошибочно, решил оставить эти подозрения при себе. Он искренне думал, что Ваби и Мукоки, благодаря своему воспитанию, были лучше подготовлены к истолкованию подобных фактов и более компетентны в законах, обычаях и опасностях тайги.

Глава XIV. Тайна скелета

Незадолго до полудня Родерик появился в котловине, где на берегу маленького озера находилась старая хижина. Он был в веселом настроении, так как, за отсутствием золота, нес из ложбины в своем мешке весьма почтенное, хотя и небольшое состояние: шкуру серебристой лисицы. Груз не давил его плечи, и он заранее радовался, каким сюрпризом для Мукоки и Ваби будет его добыча.

Приближаясь к хижине, он нарочно принял вид человека усталого и вконец разочарованного. Это ему удалось, несмотря на тайное желание смеяться от радости. Ваби, поджидая его на пороге, встретил его с насмешливой улыбкой, а Мукоки приветствовал его знакомым нам кудахтаньем.

– Ага, вот и наш Род! – закричал Ваби, смерив его с ног до головы. – Не будете ли так любезны, дорогой друг, немедленно же показать нам ваше пресловутое сокровище?

Но несмотря на эти насмешки, на лице Ваби можно было прочесть, что возвращение товарища было большою для него радостью.

Род жестом отчаяния скинул на землю свой мешок и грузно упал на скамью, как будто совершенно изнемогая.

– Будьте любезны, Ваби, развяжите этот пакет. Я очень устал, умираю от голода.

Ваби, поверив ему, перестал смеяться и проникся к нему жалостью.

– Охотно верю вам, Род. Видно по лицу, как вы устали и, по-видимому, действительно проголодались до смерти. Эй, Муки, изжарь-ка ему бифштекс, только поживее.

Мукоки поспешил распахнуть котелки, сковородки и кастрюли. А когда Род уселся за стол, Ваби хлопнул его любовно по спине, стал мурлыкать какую-то песенку и тщательно нарезать хлеб.

– Ей-богу, рад вас видеть. Я начал уже беспокоиться. В ваше отсутствие мы с Мукоки собрали обильную жатву с наших капканов. Раздобыли лисицу-крестовку (вторую по счету) и трех норок. А вы подстрелили что-нибудь?

– Загляните в мой мешок.

Ваби повернулся к пакету.

– А разве там есть что-нибудь? – спросил он с любопытством и недоверием.

– Но посмотрите же сами, милые мои! – воскликнул Род, забыв от радости комедию, которую разыгрывал. – Я всегда говорил вам, что в ложбине хранятся сокровища. И вот я одно нашел. Загляните скорее в мешок, если вам интересно!

Ваби бросил нож и подошел к мешку. Толкнув его ногой, пощупал рукой и снова посмотрел на Рода.

– Вы не шутите? – спросил он.

– Нисколько. – И, повернувшись спиной к Ваби, Род стал снимать свою охотничью куртку совершенно спокойно, как будто приносить серебристых лисиц было для него самым обычным делом.

Он обернулся только тогда, когда Ваби пронзительно вскрикнул и поперхнулся; тут он увидел, что Ваби извлек уже лисицу из мешка и показывал ее Мукоки, который удивленными глазами смотрел на столь редкий трофей.

– Хороша? – спросил Род.

– Чудо! – пролепетал Ваби.

Мукоки в свою очередь взял лисицу и осматривал ее с видом знатока.

– Очень хороша, – сказал он. – На фактории ему стоит пять сто долларов! В Монреале на три сто больше.

Ваби сделал шаг в сторону Рода и, протягивая ему руку, сказал:

– Ну, ударьте-ка!

И в то время, как они крепко пожимали друг другу руки, Ваби обратился к Мукоки:

– Муки, вы можете засвидетельствовать, что сей юный джентльмен отныне перестал быть учеником, – провозгласил он. – Он убил серебристую лисицу. Таким образом, он в один день сделал дело целой зимы. Я низко снимаю перед вами шляпу, мистер Дрюи!

Краска, залившая лицо Родерика, служила лучшим доказательством его радости и гордости.

– Но это не все еще, Ваби, – прибавил он.

Его глаза ярко блестели, а Ваби не переставал пожимать ему руки.

– Не хотите ли вы сказать, что вы нашли... Род прервал его:

– Нет, золота я не нашел. Тем не менее я знаю, что оно там. Но я обладаю ключом к тайне. Вы, как и я, вероятно, помните, что один из скелетов, который стоял тут, прислонившись к стене, держал кусок березовой коры? Так вот, эта кора, я в этом убежден, – ключ к золотым россыпям.

Мукоки приблизился и стал жадно прислушиваться к словам Рода. Ваби и сомневался, и как будто подчинялся убедительности его речи.

– Возможно, – в конце концов сказал он. – Во всяком случае, можно посмотреть.

Он подошел к печке и снял с нее бифштекс, уже наполовину поджарившийся. Род надел свою куртку, надел каскетку, а Мукоки вооружился лопатой и заступом. Между охотниками состоялось как бы молчаливое соглашение отложить обед.

Ваби был молчалив и задумчив. Это доказывало Роду, что его соображения произвели свое действие. Что касается Мукоки, то его глаза сверкали, как в тот день, когда они нашли первые самородки. Скелеты были зарыты на ничтожной глубине, в мерзлую землю, на опушке кедрового леса, и Мукоки очень скоро извлек их на божий свет. Прежде всего показалась рука, судорожно сжимавшая берестовый свиток. Род встал на колени, чтобы вынуть его.

Прикоснувшись к холодным костям, он вздрогнул, но разжал костяные пальцы. При этом один из них как-то сухо хрустнул, а когда Род, выполнив свою мрачную задачу, поднялся, уже держа в руке свой свиток, на нем не было лица. Скелеты они сейчас же снова забросали землей, после чего вернулись в свою хижину.

Они уселись вокруг стола, все так же молча, сильно волнуясь, и стали разворачивать свиток. Последний от времени высох и сморщился. Он был тонок и крепок, как стальная пружина. Медленно, дюйм за дюймом, они разворачивали его, при этом время от времени раздавался слабый треск и казался робким протестом против участи, которой его подвергали. Свиток представлял из себя непрерывную ленту длиной около десяти дюймов и шириной дюймов в шесть. Вначале эта лента была чистой и белой. Сперва она разворачивалась легко, потом стала сопротивляться.

– Осторожно! – прошептал Ваби.

И кончиком ножа стал соскабливать слипшиеся части.

– Кажется, что нет ничего... – робко сказал Родерик. Развернули ленту еще на два или три дюйма, и вдруг показалась какая-то черная метка, значение которой было трудно понять. От нее шла черта и терялась в свернутой части свитка.

В этот момент березовая кора внезапно развернулась во всю свою длину, и на столе оказался пресловутый ключ к тайне в виде какого-то чертежа, по крайней мере, в глазах наших охотников.

Скорее это была диаграмма, довольно грубо сделанная, ряд прямых линий и завитков; то тут, то там виднелось слово, другое, частью уже стершееся, служа как бы некоторым пояснением к чертежу. Некоторых слов совершенно нельзя было разобрать.

Но что прежде всего привлекло внимание наших друзей, так это несколько слов, написанных вполне четко и ясно выделявшихся на плане.

Родерик вслух прочитал:

– «Джон Болл, Анри Ланглуа, Пьер Плант».

Вдоль слов «Джон Болл» была проведена широкая черная черта, которая почти совершенно зачеркивала их, а в конце всей строчки, образованной этими тремя подписями, стояло в скобках другое французское слово. Слово, которое Ваби тотчас же перевел:

– Умер. – И он добавил с чувством негодования: – Джон Болл умер. Французы убили его.

Родерик не ответил. Он склонился над берестовым свитком и водил по его линиям дрожащим пальцем. Первое слово, которым сопровождалась диаграмма, было совершенно неразборчиво. В следующем слове можно было разобрать только одну букву, по которой нельзя было догадаться, что оно означало.

Род, тем не менее, продолжал свои изыскания. Добравшись до точки, откуда поперечная линия, более широкая и извилистая, чем другие, пересекала основную черту, он смог отчетливо прочесть следующие слова: «второй водопад».

Затем, на расстоянии полудюйма, виднелись разбросанные в различных местах буквы: ... Т... В... Д... Д...

– Это означает, – пояснил Род, – третий водопад.

Тут прерывались линии чертежа. Можно было догадаться о существовании еще нескольких строк в этом же углу, между последним словом и тремя подписями, но не было никакой возможности расшифровать их, до такой степени побледнели чернила. А между тем именно эти строки, по всей вероятности, служили разгадкой тайны потерянного золота.

Род поднял глаза, и отчаяние отразилось на его лице. Он знал теперь, что в этих уничтоженных временем строках заключалась тайна, сторожившая громадное богатство. Но раскрыть ее он никак не мог. Все, что ему дано было знать, заключалось в том, что где-то в широких таежных пространствах скрываются три водопада. А между вторым и третьим из них, в неведомом никому месте, один англичанин и два француза нашли золото.

Где же? Где находятся эти водопады? Род не встретил ни одного в ложбине, и ни одного не было в окрестностях старой лачуги. Много раз все это пространство было обследовано тремя товарищами и во время их охотничьих набегов и во время установки капканов.

Вдруг Ваби, поглядывая на Рода и что-то соображая, взял берестяной свиток и стал пристально его рассматривать.

– Ах, черт побери, – воскликнул он, – надо же соскоблить эту кожицу! Смотри, Муки, нет ничего легче! – И он протянул свиток старому индейцу и тут же пояснил Роду: – Березовая кора состоит из нескольких слоев, причем каждый слой тоньше самой тонкой бумаги. Чернила должны были просочиться через несколько таких пленок. Если нам удастся снять верхнюю кожицу, из-под нее выйдет следующая, и надпись на ней, уверяю вас, будет такой же свежей, какой была пятьдесят лет тому назад.

Мукоки, подойдя к свету, пробивавшемуся из открытых дверей, сейчас же принялся за работу и, состроив свою добродушную гримасу, закричал мальчишкам:

– Хорошо сдираться!

Действительно, бесконечно тонкая пленка сходила легко. В течение получаса он усердно трудился над этим деликатным делом, а Род и Ваби с восхищением наблюдали за ним. Когда он разогнул свою спину, задача была уже решена.

Род и Ваби, получив березовую ленту в свои руки, издали громкий крик радости. Искривленные временем слова можно было прочитать теперь превосходно. Там, где раньше виднелись только три буквы, появились разгаданные Родом слова: «третий водопад». Рядом стояло слово «хижина». Его окружал ряд исписанных строк. Род вслух прочитал их:

– «Мы, Джон Болл, Анри Ланглуа и Пьер Плант, найдя золото у третьего водопада, настоящим постановляем общими силами добывать означенное золото. Мы приглашаем друг друга

забыть наши прошлые ссоры и работать совместно в общей компании, добросовестно и честно относясь друг к другу. Да поможет нам Бог!

Джон Балл, Анри Ланглуа, Пьер Плат».

В верхнем углу чертежа стояли и другие слова, менее разборчивые, но Роду удалось расшифровать и их также. И вот тут-то его волнение достигло апогея. Язык прилип к гортани, и на этот раз Ваби, прерывистое дыхание которого жгло ему щеки, прочел следующие слова:

– «Здесь хижина и на краю ложбина».

Мукоки, выслушав столько чудес, почти оглушенный ими, стал подумывать об обеде и потому снова поставил на огонь лосиный бифштекс. Через несколько минут, придя в себя, Ваби сказал:

– Итак, Род, вы нашли ваши золотые копи! Ясно, что речь идет о маленьком потоке, который бежит в ложбине. Вот вы и богатый человек!

– Пожалуйста, не мои, а наши золотые копи, – быстро поправил юноша Ваби. – Нас трое. Да, нас тоже трое, и наш союз явится, понятно, правопреемником Джона Болла, Анри Ланглуа и Пьера Планта. Они умерли. Золото принадлежит нам.

Ваби снова приступил к изучению берестяной карты.

– Мне кажется, – сказал он, – совершенно невозможным, чтобы мы не нашли этого места. Указания, полученные нами, ясны как день. Нам надо дойти до ложбины, на известном расстоянии от нее мы встретим первый водопад. Мы идем дальше, и здесь поток, становясь быстрее, делает второй скачок. Вот хижина, и недалеко от нее – золото!

Он подошел к дверям, в руках у него была кора. Род присоединился к нему.

– Я старался определить местонахождение золота, но никаких указаний на этот счет не нахожу, – сказал Ваби. – Как думаете, Род, сколько миль вы сделали в ложбине?

– По меньшей мере с десятков!

– И вы не встретили ни одного водопада?

– Ни одного!

При помощи сучка Ваби старался определить расстояние между отдельными пунктами, отмеченными на чертеже.

– Не сомневаюсь, – сказал он, – что эта карта была составлена Джоном Боллом. Вы, вероятно, заметили, что все надписи сделаны одной рукой, кроме подписей Ланглуа и Планта. Последние представляют страшную мазню. Болл, напротив, пишет грамотно; по-видимому, он был человеком хорошо образованным. Вы согласны с этим? А следовательно, было бы очень странно, если бы на своем чертеже он не придерживался какого-нибудь определенного масштаба. Расстояние между первым и вторым водопадом вдвое меньше расстояния, отделяющего последний от третьего. Это, очевидно, не случайно.

Род согласился.

– Отсюда надо заключить, – сказал он, – что стоит только найти первый водопад, как мы сможем определить приблизительную длину пути к остальным.

– Совершенно верно, – подхватил Ваби.

– Я исследовал ложбину на расстоянии десяти миль. Допустим, что мы найдем водопад на пятнадцатой миле. Следовательно, судя по чертежу, второй водопад будет на расстоянии двадцати миль от него, а третий на сорок миль дальше. В общем итоге это составит путь приблизительно в семьдесят пять миль.

Ваби вынужден был признать, что вывод сделан правильно. Он смущенно почесал голову.

– Будем исходить из ваших данных, – сказал он. – Третий водопад, хижина и золотая жила находятся отсюда на расстоянии от семидесяти пяти до ста миль. Но тогда, черт возьми, почему же эти три человека очутились в этой лачуге, где мы находимся сейчас, и притом с небольшой пригоршней золотых самородков? Не сыграло ли золото злой шутки с ними? Быть может, они и нашли-то всего-навсего содержимое этого мешочка из оленьей кожи?

– Это соображение имеет основание, – произнес Род.

В этот момент и Мукоки, ставивший бифштекс на печку, подал свой голос:

– Может быть, они ходят на факторию за продовольствием. Ваби подскочил.

– Муки, ты разрешил загадку! Все теперь распутывается. С минуту он молчал, а потом стал объяснять свою мысль:

– Конечно, я могу ошибаться, но вот как можно было бы восстановить всю картину этого происшествия. Во-первых, Болл и оба француза могли случайно или каким-либо иным образом открыть золотую жилу. Они стали рыть землю и рыли ее, пока не истощилось продовольствие. Во-вторых, они, вероятно, собрали некоторое состояние, маленькое или большое, мы этого в точности не можем знать. Когда продовольствия не стало, было решено, что оба француза пойдут за подкреплением на факторию. Вабинош-Хоуз был в то время ближайшим пунктом, куда они могли бы адресоваться. Прежде чем пуститься в путь, они убивают Джона Болла, чтобы затем овладеть его долей золота. В-третьих, они отправляются в путь, захватив с собой ровно столько золота, сколько надо было, чтобы расплатиться за товары. Быть может, было действительно неблагоприятно разжигать зависть других авантюристов, с которыми они могли столкнуться в фактории. Несколько же самородков могли не обратить на себя внимания. Добравшись до этой хижины, они сделали привал. Тут Планту или Ланглуа, во всяком случае одному из них, приходит на ум отделаться от своего компаньона, как они отделались уже от Болла, завладеть чертежом, мешочком с самородками и, наконец, всем запрятанным богатством. Они вступили в драку и убили друг друга. Вот и все!

– Браво! – воскликнул Род. – У вас удивительная сообразительность, Ваби.

– И богатства, собранные ими, мы найдем зарытыми где-нибудь вблизи третьего водопада.

Но Мукоки помешал мальчикам достроить их воздушные замки:

– Обед подан! – закричал он.

Глава XV. В снегу

До сих пор Род не сказал ни слова о таинственных следах, которые он заметил в ложбине. Свиток из березовой коры всецело захватил приятелей.

Когда же волнение улеглось, и все приступили к еде, молодой человек рассказал о странном появлении и исчезновении вунга, по всей вероятности какого-нибудь лазутчика. Но Род не выдал своей тревоги. Ему хотелось, чтобы и Ваби, и Мукоки наслаждались блаженством покоя. Они не могли понять поведения вунгов. Факт тот, что вунги по каким-то загадочным причинам точно так же, как и они, старались избежать встречи, не попадаться им на пути. Они избегали и прямого нападения и засады, которую так легко было устроить в этих местах. Явная пассивность неприятеля, бродившего, тем не менее, вокруг и около них, была в высшей степени странной. Но покой, который царил сейчас, успокаивал Ваби и Мукоки. Быть может, они думали, что для тревог будет еще время, когда опасность станет более реальной.

Рассказ Рода не произвел какого-нибудь особенного впечатления, и все стали разрабатывать план открытия трех водопадов.

Было решено первые изыскания поручить Мукоки, человеку более выносливому, чем оба мальчика, и лучшему, чем они, ходоку. На следующий день, снабженный провиантом он должен был с утра двинуться в путь, а Род и Ваби заняться в его отсутствие капканами.

– Мы должны найти, по крайней мере, первый водопад, прежде чем вернемся в факторию, – заявил Ваби. – Таким образом, у нас останется хоть некоторая, быть может, мнимая уверенность, что наши выводы правильны. Но если наша конечная цель отстоит действительно на сто миль отсюда, то нам придется отказаться от поисков золота в этом сезоне. Мы вернемся в Вабинош-Хоуз и там спокойно подготовим новую экспедицию, возобновим запасы продовольствия и подберем подходящие орудия. Сделать это можно будет не раньше будущей весны, после таяния снегов и наводнений, которые за ним следуют.

– Это и я думал, – сказал Род, – но тогда я не буду уже с вами. Вы ведь знаете, Ваби, что у меня есть мать и что она одна-одинешенька.

И на глаза его навернулись слезинки.

– Да, я знаю, – сказал Ваби, положив руку на плечо товарища.

– Вероятно, ее ресурсы сейчас истощились. Быть может, она была больна или больна сейчас. Все надо предвидеть...

– Конечно, вы должны вернуться к ней, получив деньги за пушнину! – горячо закончил Ваби мысль Рода. – Пожалуй, я смогу даже сопровождать вас. Как думаете, будет ей приятно снова повидаться со мной?

– Ну конечно! – воскликнул Род. – Она любит вас так же, как и меня, Ваби! Она будет хлопать в ладоши, когда увидит вас... Вы говорите серьезно? Да?

– Определенно я ничего не могу обещать. Могу сказать вам только одно: если только смогу, то поеду с вами.

– А ты, Мукоки? Хочешь поехать с нами?

Старый индеец состроил свою гримасу, закудаhtал, заворчал, но не проронил ни слова. Ваби ответил за него:

– Ему хочется, – сказал он, – остаться при Миннетаки. Он ее настоящий раб. Знаете вы это, Род? Нет, нет, Мукоки не поедет, держу пари. Он останется в фактории и будет охранять мою сестру, чтобы она не пропала, не поранила себя или не была снова похищена вунгами. Так, Мукоки?

Мукоки качнул головой сверху вниз, и на лице его показалась блаженная улыбка. Потом он пошел к выходу, открыл дверь и выглянул наружу.

– Снег! – закричал он. – Снег! Двадцать пять тысяч дьяволов! Старый индеец произнес самое страшное свое проклятие, которым пользовался только в случаях чрезвычайной важности.

Род и Ваби хором вторили ему. Ни разу еще юный горожанин не видал такого снега в северной тайге. Наступал час великого снегопада, обычного в полярных странах. В этом году он сильно запоздал.

Снежные хлопья падали мягко и лениво, ни малейшее дуновение ветра не колыхало их. Спускалась белая и безмолвная стена, глухая, непроницаемая для глаза и такая густая, что казалось, воздух сжимается под ее тяжестью так, что становилось невыносимо трудно дышать.

Род подставил ладонь руки, и в один миг на ней вырос целый холмик снега. Он переступил порог и сейчас же превратился в снежный пригорок, едва распознаваемый товарищами. Когда через минуту он вошел в хижину, его покрывал густой слой снега.

Снег валил непрерывно весь день и всю ночь.

Утром Род услышал порывы ветра. Ветер завывал, свистел и ревел в ветвях соседних деревьев и ударялся в стены старой хижины. Род встал, раздул огонь в печке, Ваби и Мукоки все еще спали.

Он попытался отворить дверь. Дверь оказалась заваленной снаружи. Он открыл окно, и целая глыба снега свалилась на него. Нигде не было видно просвета.

Обернувшись, Род заметил Ваби. Он завернулся в свои одеяла и посмеивался над Родом, который оцепенел от удивления и страха.

– Итак, милый друг, что же стряслось на этом злополучном свете? – спросил Ваби с печальным вздохом. – Не собирается ли снег похоронить нас с вами?

– Надеюсь, что нет, – ответил Род, бросив тревожный взгляд на печь, где потрескивал огонь. – Похоронить нас, Ваби...

– Во всяком случае, мы еще не в могиле. Если судить по этому славному огоньку, труба еще торчит на крыше.

Проснулся и Мукоки, расправил свои члены. В это время сильный порыв ветра с ревом ударил в хижину.

– Ветер дуть очень сильный, – сказал Муки. – Сейчас дуть еще сильнее.

Род отбросил лопатой снег, упавший в их лачугу, и захлопнул окно. Его товарищи стали одеваться.

– Вот вам и работа на целую неделю, – заявил Ваби, – придется вытаскивать капканы, занесенные снегом. И только великий дух, которого так обожает Муки, знает, когда прекратится эта метель. Недаром он насылает столько благ на его землю, включая и эту прелесть. Пожалуй, теперь не время разыскивать наши водопады.

– Остается только сыграть в домино, – подсказал несколько успокоенный Род. – Я хорошо помню партию, которую мы начали с вами в Вабинош-Хоузе, давайте ее кончать. Но скажите, Ваби, вы действительно уверены, что снег, выпавший за вчерашний день и сегодняшнюю ночь, не похоронил под собой нашей хижины?

– Наверное, похоронил бы, если бы наша лачуга и озеро не находились в котловине, доступной ветрам с двух сторон. Ветры здесь дуют постоянно, поэтому снег тут не скапливается. Но если снег будет падать, то сегодня же ночью над нами вырастет небольшая снежная гора.

– И мы не задохнемся? – пролепетал Род.

Искренний страх, который слышался в словах Рода, заставил Ваби звонко рассмеяться. Мукоки, занятый приготовлением оленины, не мог удержаться, чтобы не ответить ему взрывом своего веселого клетота.

– Снег очень хорошая вещь, чтобы жить под ним! – поучительно заявил старый индеец.

А Ваби дал по этому поводу несколько более вразумительные пояснения.

– Если бы вы оказались действительно под горой снега, вы, конечно, могли бы жить и под ней. Само собою разумеется, в том случае, если бы она не раздавила вас своей тяжестью. Снег прослоен воздухом, которым можно дышать. Однажды Мукоки настигла снежная лавина толщиной футов в тридцать и похоронила его под собой. Десять часов он находился в этой снежной могиле, величиной не больше бочки. А когда мы отрыли его, то увидели, что Мукоки преспокойно и весьма удобно расположился на своем снежном ложе, как на мягкой постели. У снега есть еще одно преимущество: он сохраняет тепло. Теперь мы сможем меньше сжигать дров.

Позавтракав, мальчики раскрыли ставни, и Ваби стал разгребать лопатой снег, заваливший окна. После третьего или четвертого взмаха лопаты внезапно отвалилась большая глыба снега. Сквозь это искусственное отверстие в хижину ворвался луч дневного света. Выглянув наружу, он увидел, что снежная метель не прекратилась.

– Снег доходит до крыши... – сказал Род, все еще не уверенный в благополучном исходе. – Ну и метель!

– Давайте подумайтесь, Род! Идем.

И Ваби полез в окно, в отверстие, образовавшееся в снегу, стараясь выбраться наружу. Вдруг свалилась еще одна глыба и всей своей тяжестью обрушилась на Рода.

У Рода подкосились ноги. Он отбивался от снега, силился выкарабкаться, проваливался снова, невольно вскрикивал. Ваби уже выбрался на простор, он нагнулся над ямой, в которой барахтался Род, и стал безудержно хохотать.

У приятеля его был весьма потешный вид, он моргал глазами, снег залепил ему уши и рот и запорошил всю одежду.

– Ну, ну, держитесь, – кричал ему Ваби, смеясь до слез.

Род выбивался из сил, перекатывался со стороны на сторону, бился о снег, как рыба. Ваби схватил его за руку и вытащил из ямы. Мукоки последовал за ними.

Но вот метель затихла, и наши путники двинулись вперед, проваливаясь в рыхлом снеге. Они обернулись назад и там, где стояла хижина, увидели только снежный холм, над которым торчал кончик трубы и вился легкий дымок.

Род был поражен зрелищем, которое представляла сейчас вся местность вокруг. Снег сравнял все. Под ним исчезли все складки и морщины земли. Ни одна скала не возвышалась над снежной равниной. Только деревья, покрытые со всех сторон снежной броней, взгорбливали там и сям белую бесконечность пустыни.

Эта картина подавила его. Только теперь он увидел настоящую Великую Белую Пустыню. Что с ними станет теперь? Где найти теперь зверя, которого можно было бы убить и съесть?

Когда вся компания вернулась в свою лачугу, Ваби принялся успокаивать своего приятеля.

– Всюду, – сказал он, – где прошла снежная буря, в этот час вы не встретите ни одного живого существа, снег похоронил под собою и лося, и оленя, и лань, и лисицу, и волка. Чем гуще снежный покров, тем им теплее и уютнее, а как только произойдет перелом, тайга проснется, и в ней снова заиграет жизнь. Лось, лань и олень подымутся со своего снежного ложа и начнут глотать сосновые ветки. Над рыхлым снегом образуется твердая кора, и по ней побегут и крупные и мелкие звери и начнут поедать друг друга. Если замерзли и последние горные ручьи, животные станут лизать лед и глотать снег вместо воды. В снегу они выроют лапами теплые норы и берлоги, и снег заменит им и летний мох долин, и мягкие ветки кустарника, и сухую листву. Наконец, крупные четвероногие: лось, лань и олень, утапывая и взметая своими копытами снег, будут соединяться в стада и общими силами биться с волками, поджидая весну. Поверьте мне, Род, все эти животные заживут не так плохо, как вам кажется.

До полудня охотники были заняты расчисткой траншеи у входа в хижину. Но после полудня метель возобновилась, прервав их работу, которая оказалась совершенно напрасной. В течение трех дней шел снег, и только на короткое время наступало затишье.

На рассвете четвертого дня все стихло, прояснилось небо и появилось солнце.

Солнечный свет был настолько ослепителен, что Род, человек новый в тайге, мог опасаться воспаления глаз. Снежные кристаллики сверкали, как бесчисленное множество электрических лампочек, и больно жгли веки.

Род под руководством Ваби приспособился к условиям занесенной снегом тайги, а Мукоки уже на второй день покинул хижину и пустился на поиски второго водопада. Род рассказал ему об узкой расщелине, через которую можно было легко спуститься в ложбину.

В отсутствие Мукоки мальчики занялись разыскиванием и откапыванием капканов. Это была тяжелая работа. На каждые четыре капкана пропал в среднем один.

Ваби и Род потратили на эту работу дня два, а когда на третий день в сумерки вернулись домой, они были уверены, что на пороге застанут Мукоки. Но старый индеец еще не вернулся. Прошел еще день и еще один, четвертый со дня его ухода. За это время Мукоки мог бы сделать около ста миль. Не случилось ли чего-нибудь с ним? Род несколько раз подумывал о вунгах. Быть может, они устроили засаду в ложбине? Но свои соображения Род, по обыкновению, оставлял при себе.

Хотя добыча, вынутая из капканов в течение этих четырех дней, была весьма богата (отсутствие пищи делало животных менее осторожными), мальчики не выходили целый день из хижины.

Сердце сжималось от тревоги, когда они вспоминали Муки.

Но их страхи были напрасны. Уже наступил вечер, когда они заметили на вершине холма по ту сторону озера чью-то фигуру. Это был Мукоки. Они бросились навстречу.

Старый индеец добродушно посмеивался. Глаза мальчиков жадно впились в него.

– Найти водопад. Пятьдесят миль отсюда.

– Пятьдесят миль! – повторил Ваби. – Здорово же поблуждал ты, мой бедный Муки.

– Да, много ошибаться с расстоянием. Пятьдесят миль до первого водопада. Там есть гораздо меньше снега. Маленький водопад, не выше нашей хижины.

Род стал рассматривать чертеж берестяного свитка.

– В таком случае, – сказал он, – если исходить из данных этого плана, мы находимся по меньшей мере на расстоянии двухсот пятидесяти миль от третьего водопада.

Мукоки закудахтал.

– Гудзонов залив! Ваби вскочил.

– Значит, ложбина не идет дальше на восток?

– Нет, – ответил Мукоки, – она делать поворот и выходит на север.

– Слушайте, мои миленькие, – заявил Ваби. – Если ложбина и поток направляются на север, они роковым образом сталкиваются с рекой Олбани. Но эта река впадает в залив Джеймс, который, в свою очередь, является только рукавом Гудзонова залива. Отсюда надо сделать вывод, что золотые россыпи притаились в самой гуще тайги, в самом негостеприимном и суровом краю Северной Канады. Таким образом, все наши прежние предположения отпадают сами собой. Чтобы добраться до этих мест, надо совсем иначе снарядиться: такая экспедиция потребует очень много времени и большой смелости.

– Ура! – закричал Род. – Этим нас не испугаешь. Будущей весной идем туда. Не правда ли, Ваби? По рукам! Решено.

Глава XVI. Катастрофа

Две последующие недели охотники были всецело заняты выслеживанием зверя. Погода установилась идеальная.

Уже более двух месяцев прошло с тех пор, как они уехали из Вабинош-Хоуза, и Род стал подсчитывать дни, оставшиеся до возвращения домой. Ваби подвел итог их добыче; они располагали состоянием в тысячу шестьсот долларов: тут были и меха, и волчьи скальпы, и двести долларов чистым золотом. Наш юный горожанин не сомневался, что привезет матери не менее шестисот долларов. Его доля равнялась заработку за целый год.

Он не скрывал от Ваби и своего страстного желания снова повидаться с Миннетаки. Ваби был рад, что чувство Рода к его сестре росло и росло, и часто мило подшучивал над своим другом.

Род питал тайную надежду, что Миннетаки-мать разрешит дочери сопровождать Ваби в Детруа, а там его мать вскоре полюбит, это он знал хорошо, прекрасную девочку далекого Севера.

Истекала и третья неделя. Было решено, что она будет и последней и что дней через восемь они двинутся в сторону Вабинош-Хоуза, куда придут к первому февраля. Род не мог сдержать своей радости.

В один из этих уже последних дней Род и Мукоки отправились на охоту, а Ваби остался сторожить хижину. Род тотчас же поднялся на вершину соседних гор, а Мукоки держался склона противоположных скал. Достигнув гребня гор, Род остановился и окинул взглядом пейзаж, расстилавшийся под его ногами.

Вдали Род отчетливо видел Мукоки, он шел по снежному склону и казался маленькой черной точкой. К северу стелилась тайга и терялась где-то в бесконечности. На востоке, на расстоянии каких-нибудь двух миль, что-то копошилось в снегу: вероятно, лось или олень. На западе находилась или, вернее, должна была находиться старая хижина.

Крик ужаса невольно вырвался из груди юноши, за первым последовал второй.

Там, где стояла их лачуга, подымался столб густого дыма, заволакивая небо. Слышались ружейные залпы.

Род знал, что его крик не долетит до индейца, и все-таки он звал его, звал изо всех сил: – Мукоки, Муки!

Вдруг Род вспомнил, что еще в начале экспедиции они условились насчет сигналов о помощи, он дал два выстрела, через минуту еще три, быстро один за другим. Мальчик заметил, что индеец, с которого он не спускал глаз, остановился, обернулся, стал прислушиваться. Тогда он повторил свой сигнал. Мукоки понял. Он круто повернул свои лыжи и помчался в сторону выстрелов, с невероятной скоростью взбираясь по снежному склону.

Род время от времени давал выстрелы. Через четверть часа Мукоки, едва переводя дыхание, стоял рядом с ним на гребне холма.

– Вунги, – крикнул Род, – они напали на нашу стоянку. Смотрите, я слышал ружейные выстрелы, перестрелку.

Мукоки всмотрелся в облако дыма, стелившееся над долиной. Мигом оглядел старый следопыт горевшую хижину и, не говоря ни слова, с головокружительной быстротой бросился вниз со снежного холма.

Род скользил по его следам, с трудом поспевая за ним, но и в нем горела безумная жажда отмщения. Все лицо его было в ссадинах, покрыто кровоподтеками. Сосновые ветки хлестали его. Мукоки несся прямо на них, срезая себе путь.

Только на несколько минут индеец опередил Рода, когда они достигли холма, высившегося над озером и стоянкой.

На их глазах обрушилась охваченная пламенем хижина, и сейчас перед ними торчала какая-то дымящаяся груда обломков. Ваби не было!

Но вблизи этих обломков лежала в снегу какая-то человеческая фигура. Мальчик схватил Мукоки за руку, рот его стал подергиваться от судороги, он не мог произнести ни слова, только молча указывал на нее индейцу.

Старый индеец и сам видел это тело. Мучительно-печальным взглядом он посмотрел на белого юношу.

«Неужели это Ваби? О, если это Ваби...» – казалось, говорил его взгляд.

Перед Родом стоял сейчас не человек, а разъяренный зверь, обезумевший от злобы.

Одним прыжком оба очутились у озера и того места, где некогда стояла их хижина. Мукоки наклонился над человеком, который зарылся в снег. Он повернул его лицом кверху и поднялся.

Это был не Ваби!

Перед ним был страшный труп могучего индейца, голову которого изрешетили пули.

Род вздрогнул, но облегченно вздохнул. Тем не менее силы оставляли его. Быстрота бега и пережитые волнения истощили его, и он опустился на снег рядом с трупом.

Между тем Мукоки нервно разбрасывал горячий пепел, оставшийся от их лачуги, и ногами и прикладом ружья.

Род сообразил, что Мукоки старается разыскать хотя бы обуглившиеся останки Ваби, погибшего в пламени или под обломками рухнувшей хижины. Всякий раз, когда индеец наклонился над каким-нибудь обгоревшим предметом, Род дрожал от страха.

Мукоки без устали перебирал тлевшие головни и раскаленный докрасна уголь, и запах спаленных мокасинов долетал до Рода.

Вдруг он кинул в сторону мальчика несколько камешков – это были самородки золота! Какое дело ему до всех этих сверкающих сокровищ! Теперь у него только одно желание и одна мысль: найти Ваби, дорогого ему Ваби, на которого индейцы, как жалкие трусы, напали из засады. Но скоро, скоро он обрушит на них свою месть. Ваби и Миннетаки, ведь в них же вся его жизнь!

Почти задыхаясь от дыма, с лицом, почерневшим от копоти, он вернулся к Роду.

– Ему нет там! – это были первые его слова за все время. Мукоки снова наклонился над трупом и, злорадствуя, с каким-то торжеством воскликнул:

– Этот здорово умер!

Потом стал изучать следы, которые тянулись по снегу. Он сразу же понял, что вунги, выйдя из кедрового леса, прошли позади хижины и сзади ворвались в нее. Другой ряд следов указывал направление, в котором они удалились. Пять человек участвовали в нападении. В счете Мукоки не ошибся.

Но что случилось с Ваби? На это ответа не было. Если вунги взяли его в плен и увели с собой, то на снегу оставался бы след пяти пар ног. Это понимал хорошо и Род.

Раздумывая над тем, куда мог деваться Ваби, Мукоки стал снова перерывать потухший костер. Но и на этот раз поиски оказались безуспешными. Ваби не погиб во время пожара, но и вунги, предварительно убив, не бросили его в огонь. Единственный вывод, который можно было сделать, заключался в том, что юноша боролся, в борьбе убил одного из нападавших и, несомненно раненный, был схвачен и унесен индейцами.

Надо было во что бы то ни стало догнать похитителей. Быть может, они не успели уйти дальше нескольких миль. Тогда через час можно было бы настичь их.

Мукоки вернулся к Роду, тот машинально поднял со снега золотые самородки и машинально опустил их в карман. Вид у Рода был чрезвычайно подавленный.

– Я следовать за ними и убивать, – сказал Мукоки, – следовать быстро и убивать много! Вы оставаться.

Родерик сразу вскочил на ноги.

– Ты хочешь сказать, Муки, что мы должны настичь их и убить? Можешь быть уверен, что я не отстану от тебя. Показывай дорогу – я последую за тобой.

Они зарядили свои ружья и отправились в путь.

Тропа, проложенная вунгами, шла через лесистую ложбину и тянулась в северном направлении.

Через каких-нибудь сто ярдов Мукоки остановился и показал Роду след человека более глубокий, чем остальные.

– Этот, – сказал он, – носить Ваби. Они идти не очень быстро. Терять много времени.

Глаза его загорелись дикой радостью.

Род сам мог убедиться в том, что шаги вунгов были короче их собственных, а это указывало на то, что они шли медленнее. Неужели они думали, что их не станут преследовать? Это было маловероятно. Быть может, они бравировали, пользуясь своим численным перевесом? Или засели в засаду? На всякий случай Род и Мукоки держали ружья на прицеле, готовые в любой момент дать залп.

Мукоки издал какой-то гортанный звук. Род остановился. На тропе показался след пятого человека. Он понял, что тут Ваби поставили на ноги, и он пошел рядом со своими похитителями. На ногах его были лыжи, и шаг его был такой же ровный, как у других. Следовательно, Ваби не был ранен серьезно.

Род и Мукоки пересекли рощицу кедров, сучья которых, переплетаясь, образовали непроницаемую сеть. Идеальное место для засады.

Но старый индеец, ни минуты не колеблясь, бросился вперед. Оленья тропа, которой воспользовались вунги, выделялась четко, и лыжи легко скользили по ней.

Род, менее закаленный, чем его спутник, ждал, что вот-вот раздастся выстрел и Мукоки упадет замертво, лицом в снег. Сам он уже чувствовал жгучие укусы пуль, несущих смерть. «Почему Мукоки, – рассуждал он, – не замедляет бега в таком опасном месте? Вероятно, ослепленный страхом за участь Ваби, он забыл об опасности, грозящей ему?»

Но старый индеец был непоколебим в своей холодной решимости: он еще более ускорил свой бег. Жестом руки он показал Роду, что следы становятся все свежее и свежее. Их не успел еще запорошить снег.

– Они близко, очень близко! – прошептал он.

Тропка подымалась на небольшой холм. Взираясь наверх, они почти пригнулись к своим лыжам, как будто ползли, держа ружья на изготовку.

Взобравшись на вершину, они увидели – несмотря на строгий приказ Мукоки хранить молчание, Род невольно крикнул, охваченный ужасом, – они увидели, как по склону холма один за другим шли бандиты вунги и посреди них Ваби с руками, закрученными назад. Шествие замыкал главарь шайки.

Но это было еще не все. На расстоянии какой-нибудь мили вился дымок индейской стоянки, вокруг костра можно было различить десятка два индейцев, ходивших взад и вперед. Здесь, несомненно, были главные силы индейцев, поджидавших бандитов.

Положение создавалось ужасное. Как тут вдвоем напасть на неприятеля, имеющего такой численный перевес? А с другой стороны, разве можно оставить Ваби в плену? Разве можно даже подумать об этом? Ведь судьбу, ожидавшую его, было легко предвидеть.

Род не знал, как быть. Но Мукоки составил уже определенный план.

Описав круг, старый индеец решил при помощи Рода с головокружительной быстротой напасть с фланга на индейцев, уводивших Ваби. Через десять минут оба приятеля, под прикрытием густых сосен, опередили неприятеля и притаились в засаде.

Луч радости осветил медное лицо Мукоки.

– Вот они, – прошептал он.

Вунги приближались, не предчувствуя никакой опасности. Мукоки положил свою судорожно сжимавшуюся руку на плечо Рода.

– Вы совсем не дрожать, совсем не промахнуться, – сказал он, – вы стрелять первого человека перед Ваби – это главный. Я возьмусь за других.

– Ясно, Муки! Убью его сразу, одним выстрелом. – И он пожал руку Мукоки.

Вот появились разбойники тайги. Лицо Ваби было в крови.

Почти теряя сознание, Род спустил курок. Через секунду грянул двойной выстрел Мукоки.

Когда дым рассеялся, на ногах оставался только один из вунгов. Тот, в которого целился Род, лежал мертвым на снегу. Двух других настигли пули Мукоки. Один из них лежал уже без движения, второй шатался, хватаясь за грудь, готовый упасть.

Одним взмахом ножа Мукоки перерезал веревку, которой были связаны руки Ваби.

Род подошел к вунгу и отобрал у него ружье и револьвер. Между тем Мукоки подобрал какой-то тюк.

– Это наши меха, – сказал Ваби. – Бандиты не постеснялись присвоить их себе, прежде чем подожгли хижину. Надо поторапливаться, скоро вся шайка погонится за нами. Жаль, что хижина сгорела. В ней мы могли бы хорошо обороняться...

– А что же ложбина? – воскликнул Род. – Там легче отбиваться. Только бы попасть туда...

Глава XVII. Погоня

– Да, конечно, ложбина! – ответил Ваби. Мукоки одобрительно кивнул головой.

Ваби стал во главе тройки, Род посредине, а старый индеец со своим тюком замкнул шествие.

Скользя на лыжах, Ваби спросил Рода, сколько у него патронов.

– Сорок девять, – ответил мальчик.

– Ну и прекрасно. Дайте мне штук двенадцать. У меня есть еще восемь, которые я отобрал у того молодца. Пока мне хватит.

Так они дошли, не будучи настигнуты неприятелями, до котловины, где сегодня еще стояла старая хижина.

Вдруг Род почувствовал, что сердце у него встало неподвижным комом в груди. Силы его приходили к концу. Поиски Мукоки, когда он заметил дым горящей хижины, погоня за Ваби, наконец, это новое бегство – все это истощило силы мальчика. Мускулы его ослабели, и он чувствовал, что продолжать путь до ложбины с такой скоростью он уже не сможет. А между тем нужно было пробежать еще целых три мили!

Он все-таки сделал над собой еще одно последнее усилие, но расстояние между ним и Ваби все увеличивалось, а лыжи Мукоки уже наезжали на него сзади. Он уже слышал над своим ухом хриплое и прерывистое дыхание старого индейца. Бедный мальчик был смертельно бледен, пот струился с висков, ему не хватало дыхания. Ноги у него подкосились, и он свалился на снег. Почти в тот же момент показались вунги.

Они были на расстоянии ружейного выстрела. Пуля просвистела в воздухе.

Б-з-з-инг!

Дважды Род услышал над своей головой эту песню смерти. Он увидел, как снег взметнулся в воздухе под каждой из двух пуль.

Но не замедлили и ответные выстрелы. Пули Ваби и Мукоки сразили двух преследователей, и они упали замертво на землю.

К счастью, у вунгов не было прикрытия, а нашим приятелям давала некоторую защиту тут же расположенная небольшая кедровая роща.

Сильной рукой подхватил Ваби своего товарища и понес, скорее, поволок его по снегу.

Но прежде чем приятели достигли широких стволов кедровых деревьев и скрылись под их защитой, на них снова посыпался град пуль.

Мукоки застонал – он был ранен. Старый охотник сбросил на землю свой тюк.

– Серьезная рана, Муки? – задыхаясь, спросил Ваби. – Куда попала пуля?

Муки, слегка покачнувшись, выпрямился.

– Пуля в левом плече. Не серьезно. Тюк и шкуры ослабить удар. Мы здесь очень хорошо! Послать им дьявола.

Вунги действительно остановились. Их было всего шесть человек. Остальная банда растянулась на снегу на далекое расстояние. Бросившись в погоню, некоторые не успели надеть лыжи и тащились сзади, далеко отстав от своих. Снова затрещали ружья Ваби и Мукоки, снова упали двое вунгов, убитые или тяжело раненные. Оставшиеся начали осторожно отступать в ожидании подкрепления. У Рода еще хватило силы, чтобы вскинуть ружье к плечу и выстрелить. Третий враг с переломленной ногой кувырнулся в снег.

– Ура! – крикнул Ваби. – Теперь мы можем немного передохнуть.

Но кровавое пятно на плече Мукоки расплывалось все больше. Род, поднявшись на ноги, объявил, что сможет продолжать путь, если они не будут идти так быстро.

Ваби быстро принял решение.

– Вы оба идите вперед, – сказал он. – Я постараюсь их держать на почтительном от нас расстоянии, а потом начну отступать, отстреливаясь из-за деревьев. Если это удастся, то присоединюсь к вам в ложбине. Буду идти по вашим следам. Род, дайте мне еще несколько патронов.

Время было дорого. Мукоки взвалил на плечи свою драгоценную ношу. Он и не думал бросать ее и, прихрамывая, в сопровождении Рода, который держался на ногах ничуть не крепче индейца, тронулся в путь.

Ваби, рискуя своей жизнью, один прикрывал их отступление.

Непонятное замешательство произошло в группе вунгов. Банда, находившаяся за пределами ружейного выстрела, как будто разделилась на два несогласных между собой лагеря. Одни, видно, ни за что не хотели упустить свою добычу и жестикулировали как одержимые. Другие же, повернувшись лицом к стоянке, не менее красноречивыми жестами выражали свое желание вернуться обратно. Наконец они уселись на землю, прямо в снег, и один индеец отделился от всей группы и, по-видимому в качестве эмиссара, отправился за дальнейшими приказаниями. Ваби, не зная, на что решиться, прождал минут десять. Радуюсь, что за это время Мукоки и Род уже успели отойти на значительное расстояние, он стал осторожно пробираться между деревьями, а потом бросился со всех ног по следам своих товарищей. Они были на расстоянии какой-нибудь четверти мили от ложбины и от расщелины, через которую рассчитывали спуститься вниз, когда он их догнал.

Мукоки, слабея от потери крови, все больше и больше сгибался под тяжестью пушнины. Теперь настал черед Рода поддерживать его. Увидев Ваби целым и невредимым, они ободрились и, сделав последнее усилие, добрались до ложбины.

Не успели они скрыться в узкой расщелине, служившей им надежной защитой, как град пуль снова просвистел над их головами. Вунги их догоняли. Надо было спешить.

Приятель, взяв оружие на изготовку, укрылись в узком проходе за уступом скалы. Опыленные яростью, забыв всякую осторожность, вунги ринулись в расставленную им западню.

Паф! Паф! Паф-паф! Паф! Паф-паф! Паф! Паф!

После каждого залпа один из врагов падал замертво у входа в ущелье. Остальные стремительно подались назад.

– Мне думается, – сказал Ваби, – что теперь они нескоро пустятся в подобную авантюру.

Из шести сраженных врагов двое еще шевелились. Их прикончили выстрелами из револьвера.

Кровь из раны Мукоки перестала сочиться, но старый индеец ослабел до такой степени, что потерял сознание.

– Надо, чтобы он выпил чего-нибудь горячего, – сказал Род, – это подкрепит его силы.

Ваби стоял на страже и подбирал сухие ветки, весной занесенные в это скалистое ущелье потоками талого снега. Мальчик развел небольшой костер.

Потом он развернул тощий пакет с провизией, который, по привычке, захватил с собою и в этот тяжелый день.

– Здесь все наши запасы: две горсти кофе, щепотка чая, сало и несколько сухарей. Для трех человек этого мало, но чтоб восстановить силы Мукоки вполне достаточно, зато у меня есть целая коробка спичек!

Огонь весело затрещал. В небольшой котелок Род набрал снегу. Когда вода закипела, он заварил кофе, и приятный аромат разнесся в воздухе.

Мукоки подставил чашку, которая висела у него на поясе, и начал медленными глотками тянуть целительный напиток. Дважды повторял он эту операцию, а затем его примеру последовали мальчики. Потом каждый из них съел по сухарю, а старика индейца они по долгу дружбы принудили съесть двойную порцию. Страдальческое выражение его лица стало постепенно смягчаться. Распаковали шкуры и разложили их в небольшой котловине, получились

две мягкие и теплые постели. Одна из них была предоставлена Мукоки, а на другой устроились Род и Ваби, они посменно то отдыхали, то выходили сторожить.

– Кстати, – спросил Род, – где Волк? Ваби рассмеялся:

– Вернулся к своим. Уж он повоюет сегодня ночью вместе со своими таежными братьями. Бедный старый Волк!

Но смех Ваби уступил место чувству сожаления, и грустные нотки задрожали в его голосе.

– Его захватили врасплох так же, как и меня. Вунги бесшумно прокрались сзади хижины через ставни. Чутье не могло на этот раз предостеречь Волка. Я же заметил их только тогда, когда они набросились на меня. Я стоял рядом с Волком и только что собрался поднять вязанку хвороста. Я быстро перерезал ножом его привязь.

– Боролся он с ними?

– Минуту или две, не больше. Один из бандитов нацелился в него, но он увильнул от выстрела и удрал в лес.

Наступило молчание. Вунги там, наверху, не подавали признаков жизни.

– Мне непонятно, – проговорил Род, – почему они строят козни только вам? Почему меня и Мукоки они оставляют в покое? Спрятавшись в кустах, они могли с таким же успехом подстеречь нас и открыть по нам стрельбу.

– До вас им дела нет. Им нужен только я. Если бы я оказался у них в руках, они бы переговорили с вами и отправили бы вас в факторию, чтобы получить за мое освобождение выкуп. Они очистили бы моего отца до последнего доллара.

В этот момент небольшой круглый камешек, подпрыгивая, скатился в скалистый проход.

– Они все еще там, наверху, – посмеиваясь, сказал Ваби. – Они поджидают нашего выхода, этот камешек скатился случайно. Для нас это предостережение. – И, чтобы переменить разговор, он воскликнул: – А где наши чудные золотые самородки?

– Я знаю об этом столько же, сколько и вы, – ответил Род. Затем, ощупав свои карманы, он проговорил:

– Они у меня здесь. Я совершенно про них забыл. Мукоки нашел их в золе.

Понемногу надвинулась темнота.

– Подождем завтрашнего дня, – пробормотал Род. – Забраться сюда это не шутка, а вот как завтра выбраться отсюда?

Ночь прошла спокойно. Мукоки отдыхал, а Род и Ваби поочередно стояли на страже. Около полуночи небо вдруг стало пурпуровым. Род, который бодрствовал, дернул за руку своего товарища.

– Смотри! – сказал он. Ваби протер глаза.

– Похоже на то, Род, что и на этот раз горит сосна. Что происходит у наших врагов?

Немного спустя раздался протяжный вой волка, одинокий и заунывный.

– Кто знает, – пробормотал Ваби, – быть может, это наш Волк. Он ненавидит своих сородичей, в обществе которых ему придется теперь жить. Со временем он привыкнет, а сейчас тоскует по нас...

Глава XVIII. Возвращение в Вабинош-хоуз

На рассвете приятели выпили остаток кофе и разделили последние сухари. Ночной отдых благотворно подействовал на Мукоки. Недаром у него был железный организм. Белый кролик, случайно пробравшийся в эту скалистую расщелину, спокойно перебирал своими лапками. Ваби мимоходом убил его прикладом ружья.

Еще теплым они выпотрошили его, и он послужил вкусным жарким для всей компании.

Теперь у них была одна задача – как можно скорее выбраться из ложбины и добраться до Вабинош-Хоуза. Приходилось выдержать последнюю битву с вунгами, которые, несомненно, где-то притаились и были начеку.

Род вызвался пойти разузнать, что делается наверху, над ущельем.

Со всяческими предосторожностями, держа ружье наготове, он двинулся в путь. Он знал, что стоит ему сделать один шаг наружу и вражеская пуля прикончит его. Но, несмотря на опасность, он должен был решиться.

Род подвинулся на шаг, затем еще на один. На снежной белизне, окаймлявшей край ложбины, никого не было видно. Вунги исчезли! Потухал костер. И на тропинке, отличающейся от проложенной накануне, их следы шли в сторону от ложбины.

Родерик поспешил обратно, чтобы сообщить эти новости Ваби и Мукоки. Индеец высказал предположение, что это, может быть, ловушка, и что вунги могли притаиться где-нибудь дальше. Ваби молчал: он припомнил о замешательстве, которое произошло вчера в рядах его врагов. Кто знает, не произошло ли какое-нибудь новое событие, не известное ни ему, ни Роду, ни Мукоки. Но во всяком случае оставаться здесь дольше не было никакой возможности. Для большей безопасности они решили выбраться через тот проход, по которому Род в первый раз спустился в ложбину.

Небо потемнело, подул южный ветер. Огромные хлопья снега стали летать в воздухе.

– Хорошо, это хорошо, – сказал Мукоки, – снег покрыть наши следы!

И он взвалил на спину тук со шкурами. С большим трудом нашел Родерик место, откуда легко можно было взобраться на стену. Род и Ваби перебирались со скалы на скалу, карабкаясь друг другу на спину. Трудно было подняться Мукоки, ему мешала его рана и тяжелый тук.

Снег все падал, а вунгов не было видно.

Старый индеец стал вожаком компании. Он решил достичь фактории другой тропой, не той, по которой они шли в начале путешествия, и, описав круг к югу, держаться как можно дальше от неприятеля. Только один Мукоки мог броситься в неизвестность. Он обладал каким-то таинственным шестым чувством, той способностью ориентироваться, тем почти сверхъестественным инстинктом, который за сотни миль мчит почтового голубя, как стрелу, в его голубятню.

Там, где всякий другой растерялся бы или уже давно заблудился, индеец безошибочно прокладывает себе путь. Много раз Род и Ваби спрашивали старика, в каком направлении находится Вабинош-Хоуз, и рука индейца неизменно указывала его, как будто он через леса, горы и долины действительно видел факторию перед собой. На пятнадцатой миле они сделали привал, чтобы отдохнуть, и развели небольшой костер у старого пня. Позавтракали остатками кролика и затем снова пустились в путь.

Весь день шли они по трудной дороге. То взбирались на скалистые гребни, то спускались в ложбины, где им приходилось пролагать себе дорогу через густую поросль. Когда солнце зашло за горизонт, они расположились на ночлег около соснового леса. Заварили последнюю щепотку чаю, и это был весь их ужин. Дичи не было видно.

У молодого горожанина начались судороги в желудке, но он молчал. Мукоки как будто отгадал его мысли.

- Завтра, – сказал он, – убить на завтрак куропатки. Род удивился:
- Откуда ты это знаешь, Мукоки? Индеец указал ему на небольшой лесок.

– Хороший сосна, густой. Куропатки там зимовать в гнезде. Ваби распаковал меха, их разделили на три части. Три больших волчьих шкуры расстелили на ветках, они служили навесом, под которым путешественники устроились как нельзя лучше.

Родерик, разбитый усталостью, не замедлил заснуть глубоким сном. Но Ваби и Мукоки лишь дремали, просыпаясь время от времени, чтобы поддержать огонь и удостовериться, что кругом все спокойно.

Род еще спал в своей теплой постели, когда его разбудили три выстрела. Через минуту показался Мукоки, держа в руке трех куропатов.

Мальчик захлопал в ладоши от радости. Никогда завтрак не казался ему таким вкусным. Они уничтожили дичь до последней косточки.

Ночью снег перестал, а наутро снова возобновился. Почти совершенно ослепленный снегом, маленький караван продвигался вперед до полудня. А затем снова сделал привал.

Теперь они были далеко от вунгов и находились вне опасности. Они могли спокойно устроить себе уютное логовище из сухих веток и лапника.

– Теперь мы, вероятно, уже недалеко от тропы Кэногами-Хоуз, – сказал Ваби, – а может быть, мы даже прошли ее?

Нет, еще не дошли, – ответил Мукоки, – еще немного южнее.

Ваби объяснил Роду:

– Тропа, о которой мы говорим, это проложенная санями дорожка, идущая от озера Нипигон до фактории Кэногами-Хоуз. Заведующий этой факторией наш лучший друг. Очень часто мы ездим к нему в гости.

Несколько убитых кроликов составили их завтрак. Охотники были совершенно измучены и проспали весь остаток дня. Ничто не нарушало спокойствия ночи.

К утру погода прояснилась. Но рана Мукоки снова открылась. Необходимо было убить какое-нибудь животное побольше кролика, чтобы получить жир и смазать рану. Старый индеец вынужден был остаться на привале, а оба мальчика отправились в разные стороны на охоту.

Родерик бродил в продолжение часа, и к своей досаде, несмотря на многочисленные следы оленей и карибу, совершенно безрезультатно. Он приходил уже в отчаяние, как вдруг внимание его привлекла проделанная санями тропа, пересекавшая его путь. Две пары саней, запряженных собаками, прошли здесь после выпавшего снега, по обе стороны саней виднелись следы лыж. Родерик догадался, что людей было трое, а собак дюжина. Он не сомневался, что эта тропа ведет к Кэногами-Хоузу и из любопытства пошел по ней.

Через полмили он наткнулся на место, где маленький отряд сделал привал. Толстая головня еще тлела в куче золы, и кругом костра валялись кости и крошки хлеба. Но больше всего заинтересовали Рода следы еще нескольких пар ног, в этом месте присоединившиеся к прежним. Они были меньше других и могли принадлежать только женщинам. Удивительно мал был один след. Сердце юноши забилося сильнее от волнения. На снегу ясно виднелся отпечаток мокасин, снабженных маленькими каблучками.

Род сразу же подумал о Миннетаки. Это была единственная женщина, которой могла принадлежать такая крохотная ножка. Только она одна носила каблучки! Совпадение, во всяком случае, было странное. Он еще внимательнее стал всматриваться в оставленный след. Он как две капли воды походил на тот след, который Род обнаружил на земле в день, когда молодую девушку похитили вунги и он отнял ее у похитителей. Миннетаки или другая женщина проходила здесь? Если другая, то все-таки она должна была походить на нее. Была ли эта незнакомка так же красива, как Миннетаки?

Вот что думал Род, возвращаясь к месту стоянки, весь погруженный в свои мечты.

Ваби его опередил, он принес молодую лань, и они устроили настоящее пиршество.

Хотя Роду не посчастливилось на охоте, весть о том, что поблизости лежит дорожка, соединяющая Вабинош-Хоуз и Кэногами-Хоуз, стоила меткого выстрела. После ряда одиноких недель в холодной тайге почувствовать себя наконец вблизи культурных людей, а не диких бандитов Пустыни было для них большой радостью.

Род не стал распространяться насчет чьих-то маленьких и хорошеньких ножек, которые заставили так сильно биться его сердце. Он знал, что это грозило сделать его предметом неумолимых насмешек Ваби по меньшей мере на протяжении добрых двадцати четырех часов. Поэтому он ограничился мимолетным упоминанием самого факта, заметив с равнодушным видом, что ножки, о которых он говорит, достойны ножек Миннетаки.

И этот день ушел у них на еду, спанье и лечение ран Мукоки. Но с зарей товарищи, переменив направление, пошли с юга на запад. Им оставались последние этапы пути.

По дороге Ваби вдруг хлопнул себя по лбу.

– Мы забыли нашу чудную лосиную голову, я зарыл ее в яму. Ах, как это жаль! А если мы вернемся за ней? Что ты на это скажешь, Муки? Такой трофей сделает нам честь.

Мукоки принял это предложение всерьез. Он покачал головой.

– Вунги, – сказал он, – может быть, все еще там. Зачем лазить в пасть волка?

Ваби рассмеялся.

– Успокойся, Муки! Мы не пойдем. А все-таки какие чудные рога!

Через два дня с вершины горы они увидели озеро Нипигон. Оно находилось приблизительно на расстоянии сотни миль. Когда Колумб в первый раз ступил на землю, открытую им, он вряд ли был счастливее Родерика Дрюи, увидевшего конечную цель своего путешествия. Там была фактория, откуда он ушел, там была вновь обретенная им Миннетаки. Забыв о своих лыжах, он сделал в воздухе удивительный пируэт.

Весь день перед ним носились золотые грезы. Прежде всех его встретит, конечно, Миннетаки. Будет ли она рада встрече? Да, без сомнения. Но будет ли она так же счастлива, как он? Потом, через три недели он вернется домой в Детруа, и там миссис Дрюи, горячо любимая мать, встретит его с распростертыми объятиями. Как бы хотелось ему взять с собой Ваби! Его члены не знали уже усталости, радость была неистощима. Он смеялся, свистел и даже пытался петь. Следующие два дня были необходимы для того, чтобы добраться до озера Нипигон, обогнуть его или частью пересечь по льду.

На второй день вечером, когда солнце, посылая свой прощальный привет, спускалось, красное и холодное, за белой и холодной пустыней, охотники достигли небольшого холма, у подножия которого приютился Вабинош-Хоуз. Они расположились под деревьями, и когда солнце скрылось за черными ветвями, неожиданные звуки военного рожка отчетливо долетели до них.

Ваби наострил уши и прислушался. Его веселое лицо вдруг омрачилось.

– Что это значит? – удивился он. Род воскликнул:

– Рожок!

Рожок смолк, а через несколько секунд раздалось тяжелое «бум!» – удар большой пушки.

– Если я не ошибаюсь, – сказал Род, – это военная заря. Разве у вас в фактории есть солдаты?

– Я никогда не видел их раньше, – ответил Ваби. – Что все это значит?

Лыжи скользили с невероятной быстротой, и через четверть часа приятели стояли перед Вабинош-Хоузом.

В окрестности фактории все изменило свой вид. Вся свободная площадь была застроена полудюжиной новых домов, около которых ходил взад и вперед патруль солдат в английской форме.

В то время как Мукоки скромно пробирался в помещение для служащих, а Ваби входил в дом, Род направился к магазинам, которые помещались на берегу озера. Он помнил, что туда

любила уединяться Миннетаки, чтобы помечтать. Но его надежды не оправдались, молодой девушки там не оказалось, и он возвратился обратно. На крыльце его поджидал Ваби, рядом с ним стояли его отец и мать, Миннетаки-индеанка. Они радостно приветствовали его.

– Род, послушайте, – обратился к нему Ваби, когда перед обедом они остались вдвоем. – За наше отсутствие вунги удвоили свою дерзость: они чуть ли не осадили факторию. Тут всем пришлось пережить тяжелые минуты. За их убийства и грабежи правительство объявило им войну и прислало сюда солдат с приказом ловить и истреблять их без пощады.

Глаза Ваби загорелись. Через пару минут он прибавил:

– Несколько дней уже продолжается ловля и рекогносцировка. Если они отступились от нашего преследования и бросили в ложбине такую выгодную добычу, как мы, это значит, я не сомневаюсь, что они почуяли погоню в тылу. Мы присутствуем только при начале стычки. Завтра солдаты отправляются на настоящую чистку. Вы ведь останетесь, Род, правда? И запишетесь со мной в солдаты на всю кампанию?

– Я не могу, Ваби. Вы ведь это сами знаете, мать меня ждет, и вы обещали меня проводить. Солдаты могут обойтись без вас. Едемте в Детруа и уговорите вашу мать отпустить с нами Миннетаки.

Ваби растроганно пожал руку Роду.

– Это невозможно, мой долг остаться здесь. Миннетаки тоже не сможет сопровождать вас. Ее сейчас нет здесь.

Родерик зашатался и побледнел.

– Успокойтесь, она в безопасности! – проговорил Ваби. – Она так нервничала, да и здоровье ее так пошатнулось, благодаря ужасным испытаниям, пережитым ею в течение этих двух месяцев, что отец решил удалить ее немедленно же до окончания всех этих событий. Отец хотел и мать отправить вместе с ней, но она решительно отказалась.

– Миннетаки далеко отсюда? – пролепетал мальчик.

– Она уехала в Кэногами-Хоуз четыре дня тому назад в сопровождении одной женщины и двух провожатых. Это их следы вы видели на санной дорожке.

– Значит, маленькие ножки действительно были ее!

– Вы ведь это говорили, дорогой друг! Значит, решено: вы остаетесь? Таким образом, вы первый будете ее приветствовать по возвращении.

– Я не могу. Моя мать прежде всего.

Миннетаки перед отъездом оставила своей матери-индеанке письмо на имя Родерика. Ваби принес письмо в его комнату, чтоб хоть немного утешить юношу. Девушка писала, что, без сомнения, она вернется раньше возвращения молодого охотника. Если случится обратное и если Род уедет, не дождавшись ее, то она очень просит его не забывать дорогу в факторию и в следующий раз взять с собой миссис Дрюи. За обедом Миннетаки-мать несколько раз повторила это приглашение. Она прибавила, к большой радости Рода, что лично уже несколько раз писала миссис Дрюи, которая все время находится в добром здравии, и что она считает ее своим другом.

Вечером делили меха, которые директор фактории приобрел у них от имени кампании. Доля Рода вместе с третьей частью золотых самородков составила приблизительно семьсот долларов.

Утром Род написал Миннетаки длинное письмо, и верный Муки взялся доставить его молодой девушке.

Род сел в сани, которые его уже поджидали.

Мальчики пожали друг другу руки.

– Мы вас ждем будущей весной, как только сойдет снег! Это решено, не правда ли?

– Да, если буду жив, – ответил мальчик.

– На этот раз мы отправимся за золотом!

– Да, за золотом!

– И Миннетаки будет здесь! – прибавил Ваби.

Род покраснел. Сани двинулись. И скоро они уже неслись по белой равнине. Род, с устремленным вдаль взглядом, мечтал о материнских ласках. Но порой он все же обращался мыслью назад и снова видел перед собой дорожку в Кэногами-Хоус, на которой отпечатались следы маленьких, любимых ножек. До весны было еще далеко... И из глаз бедного мальчика скатились две крупные слезы.

Золотая петля

Глава I. Брэм и его волки

Брэм Джонсон был необыкновенным человеком даже для своего Севера. Не говоря уже ни о чем другом, он представлял собою продукт окружающей обстановки и крайней необходимости и еще чего-то такого, что делало из него то человека с душой, а то зверя с сердцем дьявола. В этой истории самого Брэма, девушки и еще одного человека к Брэму нельзя относиться слишком строго. Он был способен и на чувствительность и на жестокость. Впрочем, сомнительно, имел ли он то, что принято вообще считать душой. Если же и имел когда-нибудь, то она затерялась где-то в дремучих лесах и в той дикой обстановке, которая его окружала.

История Брэма началась еще задолго до его появления на свет, по крайней мере за три поколения. Она зародилась еще раньше, чем Джонсоны перешли за шестидесятый градус северной широты. А они все время настойчиво и упорно поднимались к северу. Всякий, кто садится в лодку в Нижней Атабаске и отправляется затем на север к Большому Невольничьему озеру и оттуда через Макензи к Полярному кругу, всегда заметит массу удивительных этнологических перемен. По всему его пути будут быстро сменяться одна за другой характерные расовые черты. Худощавый, с впалыми щеками, чиппева, с его быстрыми движениями и остроносой лодкой, сменяется неповоротливыми индейцами племени кри, с их широкими скулами, раскосыми глазами и челноками из березовой коры. И чем дальше на север, тем больше изменяется и кри; каждое новое племя едва заметно отличается от своих более южных соседей, пока наконец те же индейцы кри не становятся похожими на японцев, а их место занимают чиппева. Индейское племя чиппева начинает свою историю там, где ее заканчивает племя кри. Чем ближе к Полярному кругу, тем скорее лодка превращается в каяк, лица становятся скуластее и глаза начинают походить на китайские; и писатели, изучающие историю человеческого рода, получают право называть их уже эскимосами.

Раздвинувшись на север, Джонсоны так и не осели на каком-нибудь определенном месте. Вероятно, сто лет тому назад был один какой-нибудь настоящий Джонсон, который воплотился потом в Брэма. Их за это время было довольно много. Кровь первого Джонсона в самом начале смешалась с кровью племени чиппева, затем кровь следующего поколения – с кровью племени кри, так что получилась порода кри-чиппева-Джонсон, пока наконец Джонсоны не превратились в конце концов в эскимосов. Но удивительнее всего то, что уцелела сама фамилия Джонсон. Входишь в юрту или хижину, надеясь встретить там белого, – и вдруг натыкаешься на инородца.

После целых ста лет такого смешения крови Брэм оказался атавистом. Он представлял собою совсем белого человека по цвету кожи лица, волос и форме глаз. Во всем остальном он походил на свою полукровку-эскимоску мать, за исключением ее роста. В нем было добрых шесть футов, и силищи он был невероятной. У него было широкое, скуластое лицо, тонкие губы и приплюснутый нос. Но цвет лица был совершенно белый. Это бросалось в нем прямо в глаза. Даже волосы у него были светло-рыжеватые, хотя жесткие и лохматые, как грива у льва, и глаза голубого цвета, которые, впрочем, в моменты гнева становились в темноте зелеными, как у кошки.

Никто не желал быть с Брэмом в дружбе. Он представлял собою какую-то тайну. Он никогда не оставался в посту долее, чем это было необходимо для того, чтобы обменять меха на съестные припасы, и проходили целые месяцы и даже годы, прежде чем он снова появлялся в том же самом посту. Он находился в постоянном движении. Иногда пограничная стража нападала на его след и во многих своих донесениях о деятельности своих передовых патрулей

сообщала в свою главную квартиру только следующими лаконическими фразами: «Мы видели, как Брэм ехал к северу на своих волках» или «Брэм и его волки промчались мимо нас» – и всегда нераздельно: Брэм и его волки. Целых два года полиция не имела о нем ровно никаких сведений. Это было в то время, когда Брэм затерялся где-то в Северной стране к востоку от Большой Медвежьей реки. После этого полиция принялась за еще большую слежку за ним, так как являлось предположение, что это отсутствие происходило не даром. И действительно, кое-что произошло. Брэм убил человека. Он сделал это так просто и так легко, точно переломил пополам спичку, и успел удрать раньше, чем узнали, что его жертва уже умерла. За этой первой трагедией последовала вторая, когда, две недели спустя, капрал Ли вместе с простым солдатом из казарм форта Черчилл задержали его на границе Баррена. Брэм даже не захотел в них и стрелять. Они еще издали услышали его громкий, страшный хохот, а затем он спустил на них своих волков. Каким-то чудом капрал Ли дополз потом до становища какого-то метиса, у которого потом и скончался, и этот-то самый метис и донес затем о происшествии в форте Черчилл.

После этого случая Брэм точно канул в воду. На целых четыре или пять лет. Он и его волки. Только подумать об этом! Один. За все это время о нем ни слуху ни духу. Ни одного раза он даже не явился ни в один из постов для покупки съестных припасов. Это – отщепенец. Человек-зверь. Укротитель волков. К концу третьего года в его запряжке не оказалось уже ни одной капли собачьей крови. Это были одни сплошные, чистокровные волки. Он воспитывал каждого из своих упряжных волков еще со щенков. Все они были громадного роста, на подбор, так как недоразвившихся он убивал. Всего их бегало у него в запряжке двадцать штук. Возможно, что недоразвившихся вполне он прямо отпускал бы на волю вместо того, чтобы убивать, но они сами не хотели от него уходить. В нем они инстинктивно признавали сверхчеловека и считали себя его рабами. И Брэм, дикий и полуживотное сам, со своей стороны, любил их. Они заменяли ему братьев, сестер, жену и все прочее. Он с ними спал и ел и голодал, когда не хватало пищи. Они были его друзьями и защитой. Когда Брэму хотелось мяса и его можно было достать в том месте, где он находился, он просто посылал своих волков на охоту за лосем или оленем, и если они загоняли этих животных миль за десять впереди самого Брэма, то на обглоданных ими костях он все-таки по прибытии находил еще достаточное количество мяса и для себя.

Целых четыре года такой жизни! Полиция даже не хотела этому и верить. Пограничники только саркастически посмеивались, когда до них доходили о нем отдаленные слухи: будто где-то, в совершенно противоположных местах, кто-то видел самого Брэма, слышал его голос, который покрывал собою в тихие, зимние ночи вой его своры, или будто его то там, то здесь видели метисы и индейцы. Относиться к этим слухам так критически заставляло их главным образом суеверие французских метисов, которые считали его чертом, а над чертом на всем Севере никто не позволяет себе смеяться. Мало ли несчастных, которые продали свои души дьяволу только за то, чтобы иметь возможность летать по воздуху, – и находились люди, которые могли бы поклясться на Евангелии, что собственными своими глазами видели, как Брэм со своими волками проезжал по небу, преследуя на нем каких-то громадных, бесформенных зверей.

Итак, полиция была уверена, что Брэм умер; а между тем Брэм, совершенно скрывшись из виду, с каждым днем все более и более превращался в волка и становился волчьим братом. Но белая кровь все-таки оказывалась в нем непобедимой, и в душе у Брэма часто появлялась тоска. Безумное желание слышать человеческий голос, поговорить с близким ему человеком, хотя он никогда не любил ни одного мужчину и ни одну женщину, по временам было для него тяжелее, чем смерть. Это-то и приводит нас к самому тяжкому осложнению в жизни Брэма – к столкновению его с девушкой и еще с одним мужчиной.

Глава II. Филипп Брант считается с очевидностью

Этим другим мужчиной был Филипп Брант.

Он сидел как-то вечером в избушке у Пьера Брео. Сам Пьер сидел как раз против него по ту сторону стола, а сбоку их обоих горела раскалившаяся докрасна железная печь.

Стояла ужасная погода. Охотник на лисиц Пьер выстроил свою избушку как раз на самой стрелке узкой полосы соснового леса, глядевшей как нарочно на самый Баррен, и в этот вечер оттуда дул на нее такой резкий, злобный ветер, разгуливавший по пустым пространствам, что это заставляло Филиппа дрожать. Совсем близко на востоке находился Гудзонов залив, так близко, что когда за несколько минут перед этим он высунулся из двери, то до него донесся гром никогда не прекращающегося морского прибоя, катящего свои воды прямо с Ледовитого океана, и резкий, точно звук от громадного ножа, треск ледяных гор под напором такого же ледяного, северного ветра. К западу от хижины Пьера тянулся лишенный всякой жизни Баррен, пустой и безграничный, без малейшего камня или куста, с нависшим над ним небом, которое не раз заставляло Филиппа вспомнить о картине Доре «Ад», – тяжелым, хмурым, синевато-красным, как гранат, всегда готовым разрешиться ужасающей снежной бурей. Таково оно было днем. А уж ночью, когда начинали брехать белые лисицы и завывал дикий ветер, – нечего было и говорить.

– Так как я человек верующий, – повторил через стол Пьер, – и все-таки еще надеюсь на спасение души, то клянусь вам, что я видел его с глазу на глаз.

Брант, служивший в пограничной страже и находившийся всегда при патруле в форте Черчилл, перестал недоверчиво улыбаться. Он всегда считал Пьера Брео человеком храбрым, иначе бы тот никогда не забрался в своей охоте на белых лисиц в самую глушь Баррена один, и несуетерным, как большинство из его соотечественников, иначе Пьер давно бы уже убежал от горьких рыданий и бурных воплей вечных, ни на минуту не прекращающихся ночных ветров.

– Клянусь вам! – повторил Пьер.

Что-то почти задорное вдруг появилось на лице у Филиппа. Он перегнулся через стол, крепко ухватившись пальцами за его края. Ему было уже тридцать пять; он был так же худошав, как и Пьер, только у Пьера были глаза черные, а у него – цвета стали. Было время, – давно уже, – когда и он жил в большом западном городе и носил черный сюртук так, как ни один человек в мире; а теперь рукава на его оленьем полушубке были истерты и разорваны, руки огрубели, и все лицо было изборождено следами от морозов и ветров.

– Нет, это невозможно, – ответил он. – Брэма Джонсона нет в живых!

– Он жив, мсье... Уверяю вас.

Какая-то страшная дрожь слышалась в голосе у Пьера.

– Если бы я только слышал, а не видел, – продолжал он, сверкнув глазами, – то вы еще могли бы мне не верить, мсье. Да, вначале я только услышал вой его запряжки и потому подошел к двери, отворил ее и долго стоял и прислушивался, вглядываясь в темную ночь. Уф! Волки пробежали как раз мимо меня. Я слышал, как от них убегал олень. А затем последовал громкий крик, покрывший собою вопли волков, точно это кричали сразу десять человек. Тогда я понял, что это Брэм Джонсон добывает для себя мясо. Да, он еще жив! Но это еще не все. Нет, нет! Это еще далеко не все.

Пальцы его судорожно постукивали по столу. В третий или четвертый раз за последние три четверти часа Филипп Брант замечал, как он откидывался назад в каком-то странном возбуждении. Недоверие прошло. Филипп уже начинал верить Пьеру.

– Значит, вы действительно видели его? – спросил он.

– Да. Я не хотел бы поступать так опять, мсье, как поступил тогда, за всех лисиц, начиная от Атабаски и кончая Гудзоновым заливом. Я до сих пор не могу дать себе отчета, почему

именно я так поступил. Что-то повлекло меня прямо в ночную темноту. Я последовал за ним. Скоро я нашел следы от волков и от лыж человека. Да. Я отправился далее по этим следам. Я дошел таким образом до того самого места, где звери уже расправлялись со своей добычей. Ветер дул мне прямо в лицо, и потому я отлично мог слышать, как они щелкали зубами и раздирали оленя на части. Да, да! Я услышал, кроме того, еще и ужасный смех человека! Если бы ветер вдруг переменялся и это дьявольское отродье вдруг почуяло бы мой запах, то мне несдобровать бы!

Он вздрогнул, повел плечами и хрустнул пальцами.

– Но я оставался, мсье, там, где и стоял, чуть не по грудь увязнув в снегу. Через несколько времени они побежали далее. За темнотою я не мог рассмотреть их более подробно. Тогда я подошел к тому месту, где они расправились с оленем, и увидел, что Брэм захватил с собой два оленьих окорока. Это был старый, довольно крупный карибу. Окольными путями, через голую равнину, я добрался наконец до леса, в котором Брэм расположился уже у костра. Теперь уж я мог видеть его отлично и, клянусь вам всеми святыми, что это действительно был Брэм! Давно уже, еще перед тем, как он убил человека, он два раза посетил меня в этой самой моей избушке, – и с тех пор не изменился нисколько. Вокруг него, греясь у костра, лежали его волки. Только тогда я наконец и пришел в себя. Я видел, как он их ласкал, видел, как они оскаливали зубы. Да, я слышал собственными ушами, как он разговаривал с ними и смеялся себе в бороду. И я бросился поскорее обратно, к себе домой, я побежал со всех ног, боясь, как бы меня не догнали волки. И тем не менее это... это еще не все!

Опять он устался на Бранта и стал сжимать и разжимать свои пальцы.

– Теперь вы верите мне, мсье? – обратился он к нему.

Филипп утвердительно кивнул головой.

– Но все это как-то фантастично... – ответил он. – Все-таки нельзя же предположить, чтобы это вы видели, Пьер, во сне!

Брео вздохнул с облегчением и поднялся на ноги.

– И вы поверите мне, если я расскажу вам остальное? – спросил он.

– Да, – ответил Брант.

Пьер подошел к сундуку и достал оттуда мешок из оленьей кожи, в котором у него хранились кремни, кресала и другие принадлежности для добывания огня во время пути.

– На следующий день я вернулся туда обратно, мсье, – сказал он, снова садясь за стол против Филиппа. – Брэм и его волки уже ушли. Оказалось, что он провел ночь в шалаше из еловых ветвей. Весь снег кругом был утопан его мокасинами и лапами волков. Я обшарил все это место, надеясь хоть что-нибудь после него найти, и, к счастью, кое-что нашел. Это силок, петля для ловли кроликов.

Не слова, а выражение глаз Пьера Брео, когда он стал шарить своими длинными пальцами в мешке из оленьей кожи, заставило Филиппа почувствовать какой-то особый трепет и предположить что-то особенно интересное. И, не произнося ни слова, он стал терпеливо ожидать, когда Пьер покончит наконец со своими поисками.

– Простая петля для ловли кроликов, мсье... – продолжал Пьер. – Она вывалилась у него из мешка прямо в снег...

И он протянул ее Филиппу. Тот нетерпеливо схватил ее и стал разглядывать. Свисавшая с потолка лампа освещала весь стол и их головы и плечи. Рассмотрев петлю, Филипп вдруг вскрикнул от удивления. Пьер ожидал этого. Сначала Филипп не доверял ему, а теперь наконец-то сам убедился. Некоторое время казалось, что он перестал даже дышать. Лампа освещала то, что он держал в руке, а он, широко раскрыв глаза, смотрел на это нечто и от изумления не двигался. Это был силок. В этом не могло быть ни малейшего сомнения. Он был сплетен из волос длиною чуть не в целый аршин, с одного конца имел петлю и с другого – двойной узел.

Но удивительнее всего было то, что этот силок был сплетен из золотых волос женщины. Он представлял собою золотую петлю!

Глава III. Брант принимает решение

Процесс человеческого мышления иногда не останавливается на своем пути, чтобы обсудить свои дальнейшие действия, а сразу делает скачок к немедленному и подчас неожиданному решению, которое, благодаря именно этой внезапности, является точно снег на голову. Вскрикнув один раз от удивления, Филипп больше не издал ни единого звука. Он не сказал ни одного слова Пьеру. Среди наступившей вдруг тишины слышно было, как его часы тикали, точно барабан. Затем, не спеша, он выпустил из пальцев шнурочек из шелковых волос, поднял глаза и встретился со взглядом Пьера. Оба знали, о чем каждый из них думал. Если бы волосы были черные! Если бы они были рыжие! Если бы даже в них была грубая краснота эскимосской шевелюры с верхнего течения реки Макензи!

Но нет, волосы в петле были золотые, – так и отливали светлым золотом!

Все еще не говоря ни слова, Филипп вытащил из кармана нож, отрезал им петлю от доски, к которой она была прикреплена, и стал тщательно расплетать ее, пока наконец перед ним на столе не оказались длинные пряди волнистых волос. Если он до сих пор сомневался, то теперь не было места ни малейшему сомнению. Он не мог припомнить, где и когда в своей жизни видел женщину, у которой были бы волосы такого настоящего золотого цвета. Это было вовсе не червонное золото. В волосах не было ни малейшего оттенка красной меди, когда они лежали на столе и отражали от себя ламповый свет. Они были точно лен или точно расчесанный шелк и настолько тонки, что, глядя на них, он удивлялся тому терпению, которое потребовалось для того, чтобы сплести из них петлю. Опять он посмотрел на Пьера. Тот же самый вопрос занимал и его.

– Отсюда вытекает, – прервал наконец молчание Пьер, – что у Брэма есть женщина.

– Безусловно, – ответил Филипп.

Это последнее слово, то ударение на нем, которое сделал Филипп, так многозначительно посмотрев на Пьера, повлекли за собою новый, более страшный вопрос, который уже некоторое время занимал собою обоих. Пьер пожал плечами. Он не мог на него ответить. Пожимая плечами, он вдруг вздрогнул. Когда ветер неожиданно потряс дверь, то ему казалось, будто в нее постучалось человеческое существо, и он тотчас же повернулся к ней лицом.

– Черт возьми! – воскликнул он, придя в себя и обнажая в улыбке перед Филиппом свои белые зубы. – Какой я стал нервный! И это после того, как я увидал тогда при свете костра Брэма и его волков и нашел вот это!

Он указал на блестящие волосы.

– Видали вы когда-нибудь такие волосы, Пьер?

– Нет, мсье. Ни разу в жизни.

– Но ведь вы же встречались с белыми женщинами в форте Черчилл, в фактории Иорк, в Лаклабише, в Кумберлэнд-Хаузе и в форте Альбани?

– Да, конечно, и даже во многих других местах, мсье. Но нигде никогда не сталкивался с женщиной, у которой были бы такие волосы.

– А насколько нам известно, Брэм никогда не отлучался со своего Севера южнее Форт-Чипевайана, – продолжал Филипп. – А это-то и заставляет нас призадуматься. Не правда ли, Пьер? Поневоле начнешь задавать себе вопросы. А как на них ответить? Как ваше мнение?

Пьер был полуфранцуз-полуиндеец. Зрачки его расширились, когда он встретил на себе пристальный взгляд Филиппа.

– Надо подумать, – ответил он с тревогой. – Не забывают, что это каторжник и... и, как некоторые убеждены, – оборотень. Я не суеверен, мсье, – нет, нет! – я вовсе не суеверен. Но о Брэме и об его волках ходят такие странные слухи, будто он продал дьяволу свою душу, будто

может летать по воздуху и сам по собственному желанию оборачиваться в волка. Поэтому – что же тут удивительного, если он вдруг стал ловить кроликов женскими волосами?

Пьер сделал такое движение, точно хотел проглотить подступивший ему к горлу ком. Филипп заметил, что он делал над собой усилие, чтобы победить в себе засевшие в нем сызмальства предрассудки.

– Но ведь все эти истории – чистая выдумка, мсье, – продолжал он уже совсем другим голосом. – Вот почему я и показал вам эту петлю. Брэм Джонсон вовсе не умер. Он еще жив. И при нем находится женщина, но кто она?

– Кто она?..

Одна и та же мысль засела в голове у обоих. И ни один из них не мог дать на нее ответа. Филипп снова принялся за изучение волос, перебирал их между пальцами и раскладывал на поверхности гладкого кожаного бумажника, который он вынул из бокового кармана. Затем, вовсе не желая курить, точно случайно, набил трубку и зажег ее. Потом он подошел к двери, распахнул ее и несколько минут постоял на пороге, вслушиваясь в дикий вой ветра, разгуливавшего по Баррену. Пьер все еще сидел за столом и внимательно наблюдал за каждым его движением. Наконец Филипп хлопнул дверью и подошел к метису.

Он пришел к какому-то выводу.

– До форта Черчилл отсюда триста миль, – сказал он наконец. – Как раз на полпути, у южного конца озера Джесич, стоит со своим патрулем Мак-Вею. Если я отправлюсь на поиски Брэма, то прежде всего должен дать знать об этом Мак-Вею, с тем, чтобы он, со своей стороны, сообщил об этом в форт Черчилл. Можете ли вы, Пьер, позабыть на время обо всех ваших капканах и ловушках и взять это дело на себя?

Пьер подумал. Затем ответил:

– Хорошо, я отправлюсь к Мак-Вею. Я ему сообщу об этом.

До поздней ночи Филипп писал свое донесение. Он был выслан, чтобы перенять бежавшую шайку грабителей-индейцев. Теперь на его пути возникло новое обстоятельство, которым необходимо было заняться в первую очередь, и он сообщал об этом своему начальнику в форт Черчилл. Он передал в своем донесении все, что рассказал ему Пьер Брео, удостоверял, что верит этому вполне и что Брэм Джонсон, на котором тяготело целых три преступления, таким образом оказывается еще в живых. Он просил выслать для отслеживания шайки грабителей-индейцев другое лицо и, насколько возможно, подробнее изложил те методы, которыми будет руководствоваться в своем следствии по делу Брэма.

Покончив с этим рапортом, он запечатал его, но умолчал только об одном.

Он ни единым словом не обмолвился в нем о петле для ловли кроликов, сделанной из женских волос.

Глава IV. Восьмая ночь

На следующее утро буря все еще жестоко махала из стороны в сторону своим хвостом со стороны Баррена, но Филипп все-таки отправился в путь, взяв с собой в проводники Пьера Брео до того места, где он в последний раз видел у костра Брэма Джонсона и его волков. С того тревожного вечера прошло уже три дня, и когда они прибыли к тому месту, где Брэм провел ночь в шалаше, сделанном из еловых ветвей, то шалаш этот оказался уже до половины занесенным снегом, который без удержу разгуливал целыми тучами по открытым пространствам.

От этого места Пьер в точности объяснил то направление, которое взял Брэм на утро после своей охоты, и Филипп заметил по компасу этот уже невидимый из-под снега путь и почти тотчас же пришел к определенному выводу.

– Брэм должен был держаться вот этого самого кустарникового леса вдоль Баррена, – обратился он к Пьеру. – И я тоже буду держаться его опушки. Вы можете сообщить об этом Мак-Вею в дополнение к тому, что я уже ему написал. Но о петле, Пьер Брео, ему ни слова! Понимаете? Если Брэм действительно знаетсся с нечистой силой и умеет хватать золотые женские волосы прямо из воздуха, то...

– Я ничего ему не скажу, мсье... – ответил, поведя плечами, Пьер.

Они пожали друг другу руки и молча расстались. Филипп отправился на запад и, пройдя некоторое расстояние, обернулся назад, чтобы в последний раз посмотреть на Пьера, но его уже не было. Через час после этого он весь был подавлен сознанием, что добровольно принял за отчаянное предприятие. По соображениям, которые пришли к нему за ночь, он оставил своих собак вместе с саними у Пьера и отправился в далекий путь пешком. Его ранец, в котором могло поместиться ноши не более одного пуда, был у него за плечами, но это было все. В нем находились его шелковая палатка, которая могла противостоять любой непогоде, и кое-какие необходимые в дороге предметы для варки пищи. Всю остальную кладь, не считая ружья, револьверов и зарядов, составляли высушенные или превращенные в порошок съестные припасы, сильно спрессованные, так что тридцати фунтов таких припасов было вполне достаточно на целый месяц, если он будет добывать себе мясную пищу в пути. Главную часть всей этой его поклажи составляли пятнадцать фунтов муки; четыре десятка яиц заключались в одном фунте яичного порошка; двадцать восемь фунтов картошки были превращены всего только в четыре фунта сушеного продукта; четыре фунта луку он нес в виде концентрированной жидкости в пузырьке весом всего только в четверть фунта. Таковы были все его запасы.

Он несколько угрюмо засмеялся, когда подумал обо всем том, что находилось у него за плечами. Почему-то ему пришли на ум его прежние дни, и он стал задавать себе вопрос: что сказали бы его старые друзья, если бы каким-нибудь чудом вдруг очутились вместе с ним здесь и были бы принуждены питаться так, как он? В особенности его интересовало, как бы отнеслась к этому Миньона Девенпорт. Он воображал себе весь ужас, который появился бы на ее аристократическом лице. От этого дувшего со стороны Баррена ледяного ветра остановилась бы кровь у нее в жилах, она бы скорчилась и умерла в одну минуту. Он считал себя вполне компетентным относительно нее, так как в свое время хотел на ней жениться. Странно, почему именно сейчас она пришла ему на ум? Впрочем, он думал о ней довольно часто. А когда она приходила ему на ум, как вот теперь, когда он брел по следам за Брэмом Джонсоном, он всегда вспоминал о том, что ему пришлось когда-то пережить. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что большинство его старых друзей давно уже позабыло о нем. Пять лет – не маленький промежуток времени, и дружба в том обществе, к которому он принадлежал, никогда не отличалась продолжительностью. Точно так же и любовь. В этом убедила его Миньона. Он горько и презрительно улыбнулся, даже несмотря на ветер, бивший снегом ему прямо в глаза. Судьба сыграла с ним злую шутку. Вообще она любит поиздеваться. Сперва он подхва-

тил воспаление легких, затем у него с легкими, случилось что-то «галопирующее», как выражались тогда врачи, и он стал кашлять кровью. С каждым днем в больших, детски-голубых глазах Миньоны стало все больше и больше появляться выражение страха, а затем она с такою же детскою откровенностью заявила ему, что очень неудобно иметь в числе своих знакомых больного чахоткой.

При мысли об этом Филипп расхохотался. Смех пришел к нему так неожиданно и был таким громким, что Брэм мог бы услышать его за двести шагов, даже несмотря на завывание ветра. Чахотка! Филипп согнул и разогнул в локте руку, так что захрустели даже кости. Он вдохнул в себя полной грудью воздух и выдохнул его обратно с таким шумом, с каким пар вырывается из предохранительного клапана. Это сделал с ним Север. Его вылечил именно Север с его удивительными лесами, безграничным небом, с его реками и озерами и с глубокими снегами, тот самый Север, который из, ледащего человека делает богатыря. Он полюбил его. И потому, что он полюбил его, а с ним вместе и его приключения, он и поступил два года тому назад в пограничную стражу. Он сделал это просто так, для развлечения; в свое время он бросит эту службу, возвратится обратно к своим старым друзьям и к своему клубу и своим богатырским здоровьем поразит голубоглазую Миньону чуть не до смерти.

Несмотря на то, что он был занят теперь выслеживанием таинственного человека, все эти мысли чередой проносились у него в голове. В течение целых двух лет, пока он находился на службе, ему часто приходилось слышать о странной жизни Брэма. Он никому не рассказывал, как глубоко был заинтересован этой личностью. Правда, он иногда вступал с сослуживцами в разговор о несомненном уме Брэма, но все его усилия в этом отношении оставались бесплодными. Что же касается индейцев и метисов во всем этом краю, в котором он жил, то все они считали Брэма самым настоящим чудищем, обладавшим дьявольскими способностями. Для всех пограничников он был лакомым куском, так как представлял собою в высшей степени опасную личность для всего Севера, и тот счастливцев, которому удалось бы схватить его мертвым или живым, тотчас же был бы произведен в сержанты. У многих из них сразу потухли амбиция и надежда, как только разнеслась весть о том, что Брэм уже умер.

Филипп вовсе даже и не думал о чине сержанта, когда настойчиво продвигался вперед по Баррену. Служба была для него между прочим, так как у него были совсем другие планы насчет будущего. С того самого момента, как его пальцы коснулись золотых волос, на него сошло вдруг какое-то странное вдохновение. Сегодня оно захватывало даже еще больше, чем вчера. Но он не выказал ни его, ни своих мыслей перед Пьером, так как не хотел выставить себя смешным. Он обладал большим воображением и вместе с тем симпатией к животным и к людям. В нем совершенно отсутствовали холодная рассудительность и всякие ухищрения охотника на людей, направленные к тому, чтобы как можно скорее овладеть жизнью другого. Он знал, что поймать Брэма и предоставить его в распоряжение правосудия составляло его долг, и был уверен также и в том, что выполнит этот долг даже и в том случае, если его предположения о золотой петле окажутся ни на чем не основанными.

А правильно ли он базировал свои предположения? Его обуревали величайшие сомнения, и он испытывал какую-то странную неловкость. Он старался доказать себе, что могло быть очень много способов, благодаря которым золотые волосы оказались в распоряжении Брэма для устройства силков; они могли быть принесены к нему как талисман, как заклятие против болезней и дьявольских чар каким-нибудь слабым человеком, шаткий ум которого был весь поглощен предрассудками. В последнем случае было бы вполне логично предполагать, что в качестве талисмана Брэм владеет этими золотыми волосами уже давным-давно.

Но вопреки самому себе, Филипп не допускал этого. В полдень, когда он развел огонь, чтобы вскипятить себе чаю и испечь из муки лепешку, он снова вытащил из бумажника золотые нити и стал рассматривать их еще тщательнее, чем вчера. Казалось, что они были срезаны с

головы у женщины только вчера, – так они блестели на бледном свете северного полуденного солнца. Его удивили их тонкость и длина. Все они были одинаковы и равной длины.

Он пообедал и пошел далее. Три дня метели окончательно скрыли малейшие следы Брэма и его волков. Тем не менее он был уверен, что Брэм не захочет удаляться от лесных зарослей и углубляться в Баррен. Он уже раньше был осведомлен о том, что этот Баррен – великий Баррен, даже не нанесенный еще на географическую карту, представляет собою одно безбрежное снежное море, в котором до сих пор скрывался от закона Брэм. Простираясь на целых пятьсот миль на восток и на запад, он доходил, начиная с шестидесятого градуса, почти вплоть до самого Ледовитого океана. Его необитаемые и безлесные пустыни могли доставить Брэму такое же безопасное убежище, как и необъятный Великий океан для прежних пиратов. Этот Баррен был даже хуже, чем Ледовитый океан, потому что на берегах океана можно было, по крайней мере, встретить хоть эскимосов.

Филипп ясно представлял себе всю трудность своих поисков. Весь его успех зависел от хорошей погоды и от того, насколько ему удастся напасть на старый след Брэма и его волков. Старый след мог бы привести его к новому. Но на это потребовались бы целые недели.

В этот вечер прекратились последние вспышки метели, которая неистовствовала все последние дни. Целую неделю затем продолжалась ясная погода. Снег не падал вовсе, но зато было невыносимо холодно. За всю эту неделю Филипп прошел сто двадцать миль к западу.

Вечером на восьмой день, когда он сидел у огня в густых зарослях карликовой сосны, вдруг случилось то, что, пропитанный насквозь фатализмом и предрассудками, предсказывал ему Пьер Брео. И надо же было случиться так, что именно в этот самый вечер и в тот самый час, когда это произошло, Филипп с необыкновенной тщательностью и с величайшим трудом снова сплетал из этих шелковых волос золотую петлю.

Глава V. Первая встреча

Ночь была так ясна, что отбрасываемые сосенками и елями тени казались на снегу живыми. На безграничном, как открытое море, небе сверкали биллионы звезд. Большая Медведица мигала лучами своих планет. В лунном свете не было нужды. На расстоянии чуть не ста сажень Филипп мог бы видеть лося или оленя, если бы им вздумалось проходить. Он сидел у самого огня, тепло которого отражалось в него от большого почерневшего камня, и заканчивал свое плетение, на что потребовалось ему не менее часа. Уже давно до него доносился любопытный монотонный звук от северного сияния, который, спускаясь с неба на землю, часто походит на мурлыканье кошки или на гуденье пчелы. Занятый своим делом, он и не услышал приближавшегося к нему другого звука. До тех самых пор, пока он не кончил и не положил золотую петлю уже в готовом виде к себе в бумажник, каждый из этих двух звуков не обособился и не отделился еще один от другого.

Он потянулся. Потом прислушался. Затем вскочил на ноги и пробежал через кустарники целых пятьдесят футов к их опушке, где начиналась белая равнина.

Шум доносился издалека, с очень большого расстояния. Чуть не за версту. А может быть, и за две. Это был вой волков!

В этом вое для него не было ничего ни нового, ни необыкновенного. За эти два года он слышал его уже не раз. Но никогда еще он не смущал его так, как именно теперь, и он почувствовал, как похолодела в нем кровь, когда этот звук направился прямо на него. В один момент он вспомнил обо всем, что рассказывал ему Пьер Брео. Так охотились Брэм и его волки. А это действительно мчался Брэм. Филипп был уверен в этом.

Он побежал обратно к своей палатке и как можно скорее обогрел на потухавшем уже огне казенную часть своего ружья. Затем он набросал на костер снегу. Возвратившись к опушке карликового леса, он выбрал себе наиболее высокое дерево, чтобы можно было, в случае надобности, взобраться на него хотя бы сажени на полторы от земли. Все эти приготовления были выполнены им с быстротою ветра. А стая волков, гнал ли ее перед собою человек или вел за собою волк-вожак, неслась уже прямо на него и находилась от него всего только в четверти мили, когда он стал вскарабкиваться на дерево. Он тяжело дышал, и сердце у него билось, как барабан, потому что, когда он влезал на дерево, ствол которого имел у основания всего только два вершка в диаметре, ему припомнилось, как однажды, желая уберечь от волков убитую им тушу лося, он вздернул ее высоко на кедр толщиной в ногу, и все-таки волки подгрызли дерево так, что оно свалилось, точно было сделано из папье-маше. С этого-то ненадежного своего убежища он и стал всматриваться в простиравшийся перед ним, залитый светом звезд Баррен.

Затем вдруг послышался третий звук. Какое-то копытное животное сломя голову несло по снежной пустыне, взрывая снег копытами. Когда оно поравнялось с Филиппом, то он увидел, что это спасал свою жизнь карибу. Он с облегчением вздохнул, когда животное побежало параллельно опушке леса, в котором стояла его палатка, намереваясь вбежать в самый лес милей ниже ее. Он заметил, что преследовавшие его волки вдруг замолчали. Это могло означать только одно. Они так уже близко находились от своей добычи, что им незачем уже было быть. Едва только пробежал мимо карибу, как Филипп увидел передового из них – серого, быстро увлекавшего за собой других, которые мчались за ним веером, стараясь замкнуть края образовавшейся подковы с обеих сторон, чтобы захватить в нее карибу. Волки промчались от него так близко, что он мог слышать их дыхание, топот ног и взвизгивания, издаваемые ими сквозь сжатые челюсти. Всех их было по крайней мере штук двадцать, а может быть, и тридцать, и они бежали с таким видом, точно их гнали перед собой силы ада.

Со своего ненадежного места Филипп спустился опять на снег. Он увидел, что карибу уже добежал до леса. Тогда, спрятавшись в тени ели, он стал ожидать, что будет далее. Как вдруг

он слышал скрип снега под лыжами. Кровь бросилась ему в лицо, и сердце у него забилося, как и тогда, когда он только еще ожидал появления волков; так он был уверен, что должен был увидеть перед собою человека, как только он выйдет из тени на звездный свет. В короткий промежуток времени между тем, как убежали волки и не выявился еще этот человек, он уже решил, что ему нужно было делать. Судьба вкладывала ему в руку козырной туз. Он быстро пришел к заключению, что легко сможет сладить с Брэмом наедине, тогда как окруженный своими волками тот был совершенно неуловим, и стоило одного только его слова, чтобы они бросились всей стаей на его врага и растерзали его в клочки. Теперь же, когда волки убежали от Брэма далеко, план Филиппа состоял в том, чтобы перерезать Брэму путь и захватить его живьем.

Он поднялся с коленей на ноги, все еще не выходя из тени ели, и сбросил с себя ружье. Сняв с себя перчатку, он крепко стиснул в руке револьвер. Широко раскрыв глаза, он стал выслеживать Брэма на том же месте, где незадолго перед этим промчались и волки. А затем вдруг произошло разочарование. Оно было ужасно. Обманчивые звуки Баррена сыграли с Филиппом неожиданную шутку – и в то время, как он во все глаза вглядывался в далеко растянувшуюся перед ним равнину, сам Брэм своей собственной персоной вдруг появился перед ним у опушки всего только в каких-нибудь двадцати шагах.

Филипп едва сдержал крик, готовый уже сорваться с его губ, как в этот самый момент Брэм вдруг сразу остановился и, весь на свету от звезд, стал громко кричать своим волкам. Покричал – и стал прислушиваться. Это был не человек, а гигант. «Чудовище», – подумал Филипп. Возможно, что неверный свет ночи увеличивал в его глазах его размеры. На плечи у него спускалась целая копна нечесаных волос, точно морская трава. Борода у него была короткая и густая, и в один момент Филипп увидел его блестящие глаза, как у кошки. Он увидел также и его лицо. Это было страшное лицо с пронзительным взглядом – лицо существа, которое охотилось само и сознавало, что охотились и на него. Это был получеловек-полужверь. Филипп знал, что никогда не забудет этого лица, его дикого выражения и того страшного одиночества и отчужденности от всего мира, которые светились в его устремленных вдаль глазах. Никогда он не забудет также и того тяжелого дыхания, которое так шумно вырывалось из груди этого человека.

Филипп сознавал, что нужно было действовать как можно скорее. Он выступил вперед из тени, и его пальцы крепко сжали рукоятку револьвера.

Брэм мог бы его увидеть, но в эту самую минуту он запрокинул голову назад и закричал таким криком, какого Филипп не слышал раньше никогда ни от животного, ни от человека. Он начался где-то глубоко в его груди, загремел, как барабан, и закончился тонким, визжащим звуком, который можно было бы услышать за целые мили кругом, – так хозяин звал свою свору назад, так человек-зверь кликал к себе обратно своих собратьев. Возможно, что еще раньше, чем Брэм так закричал, какой-то сверхинстинкт подсказал ему, что его подстерегает опасность, которой он не замечает. Крик сразу оборвался. Он закончился каким-то странным шипеньем, точно шум пара, вырывавшегося из котла. И прежде чем Филипп мог собраться с силами и прийти в себя, Брэм уже побежал далее, и пограничник мог услышать его странный, почти сумасшедший хохот, который он не забудет уже никогда в жизни и который всегда будет вызывать в нем дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.